

ПОКЛОНИСЬ ХЛЕБУ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 50 ДЕКАБРЬ 1986

МАРШАЛ
ЖУКОВ

ПИСЬМА ГЕРОЯ ЧЕРНОБЫЛЯ

В АПАТИТОВОМ
КРАЮ

СБЕРЕЧЬ
ДЕРЕВЯННЫЕ
ШЕДЕВРЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 50 (3099)

13—20 ДЕКАБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

**Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Б. А. ЛЕОНОВ
(первый заместитель главного редактора),
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.**

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.11.86. Подписано к печати 09.12.86. А 00771. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2962. Заказ № 4012.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

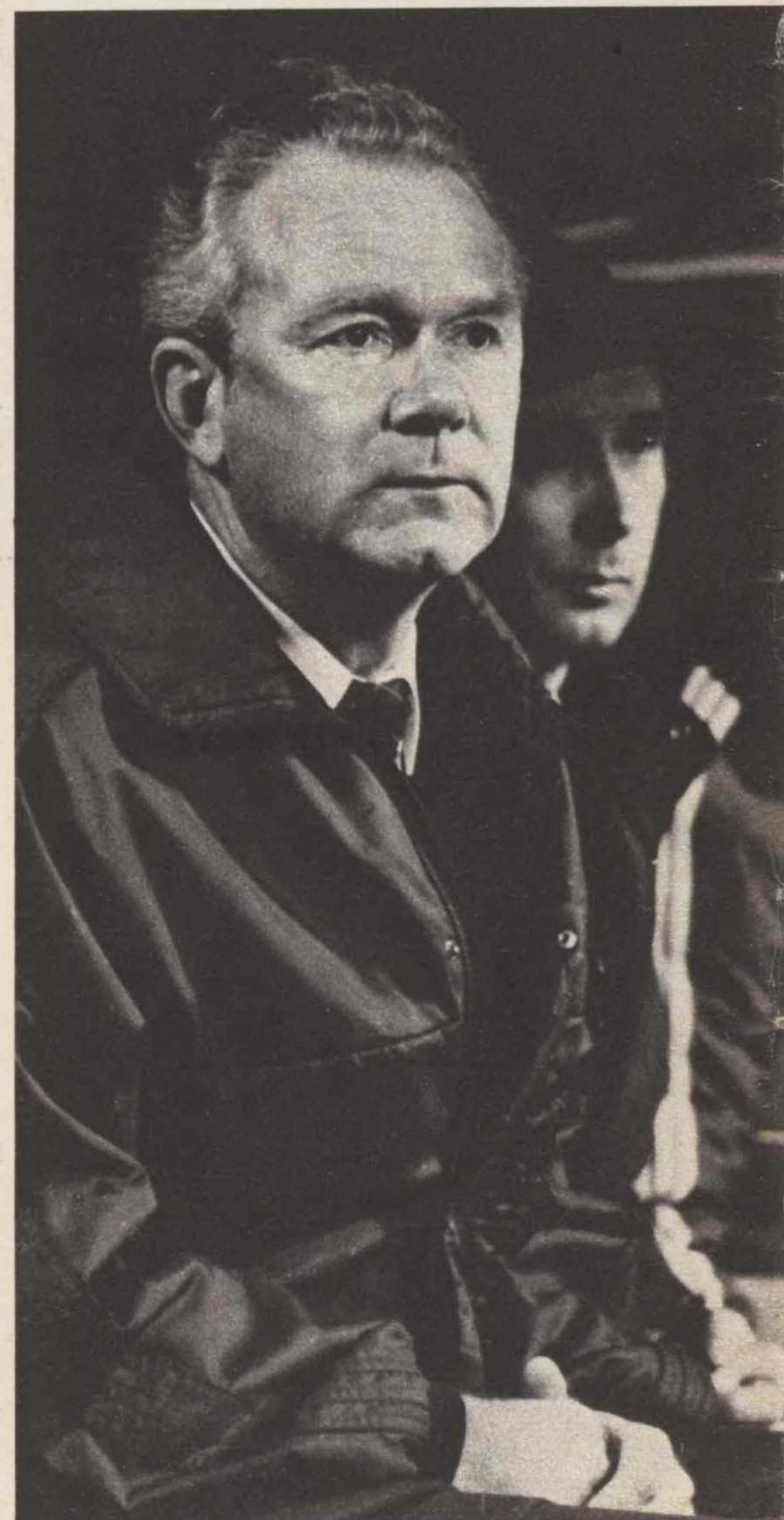
**7 декабря. Киев.
Республиканский
стадион**

**ФУТБОЛИСТЫ
КИЕВСКОГО «ДИНАМО»
В ДВЕНАДЦАТЫЙ
РАЗ СТАЛИ
ЧЕМПИОНАМИ
СТРАНЫ**

●
**Вратарь Виктор Чанов —
обладатель приза «Огонька»
«Лучшему вратарю года».**

●
**Первый мяч в воротах
московских динамовцев.**

●
**Тренеры
противоборствующих команд —
Валерий Лобановский
и Эдуард Малофеев.**

ТРИ КРУГА ЧЕМПИОНА

**Олег ШМЕЛЕВ,
фото Анатолия БОЧНИНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Московский футбольный болельщик, безлюдьем столичных стадионов отученный от суровой борьбы за билеты и потому демобилизованный и расслабленный, на стадион в Киеве 7 декабря вряд ли бы попал. Сто тысяч билетов были распроданы за несколько дней до матча.

Огромная чаша республиканского стадиона сверху казалась кратером действующего вулкана. Сравнение, конечно, не очень-то свежее, но в данном случае вполне уместное: там, на зеленом дне вулкана, klokотали страсти—последние страсти футбольного сезона. И это понятно: сезон неминуемо затянулся, а главный вопрос—кто станет чемпионом!—решался в последнем матче.

Как говорится, специалисты еще подведут итоги и дадут общую оценку (в том числе и календарю)—это их дело. Мы же должны сказать одно: команда киевского «Динамо» заслужила в этом году любовь и восторги всех болельщиков независимо от их постоянных клубных пристрастий. Сверх двух кругов чемпионата страны она с честью прошла еще и свой международный круг: во второй раз выиграла европейский Кубок обладателей кубков; полным составом войдя в сборную СССР, восхищала болельщиков всего земного шара в четырех матчах чемпионата мира в Мексике; пробилась в четвертьфинал европейского Кубка чемпионов, победив сильнейшего соперника—шотландский «Сел-

тик»; ее игроки—опять-таки в составе сборной—в трех встречах отборочного турнира первенства Европы помогли завоевать пять очков из шести возможных. И под конец они вместе с динамовцами Москвы показали драматическое зрелище, до финального свистка державшее в напряжении равнодушных очевидцев.

Как известно, родоначальники футбола, англичане, устами журнала «Уорлд соккер» в этом году назвали киевское «Динамо» лучшей клубной командой мира, а тренера Валерия Васильевича Лобановского поставили среди всех тренеров света на второе место. Такое признание даром не дается.

Киевским динамовцам золотые чемпионские медали достались в трудной борьбе—и по справедливости. Динамовцы московские вправе считать свои серебряные медали знаком очень большого успеха. Спартакцам, вероятно, все еще кажется недостаточной их богатая коллекция бронзы.

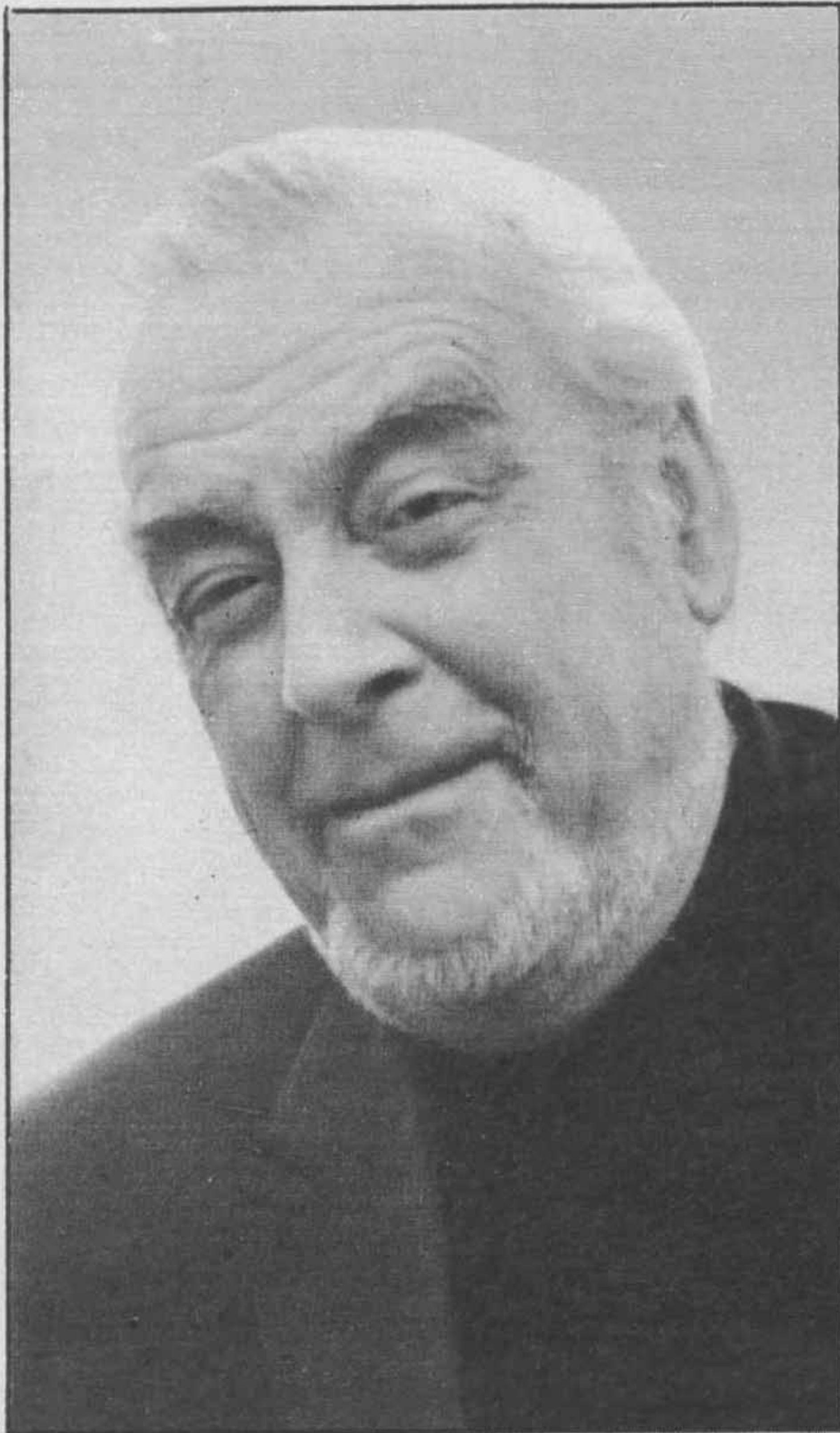
Как бы там ни было, завершившийся сезон подарил нам нечто такое, что намного дороже и значительнее любых частных достижений и результатов,—он вернул отечественному футболу его давнее достоинство и возродил нашу веру в недалекие высшие успехи. Больше других сделали для этого киевские динамовцы и их целеустремленный бескомпромиссный тренер.

Свой традиционный приз лучшему вратарю года на этот раз редакция присудила Виктору Чанову. Вместе с собственным корреспондентом «Огонька» на Украине Станиславом Калиничевым мы собирались вручить кубок на стадионе сразу после игры. Но момент был неподходящий. Бушующую на трибунах радость в кубки не разливают. Так что вручение оставлено до более спокойных времен.

Киев, по телефону.

СОСТОЯЛСЯ УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД СОЮЗА ТЕАТРАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ СССР. НА НЕМ ОБСУЖДАЛИСЬ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА В СВЕТЕ ТЕХ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ. ВСЯ РАБОТА СЪЕЗДА БЫЛА ПРОНИКНУТА ЖЕЛАНИЕМ, ЧТОБЫ БОЛЬШОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ДЕЛО ДВИГАЛОСЬ ВПЕРЕД, КАРДИНАЛЬНО МЕНЯЛОСЬ. СЪЕЗД ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ОБРАЗОВАТЬ СОЮЗ ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СССР.

Своими мыслями о сегодняшнем состоянии советского театра, перспективах его развития делится секретарь правления Союза театральных деятелей России и член правления Союза театральных деятелей СССР, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР

Андрей ГОНЧАРОВ.

«ВЕРЮ В ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСКУССТВУ!»

Организация Союза — это вызревшая в недрах общественной и театральной ситуации потребность. Глобальная потребность.

В нашем театральном деле сегодня сложилась странная и сложная ситуация. Судите сами, на протяжении многих лет театр терял доверие зрительного зала. Определялось это многими социальными процессами, которые только на первый взгляд прямого отношения к театру не имели. Все эти процессы я помню хорошо. Привели они к тому, что периферийный театр сейчас переживает затяжной кризис, зритель туда не ходит. Театр перестал быть жизненной потребностью, и каждое свободное кресло работает против самой его благородной миссии. Хорошо, что театр еще необходим зрителю Москвы или Ленинграда. Хорошо, что есть решение об открытии в столице новых профессиональных коллективов. Думаю, жить они будут сложно. Ведь после такой длительной паузы открытие новых коллективов непривычно не только для зрителя, но и для самих деятелей театра. Но, повторяю, это всего лишь маленькие частные радости, увы, не определяющие существа проблемы.

Театр страдает — и тяжело страдает — от администрирования, мелочной опеки, отсутствия доверия не на словах, а на деле. Администрирование привело театр к канонизации. Канонизации подверглось все и вся. Даже система Станиславского. Из нее сделали догму, что в корне претит самой природе этого поразительно живого учения. Из нее вытравляется творческий дух, извлекаются лишь средства, которые становятся самоцелью. Это приводит в лучшем случае — к формальному поиску, в

худшем — к остановке всякого поиска: мол, чего искать, когда все найдено.

Началось это не вчера, а еще в 30-е годы, когда наступил процесс затухания живого (единственно возможного!) театра как вида искусства. Плоды этого мы пожинаем и по сию пору. Привело это к тому, что мы оказались не готовы, скажем, к появлению новой драматургии. Мы не сумели оценить и достойно воплотить, например, театр Вампилова. Не готовы к той степени художественной правды, которую сформировала жизнь, — она оказалась для театра во многом неожиданной, неведомой. Причина? Все та же канонизация, ориентирование на нечто единственное. Потому и не редкость, когда одновременно во многих театрах ставится одна и та же пьеса, как было это с «Рядовыми» Дударева, которую поставили сразу более семидесяти театров. И дело здесь не в том, что пьеса хороша. Просто так работать привыкли, так учили. Сложившиеся, с позволения сказать, принципы управления театром ставили мощный заслон всякому проявлению нового. Все, что выбивалось за жесткие, очерченные рамки, подвергалось сомнению, а затем попросту объявлялось вредным или порочным. Именно поэтому закрыли театр, возглавляемый Мейерхольдом, закрыли Камерный театр Таирова... Все это было на моей памяти. И забыть этого нельзя. Случилось так, что все классики советского театра к концу своей жизни, к подведению итогов — поре необычайно плодотворной, когда дело передается в руки учеников, продолжателей — оказались вне театральных стен. Такова судьба замечательного художника Алексея Дмитриевича Попова, который был изгнан из театра. Трагична судьба была и другого моего учителя, Андрея Михайловича Лобанова. Итог — мы потеряли не толь-

ко зрителя, но и живой, творческий интерес к театру, потому что теряли свое лицо. Теряли лучшее, что возвращалось в театре, что формировало советскую классику.

Думаю, будь у Всероссийского театрального общества в те годы серьезное руководство, способное формировать общественное мнение, подобные процессы были бы затруднены. Вот и выходит, что Союз во всех смыслах необходим, пусть и с запозданием осуществленная. Он в состоянии будет заняться самоуправлением в делах театра, так как опыт показывает — передавать право суждений о таком сложном и тонком процессе, как театральный, «конторам» (выражение Станиславского) по меньшей мере бесхозяйственно по отношению к нашему культурному наследию. Поэтому, став Союзом театральных деятелей России, мы сделали первый и необходимейший шаг для устранения болезненных процессов, для того, чтобы вторгнуться самим в дело, которому служим и служили наши великие учителя. Образованный на учредительном съезде новый творческий союз раскроет эти возможности для всех деятелей многонационального советского театра.

Демократические принципы нашей жизни целиком проявились в ходе работы съезда, его итогах. Этот съезд стал, безусловно, значительным событием. Очень важно, что коллективы художников теперь объединены. Потому что наш Союз — это центроостремительная сила по отношению к различным центробежным силам, разрушающим творческий процесс.

Но не будем идеалистами, не будем впадать в крайности и считать цель уже достигнутой. Это — лишь начало. Впереди поиск, борьба, борьба за новые отношения в театре и с театром. Необъявленных противников новому предостаточно. Прежние позиции отдаются с неохотой. Вот и Министерство культуры очень взволновано тем, что в новой театральной ситуации придется, очевидно, работать по-новому. Ведь театр ждет от министерства помощи в организации творческого процесса. Однако в отличие от прежних времен решение творческих вопросов, вопросов, связанных с внутренней жизнью театра, куда, естественно, входят и кадровые проблемы, должно в значительно большей степени быть делом театра и Союза. Союза компетентных людей, каковым он сейчас и является. Должно стать нормой, правилом, что суждения о том или ином спектакле, явлении искусства, творческой личности должны высказывать компетентные люди.

Передо мной положение, составленное Министерством культуры СССР о деятельности театров в предстоящий сезон. Оно ничего не меняет в нынешнем положении. В нем сплошные ограничения. Если мы будем перестраиваться, как предписывает этот документ, то ничего не изменится. Или недавно прочел положение об эксперименте; надо бы в рамках этого эксперимента предоставить свободу, дать варианты и возможности коллективу выбрать именно то, что подходит конкретно для него. Преступно стричь здесь под одну гребенку. Это не новый стиль работы, не новое мышление, а все то же администрирование, система оценок, где мерилom является не спектакль как произведение искусства, не результат, а чья-то благосклонность. Точно театр, его работники сами не знают, что нужно, а что нет. Убежден, что сама жизнь нас заставит оценивать работу творческого коллектива по **конечному результату**. Мы придем к необходимости перенять принцип «**подряда**» и из этого изменить существующие и устаревшие принципы материального и морального стимулирования. Потому как сегодняшняя система оплаты театральных работников в сравнении, скажем, с оплатой в кино и на телевидении, я бы сказал, оскорбительна. Подряд же обеспечивает дифференциацию по вложенному труду. В этом, кстати, тоже должна быть помощь со стороны министерства. Так что работы хватит всем, только каждый должен заниматься своим делом.

Верю в то, что, если начинаниям Союза не будут мешать, помогут, если заявленные принципы не будут ревизоваться, нас ждет новый театральный подъем, ждет возвращение к Искусству.

«УРАЛМАШ»: ИДЕТ ГОСПРИЕМКА...

ДИАЛОГ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ И РАЗМЫШЛЕНИЯМИ

Одной из кардинальных мер, направленных на повышение качества выпускаемой продукции, с 1 января 1987 года станет государственная приемка выпускаемых изделий.

Организуется она прежде всего в крупных объединениях, дающих важную продукцию для народного хозяйства.

1700 предприятий многих отраслей индустрии готовятся к этому важному этапу.

Многие из них находятся на Урале, в том числе и знаменитый «Уралмаш»...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»,
фото автора

Зимний день короток. А за дедами и заметить не успеешь, как синевой нальется вечернее небо, зажгутся огни домов. Вспыхнули лампы и над главной проходной завода. Но не утих гул в цехах, которые, правда, мне не видны отсюда, из приемной заводского парткома, но знаю — это так. Так же, как уверен, хотя из-за плотных дверей не раздаются никаких голосов, слово «госприемка» произнесено там будет неоднократно. Ею живы сегодня здесь все, с ней связаны все главные заботы.

Заседание парткома, однако, не затянулось. Дверь открывается, из кабинета выходят люди: видно, обсуждение вопросов не оборвалось со «звонком», важная тема все еще витает в воздухе, на лицах — отблески возбуждения... Вместе со всеми выходит и высокий, плотный, седоватый человек, я знаю — это генеральный директор «Уралмаша» Игорь Иванович Строганов. Он лишь утром вернулся из командировки, и вообще сейчас не до корреспондентов... Но я рискую подойти. Тем более, что и вопрос-то, который я намерен задать, — единственный, да и тот, по сути, риторический, не требующий ответа. Но мне важна реакция. Итак, считает ли руководитель предприятия госприемку в определенной мере актом недоверия к заводу? Тем более что это производство не из тех, которые постоянно бьют за качество. Марка «Уралмаша» значительна. Игорь Иванович уже широким шагом поднимался по лестнице, направляясь в свой кабинет. Вопрос его не обескуражил.

— Все так и есть, — спокойно ответил он. Жестом пригласил меня в кабинет, указал на стул возле своего стола и опустил сам. — Уместнее, конечно, спросить: какая же в госприемке возникла необходимость? Задумались и мы. Вместе с заводской службой технического контроля стали анализировать и пришли к выводу: ко многим своим недостаткам мы слишком притерпелись, нужна встряска.

— Встряска — слишком сильное слово. Что значит встряхнуть предприятие? Госприемка отказывается принимать ваше изделие, у завода горит план, без зарплаты остаются рабочие, инженеры. На сколько: на день, неделю, месяц? А если причина брака кроется где-то за пределами завода, тогда как? С другой стороны, не будь «встряски», или, иначе говоря, ЧП, все останется по-прежнему?

— Да, вопрос, конечно, не прост. И я думаю, что здесь нельзя идти напролом. Но давайте по порядку. Я уже говорил, что мы притерпелись к своим недостаткам. Было постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о коренном улучшении качества продукции. Мы его основательно проработали, обсудили, но, видимо, не до каждого удалось дойти, хотя в коллективе и велась большая работа. Помогло нам и заседание бюро обкома партии, на котором рассматривался вопрос о работе парткома и администрации «Уралмаша» по повышению качества. Словом, к госприемке мы начали готовиться не сегодня. И больше того, решили ее начать не с первого января будущего года, а по некоторым изделиям уже с нынешнего ноября. Начали, например, госприемку с «Малютки». Эту стиральную машину неплохо знают потребители, и она пользуется спросом. И вот первый же контроль привел нас к остановке производства. Сначала реакция была: да как же так? Как вы смеете?! Хотелось стукнуть кулаком по столу — прекра-

тить это безобразие!.. Но чуть подумав, поостыв, стали сами себе говорить: так не годится. Давайте-ка попробуем вместе разобраться в существе возникшего конфликта. И разобрались: наметили семнадцать позиций, подлежащих исправлению.

— Но я слышал, что среди них была и особая — двигатель. Как будто бы он не приспособлен для «Малютки»?

— Правильно. Мы берем двигатель тот, что нам дает Министерство электротехнической промышленности. Для каких-то иных целей он, наверное, и хорош. Но нам желательно, чтоб двигатель грелся не до девяноста градусов, а хотя бы до шестидесяти, были бы изменены другие параметры. И вот теперь уже вместе с госприемкой мы будем обращаться в министерство — создать мотор специально для «Малютки». И постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по товарам народного потребления нам в помощь...

— А пока производство стиральной машины остановлено?

— Нет, но зависящие от нас огрехи мы устранили.

— Игорь Иванович! Мне была бы ясна задача госприемки: продукция не соответствует стандартам, не отвечает качеству — разберитесь и исправьте. А получается, что госприемка начнет дублировать функции службы технического контроля завода, или иначе — СТК. Разве заводские контролеры не могут сами обнаружить те же самые недостатки? Зачем понадобилась нянька?

ОТСТУПЛЕНИЕ. ИЗ РАЗГОВОРА В ЦЕХЕ

— В службе технического контроля я давно уже — очень давно, больше двадцати лет. А до этого и сборщиком был, и все операции прошел. Ну, что я вам могу сказать... — Контролер СТК Борис Михайлович Бердюгин на секунду задумывается. Ему я задал тот же вопрос: госприемка — не выраже-

Далеко не все вопросы могут быть решены безболезненно и сразу... Заместитель руководителя органа вневедомственного контроля на «Уралмаше» Ю. С. Жолтышев (справа) и работник госприемки цеха И. А. Бродников вместе с мастерами и бригадирами должны «по косточкам» разобрать изделие.

ние ли недоверия и по отношению к нему? — Я скажу так, — продолжил Бердюгин, — ни недоверия, ни ущемления своих прав я не вижу. — Служба СТК — один из заводских органов. Можно сказать иначе — это совесть завода. Но и совесть можно заставить замолчать. Она будет болеть, но деваться ей некуда. Если говорить честно, всегда ли вы в силах оставаться бескомпромиссным? Горит план, недогружено продукции, летят премии, заработки, завод в прорыве, а мешает отправке продукции один лишь контролер СТК?

По-разному бывает, по-разному... И вот для тех контролеров, которые стремятся работать честно, не идти на уступки, госприемка — большая поддержка.

— Ну а для тех, слишком уступчивых, просто крах? — настаиваю я. — Пойдет контролер на поводу требований администрации — госприемка спросит. И окажется он между двух жерновов...

ОТВЕЧАЕТ И. И. СТРОГАНОВ.

— Да, конечно, могли и без няньки, — объясняет мне Игорь Иванович. — Но слишком уж в нас засела инертность мышления. Поскольку мы выпускаем в целом-то неплохие машины, с какими-то недостатками считалось возможным смириться. Ну, а было бы иначе — никакой новой надстройки создавать бы не пришлось... Но задачи госприемки шире: не только на конечном этапе пропустить или забраковать изделие, но и на промежуточных проследить за соблюдением технологии, за последовательностью операций, соответ-

Пекарь-
укладчица
Роза Аюпова.

Может,
и вы
отметили:
в
городах
мало
хлебных
магазинов.
Булочная-
кондитерская —
пожалуйста.
Сдобное
печенье,
безликое
конфетное
ассорти;
дорогой
товар.
Он
и
отодвинул
на
вторые
планы
пшеничную
буханку,
ржаной
каравай,
детские
сухарики!..

наш хлеб

ЗАКАЗ НА ЗАВТРА

К. БАРЫКИН,
фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Переступил порог и окунулся в хлебный дух — с чем его сравнить? По такому аромату и поныне в городах отличают хороший хлебный магазин от средненького, а в селах — настоящую хозяйку от той, которая дома никогда хлеб не пекла...

Но тут не магазин, не домашняя пекаренка. Большой столичный завод. Номер у него шестой, но по выпечке ржаных сортов — одно из первых в городе предприятий. Тут начинали «житный», отсюда выходят «орловский», «подмосковный», «бородинский»... Ржаной — хлеб особый. И если бы он доходил до едока таким, каким объявился из печи, — за уши от него не отта-

щишь. Полнились бы ряды почитателей ржаного — на радость диетологам, определившим этот хлеб как самый сбалансированный, самый полезный.

— Да, ржаной хорош... Но мы готовы и к выпуску новых хлебов, в их ряду — пшеничный улучшенной рецептуры, — рассказывает директор Алевтина Кузьминична Филатенкова. Мы с ней только что были в цехе, возле пятой печи, на которой начинают осваивать пшеничные «кирпичики». Пышная, красивая (строго говоря, хлеб красивым не бывает, не должен быть), аппетитная еда. В этом пшеничном (а пекут его из муки первого сорта) чуть больше дрожжей и поменьше соли, чем в известных сортах. Это и придает хлебу ту особенку, по которой едок определяет классность хлеба... Семисотпятидесятиграммовые пшеничные буханочки будут поставляться во многие столичные булочные, выпекать пшеничный станут лучшие пекари, и среди них

ствию проекту... Идет серийная продукция — все уже забыли, как чертежи выглядят, работают по памяти, как бог на душу положит. Случается, и целые операции выполнить «забывают»... Госприемка этому положит конец. Одновременно с приведением в порядок документации будет осуществляться входной контроль, входная приемка. Качество — понятие емкое. Чтоб машина была надежной, нужно, чтоб и каждая ее деталь соответствовала требованиям, и сборка была бы хорошей. Вернемся к той же «Малютке». Важную роль в ней играет конденсатор. Стали их проверять — каждый пятый брак, каждое сотое реле не срабатывает. Ну, хорошо — нашли входящий к нам брак (хотя, надо сказать, обнаруживать такой брак совсем не просто и не дешево, иные поступающие к нам комплектующие изделия так сложны, что организовать доскональную их проверку — чрезвычайно трудоемкое дело), — а что дальше делать? Фонды выбраны, где взять замену? Продукция же должна выпускаться! И тут мы ждем катастрофы. Нас комплектуют 1800 предприятий — десятки тысяч, сотни тысяч комплектующих деталей, узлов... Должна быть и у них госприемка.

ОТСТУПЛЕНИЕ. ИЗ РАЗГОВОРА В ЦЕХЕ

Бригадир слесарей механосборочных работ Николай Иванович

Безгинов. Бригада его комсомольско-молодежная, коммунистического труда, работающая на самоконтроле, — словом, одна из лучших, из передовых. Понятно, что именно их продукция — дробилки — в числе первых была предъявлена госприемке. И тот же вопрос: самоконтроль плюс госприемка. Значит, недоверие?

Бригадир смотрит долго, слегка исподлобья: куда, мол, я клоню. Отвечает осторожно:

— Что, она нам мешает — госприемка?

— Ну, а. помогает?

Бригадир, словно решившись — отвечать, так по делу, — говорит:

— Вот если бы была госприемка по всей цепи, тогда б она помогла. Мы за свою работу отвечаем, госприемка нам не страшна. Но что получается? Сегодня какое число — двадцатое? Посмотрим, что у нас с дробилками — этими серьезными, сложными установками для горно-обогатительных комбинатов. Так ни одна дробилка у нас еще не обкатана, а нам их в месяц — пятнадцать! Почему? А потому, что неритмичность. Нам все детали должен представить комплектующий цех. Бывает все готово, а одной какой-то детали нам недодали. И все стоит. Здесь, я считаю, виноваты станочники. Получил он задание — и давай шпарить, пока все задание не выполнит, хоть на год вперед. Охота ему перенастраивать станок на ту деталь, которая нам нужна... Шайб, например, нарезано у меня на год вперед, а то и больше, а кому они сразу нужны? А необходимых деталей нет. И еще: идет деталь с браком. А они, случаются, очень сложные, и заново делать их не просто. Раньше нужно было, чтоб конструктор ознакомился с дефектом и, если найдет возможным, дал разрешение на монтаж детали. Теперь с госприемкой еще по одному кругу иди...

— А если все-таки попытаться как-то «протолкнуть» этот брак?

— Не брак это. Раз конструктор

разрешает применение — значит, не брак.

— Так все-таки брак или не брак?

Бригадир пожимает плечами.

— Настанет последняя неделя месяца — вот тогда выяснится. Тогда все в дело пойдет. О каком только качестве тогда говорить? Лишь бы успеть собрать, как удастся. В конце месяца штурмовщина, так повелось...

Здесь же, в цехе, получаю ответ от заместителя руководителя органа госприемки на Уралмашзаводе Юрия Семеновича Жолтышева:

— Был у меня разговор с одним из руководителей завода. Я спрашиваю: почему не предъявляете продукцию на приемку? Тридцатого числа мы не сумеем проконтролировать все, что положено принимать в течение месяца. Так он мне в ответ: «А это уж твоя забота, не сумеешь принять — ответишь!»

— Но ведь таким образом они не столько вас, госприемку, ставят под удар, сколько себя. Предположим, найдется неисправимый брак во всей партии — значит, месячный труд коллектива будет сорван. А ведь ошибку можно было поймать еще на первом изделии, в самом начале производства. Что же тогда? Не заплатить коллективу ни копейки или «проглотить» брак?..

ОТВЕЧАЕТ И. И. СТРОГАНОВ.

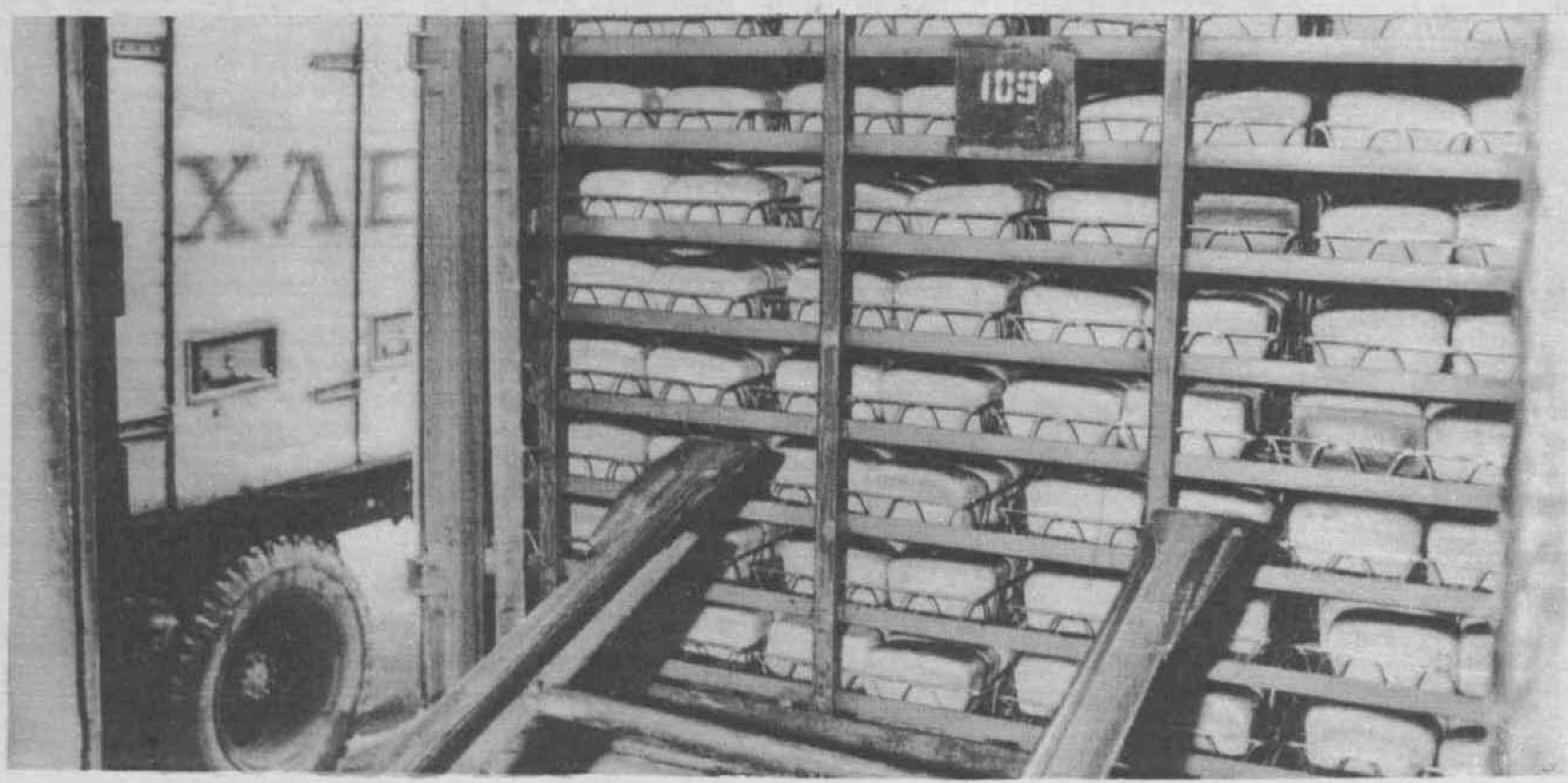
— ...Напрашивается такая схема. Борьбу за качество надо начинать сразу по всем направлениям. Нужно поднимать всю цепь.

— Игорь Иванович! Бывая на предприятиях, видишь, что брак — это не результат индивидуальной небрежности, когда кто-то один схалтурил, кто-то недотянул. Будь брак таким, с ним, видимо, было

бы не так уж сложно бороться. Итоговый брак изделия — это сумма всех тех брачков и недоделок, которые возникают от операции к операции, от сбоя к сбою, на каждый из которых в отдельности можно было бы и не обратить особого внимания. Случается — мы, обвиняя кого-либо в выпуске брака, произвольно обрываем цепочку, указывая: вот он виноват! А если двинуться по цепочке к истокам, мы можем упереться в причины весьма объективные. Вот прокатный стан. Устаревший не только морально, но и физически, он гонит не тот лист. Из заведомо худого листа (другого-то нет) завод должен изготовить нечто, на что требовался материал идеальный. Где же выход?

— Где выход? Выход один — поднимать всю цепь... Мы боимся смотреть на проблему в комплексе — она пугает. Готового ответа нет. Его нужно искать. И он отыщется, думаю, не в чем-то одном: озарит — и готово. Последовательно, узелок за узелком, нужно распутывать проблемы.

Допустим, то же планирование. Две пятилетки мы сами выходили со встречным планом по расширению производства товаров народного потребления. В одиннадцатой — увеличить вдвое по отношению к десятой и в двенадцатой — вдвое по отношению к одиннадцатой. То есть за две пятилетки увеличить в четыре раза. Но нам и наш встречный план увеличивают еще на треть. Потому

такие мастера, как Евдокия Тимофеевна Васильева, Мария Петровна Афанасьева, Валентина Григорьевна Акулькова...

Выпечка шестого завода идет ежедневно по семистам адресам. — Значит, всюду можно купить свежий хлеб? — спрашиваю я.

Филатенкова молчит. Она знает, что не только и не столько от хлебопека зависит, придет ли на прилавки свежий хлеб или снова выложат такой, которому кто-то придумал нелепое определение «потерявший свежесть». Так мне и говорили в хлеботорге, даже с некоторой претензией к покупателю: дескать, привередничает, не хочет отличить сухой хлеб от пригодного для обеденного стола.

Не первый день, не первый год идут споры. Упражняются в них, раз за разом совершенствуя свое умение, три стороны — пекари, транспортники и торговля. «Заказ не выполнили», «Автомобиль не допросишься», «Плохо торгуете»... Идут споры, а хлеб на прилавке

нередко черствый, особенно по вечерам, к закрытию магазина. А ведь нетрудно установить главного виновника, если к делу добавить побольше гласности. Просто ведь в булочных приметной строкой (трафаретки такие сделать загодя несложно) оповестить: когда получен хлеб, когда он вышел из печи. Ведь многим сортам хлеба отведено всего 24 часа, затем его с прилавка следует убирать... Не часто это делают сейчас, но если наводить порядок во всем хлебном цехе, от поля до едока, не обойтись без такой четкости и аккуратности. Можно обозначить не только час выпечки, но и завод назвать, можно бы и фамилию бригадира пекарей упомянуть. Если хлеб хорош, честь и хвала, если не удался — пусть знают браковедла. Хотя бы заочно. И если свежий хлеб, но мал выбор, то тут в первую очередь претензии к торговле, которая поубавила свое печенье хлебу.

Ищу тому объяснение и прихо-

жу к выводу, что хлеб не основной, не главный товар даже для хлеботоргов. В этом, однако, не признаются; вам скажут о тоннаже, снова упомянут о стычках с транспортниками, поищут и, видимо, найдут письма в арбитраж. Но все это уловки и, если строго говорить, к заботе о хлебе прямого отношения не имеет. За немногими исключениями. Сейчас в городах много булочных-кондитерских. Но почти нет «чисто» хлебных магазинов. Почему? В торгах говорят — так удобнее покупателю. Купил булку и тут же кулек карамели. Лукавое это объяснение. При нынешнем положении, когда к плану товарооборота привычно добавляются процентики «от достигнутого», продавцы изощраются и ищут товар, что подороже. Иначе концы с концами не сведешь. Прикиньте, чем удобнее при такой практике торговать: быстро высыхающими «городскими» булочками по семь копеек или шоколадными плитками по рублю с полтиной? Тут и первоклассник над ответом не задумается, а уж поднаторевшие в бухгалтерии тети и дяди из торгового щелкают такие задачи запросто... Основную выручку многим булочным дает не ржаная буханка, не маленькая витушка, которую мы, ребята, когда-то называли «жаворонок» и которую теперь днем с огнем не отыскать. Нет плетенки, нет настоящего горчичного, мало заварных хлебов...

Не стало их, хлебов, зато увеличились сладкие (и дорогие) отдели. Даже в булочной, что на улице Горького, в магазине, который прежде был лучшим хлебным в столице, даже тут хлеб вывели из главного зала, затолкнули в тесную боковину — и пошло-поехало. Сократился ассортимент, убрали сухари, исконно хлебный товар. Зато в большом зале, где

всегда главенствовал хлеб, ныне пирожные и торты, «восточные» и прочие сладкие причуды. По цене, само собой, в пять и десять раз дороже, чем обычный хлеб. Ну скажите, будет ли ему внимание при таком-то подходе? Не раз меня увещевали в «Мосхлебторге»: хлеб для нас — основное. Но захожу в одну булочную, во вторую — та же картина.

И не пора ли подумать о создании настоящих фирменных магазинов? Чтобы была обозримой и подконтрольной цепочка: пекарь — шофер — продавец. Чтобы одно ведомство отвечало за это, а не три. Швейники фирменные магазины имеют, обувщики тоже, даже у часов есть свои торговые представительства. А у хлеба — нет! В бумагах ту же булочную № 1 иногда именуют фирменной, но это или непонимание сути фирменной торговли, или прямой обман. Фирменный магазин — торговый цех предприятия. Вот пусть и станет таковым та же бывшая «филипповская» булочная, пусть она представляет не торговлю, а промышленность — и тогда очень скоро определится, кто дело делает, а кто говорит о деле. Лучшие булочные и передать бы хлебопекарням, а если шире смотреть — хлебопекарному ведомству. И пусть тут докажут, что хлеб — первый и главный товар.

Считайте это заказом на завтра — заказом покупателей.

...Хлеб учат печь, хлеб учат есть, пора научиться и торговать хлебом. Без этого он не попадет на наш с вами стол таким, каким мы ждем его. И ароматным, и вкусным, и свежим. Обязательно свежим — потому еще, что мягкий хлеб съедается полностью, а зачерствевший нередко попадает в отходы.

А что может быть хуже сочетания двух слов: хлеб и отходы?

что планирование у нас ведется от потребностей, а не от возможностей.

Что я могу? За меня уже все решили. Нельзя давать нереальных планов предприятию. Пусть будет план тяжелый, но реальный. А нереальный — это ловить рыбку в мутной воде. Мы выпускаем булочки. Я могу их дать, допустим, триста, а мне говорят — дай четырех. Может быть, где-то они сейчас и не нужны, берут их впрок, под площадь, которые когда-нибудь через пятилетку будут разбухать...

Сейчас ряд предприятий переходит на новую систему самофинансирования. Заводы могли бы сами кое-что продавать за валюту, которую заманчиво использовать для закупки оборудования, для модернизации производства. Вот мы нашли зарубежных покупателей на свою продукцию, но продать-то я им ничего не могу, за меня уже все решено. Попробуй-ка я не выдать ту же машину для непрерывного литья отечественному заказчику, которую он уже сколько ждет не дожидается, а продать ее за границу... И так с любым предприятием, выпускающим приличную продукцию — она всегда дефицит. А надо планировать: долю — туда, долю — сюда.

Конечно, и своих грехов хватает. За громадой всех дел мы не заметили, как поставили на колени свое инструментальное производство. Основное развивали, а это, мол, обождет. Инструментальщики че-

стят металлургов... Порочный круг. Вот почему мы решили начать государственную приемку, не дожидаясь нового года, а уже с ноября. В товарах народного потребления это «Малютка», в крупносерийном производстве — конусные дробилки, валки холодной и горячей прокатки, серийные экскаваторы ЭКГ-5А... Таким образом, к 1 января 1987 года мы приобретем некоторый опыт и извлечем определенные уроки.

* * *

Ну, а кто же эти люди, вошедшие в органы госприемки? Известный уже вам Юрий Семенович Жолтышев до этого тридцать лет проработал в одном из цехов «Уралмаша». Прошел там весь путь от рабочего до начальника цеха. Его начальник, руководитель госприемки «Уралмаша» Леонид Александрович Виноградов пришел с поста заместителя директора механосборочного производства. Надо думать, в тонкостях производства они разбираются не от и до — «собаку съели». По такому же принципу хорошего знания производства подбираются и остальные работники вневедомственного контроля. Люди в госприемку идут охотно: они ничего не теряют в зарплате, пожалуй, даже и выигрывают в ней. Не исключено, что кое-кто и подумывает: проверять — не производить, сам себе хозяин! Время покажет, кто

чего будет стоить, об этом пока еще рано говорить. Но хотелось бы думать, что сюда идут люди, не ищущие легкой жизни.

Кроме отличного знания производства, каждому потребуется — я не вижу здесь никакого перебора — личное мужество, подлинная гражданственность, бойцовские качества, уверенность в правоте идеи. Уже сейчас ясно: работники госприемки — выходцы из родных коллективов — должны преодолеть моральную зависимость как от своих прежних начальников, так и от иных инстанций, которые вольно или невольно будут склонять их к тем или иным уступкам, послаблениям. Легко предположить, что какое-то ведущее предприятие вдруг оказывается в числе срывающих план. Всегда ли сумеет занять правильную по отношению к государственной задаче позицию обком, не раздадутся ли угрозы из министерства, не посыплются ли жалобы в ЦК? Уверен, этого не миновать. Все ли готовы выдержать экзамен на гражданственность — покажет время.

Государство пошло на вынужденные меры. Госприемка — дело не только не легкое, но и не дешевое. Тысячи, десятки тысяч лучших работников вырываются из сферы производства и направляются в очень важную сферу контроля. Только значительное сокращение брака будет служить компенсацией. Не хочется спрашивать, как можно было дойти до такого положения в стране, когда

каждый второй цветной телевизор, каждая третья магнитола, каждый четвертый магнитофон, каждая восьмая стиральная машина — брак. Когда швейники продолжают гнать «вал», зачастую пригодный лишь для того, чтоб забивать склады, а машиностроители производить комбайны, которые если и не рассыпаются по дороге, то уже точно требуют полной переборки. Теряются тысячами рубли, даром пропадает труд, недобираются многие центнеры хлеба с каждого гектара нивы... И этот грустный перечень можно продолжать долго.

Было время, мы гордились Знаком качества на наших товарах. И не заметили, как стали стыдиться его: Знак зачастую заменял качество. Комитетом народного контроля СССР, проводившим проверку по предприятиям восьми министерств, Знака качества были лишены 79 из 90 проверенных моделей машин, станков, оборудования...

Не хочется спрашивать, как мы дошли до жизни такой, но хочется сказать — это предел. Партия, ее Центральный Комитет обращаются к каждому из нас. И каждый должен спросить себя: что делаю я, чтоб исправить это положение? И еще: имею ли право требовать улучшения дел, перемен, а самому оставаться в тени, в положении стороннего наблюдателя? И последнее: пусть каждый сам себя спросит — если не я, то кто же? Проявить себя гражданином каждому дан шанс.

МАРШАЛ ЖУКОВ

ЧЕРЕЗ «ОГНЕННЫЕ ДУГИ» — ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

**Фрагменты
из документального повествования
Игоря ИЦКОВА и Марины БАБАК.**

*Жуков как-то сверился с картой:
вряд ли найдется место на фронте,
где бы он не побывал за годы войны.*

*Он подсчитал: получилось,
что наездил и налетал более
175 тысяч километров. Три самолета
сносились, как башмаки...*

Дороги солдата...

Дороги полководца...

*Они вели Георгия Константиновича
Жукова от стен Ленинграда
и Москвы, от Сталинграда —
к Курской дуге, на Украину,
в Белоруссию, в Польшу...
В Германию...*

Д

раматической по-своему была обстановка на западном направлении весной 1942 года: — Мне пришлось докладывать Сталину по Западному фронту об операции, связанной со взятием Погорелого Городища. Я докладывал ему о нанесении двух ударов: справа — главного, слева — вспомогательного. Справа на карте была большая, глубокая красная стрела, слева — небольшая. Обратив внимание на эту вторую стрелу, он спросил: «А это что такое?» Пришлось объяснять, что малая стрела обозначает вспомогательный удар.

— Какой еще там вспомогательный удар? Какого черта нам разбрасывать силы? Надо сосредоточить их в одном месте, а не разбрасывать.

Пришлось докладывать, как мною задуман этот вспомогательный удар, что, ударив в двух местах, мы должны создать у противника неуверенность, в каком из них наносится главный удар, должны сковать часть его резервов на направлении нашего вспомогательного удара, чтобы он не успел ими маневрировать, когда на вторые сутки операции обнаружит, где мы в действительности наносим главный удар. Несмотря на то, что мое объяснение, казалось, было убедительным, он остался недоволен им. Я продолжал доказывать свое. В конце концов он, так и не согласившись с моими доводами, сказал: «Вас не переубедишь. Вы командующий фронтом и отвечаете за это».

Пришлось ответить, что я понимаю, что я командующий фронтом. И готов нести полную ответственность за то, что я предлагаю. На этом и закончился тот разговор, довольно характерный для первого периода войны...

* * *

27 августа 1942 года командующему Западным фронтом Жукову из Москвы позвонил помощник Сталина. В разговоре он предупредил, чтобы командующий к 14.00 непременно находился на КП и ждал звонка Сталина. На все расспросы Жукова помощник Верховного отвечал:

— Не знаю. Обо всем, видимо, скажет сам...

Верховный позвонил по ВЧ, сказал:

— Вам нужно как можно быстрее приехать в Ставку...

Сталин предпочитал по телефону говорить лишь о самом необходимом. И только вечером того же дня, когда командующий фронтом прибыл в Кремль, Сталин сказал ему, что Государственный Комитет Обороны принял решение

**На КП Зееловских высот.
Впереди — Берлин.
Середина апреля 1945 г.**

**Фото Н. Бедова,
офицера по особым поручениям Г. К. Жукова**

назначить генерала армии Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего. 29 августа 1942 года Жуков вылетел в район боевых действий на Волгу.

...Когда мы собирали материал для фильма о маршале, нам удалось найти малоизвестные интервью Жукова. Рассказывая о том, как рождался план контрнаступления в битве на Волге, Жуков подошел к карте — собственноручно сделанной им после войны — схеме операций фронтов. И по тому, как ожила на ней сложнейшая аналитическая работа, проделанная Георгием Константиновичем Жуковым и Александром Михайловичем Василевским, по тому, как воспроизводил он мельчайшие нюансы разговора, слова Сталина, так запомнившиеся Жукову, невольно стал понятней и масштаб свершенного, и напряжение тех дней.

— Сталин взял карту с расположением стратегических резервов и стал внимательно рассматривать. Чтобы не мешать Сталину, мы с Александром Михайловичем отошли от стола подальше. И стали между собой очень тихо разговаривать, что все это, конечно, полумеры. Надо, видимо, искать иное решение вопроса.

— Сталин поднял голову, спросил: «А какое иное решение?» Я никогда не думал, что у Сталина такой острый слух... А потом он говорит: «Вот что, поезжайте в Генеральный штаб, разберитесь глубже в обстановке, подумайте, что надо будет предпринять в районе Сталинграда с тем, чтобы усилить нашу группировку и во что бы то ни стало удержать город».

— Весь следующий день мы с Александром Михайловичем Василевским проработали в Генеральном штабе. Все свое внимание сосредоточили на отыскании возможности провести крупную наступательную операцию с целью разгрома всей сталинградской группировки. Надо сказать, что в октябре месяце у нас заканчивалось формирование крупных общевойсковых, танковых и авиационных соединений. Эти средства могли хорошо обеспечить проводимую операцию. Благодаря колоссальной организаторской деятельности партии и героическим усилиям советского народа наша промышленность к осени 1942 года достигла больших успехов. Мы получали большое количество новейших танков последней конструкции, самолеты и новые виды артиллерии...

— Естественно, что мы за один день не могли продумать все вопросы, рассчитать во всех деталях задуманную наступательную контроперацию. Но для нас было одно ясно, что главный удар надо наносить на флангах сталинградской группировки, там, где расположены румынские войска, которые не отличались особой боеспособностью. Вечером тринадцатого сентября мы вновь были в Ставке, чтобы доложить свои предварительные предложения по поводу контрнаступательной операции.

— Ну, что надумали? — Сталин спросил, подойдя к нашей карте. — Это что за фронт?

— Это новый фронт, — доложил Василевский, — который нужно создать, чтобы вместе с Донским фронтом нанести главный удар в тыл всей Сталинградской группировки. Навстречу этому удару левое крыло Сталинградского фронта наносит удар в общем направлении на Калач.

Сталин говорит: «А хватит ли сил у нас для такой крупной операции? Может быть, ограничиться ударом вдоль Дона с севера на юг? И с юга на север?»

— Мы возразили, что в этом случае немцы могут быстро развернуть из-под Сталинграда свои бронетанковые войска и парировать наш удар. «Над планом надо еще подумать, рассчитать силы и средства, — сказал Сталин. — Главная задача сейчас заключается в том, чтобы удержать Сталинград. О плане пока никому ни слова...»

— Помню, я попросил тогда Сталина подписать карту, на которую был нанесен этот план.

— А для чего? — сказал он. — Я знаю об этом, со мной это согласовано.

Тогда я сказал ему: — Распишитесь для истории.

— А, для истории, — повторил он и расписался на карте.

— Я хотел, чтобы он расписался на этой карте. Ответственность была огромная, решение принималось важнейшее, и было необходимо, чтобы он сам расписался на этой карте...

На карте-плане контрнаступления под Сталинградом появились подписи Жукова и Василевского, а затем и решительное «Утверждаю» Верховного.

В январе 1943 года был завершен прорыв блокады Ленинграда. Тогда же Жуков стал Маршалом Советского Союза.

Всего несколько дней проходил Жуков в старой маршальской форме — мундире с отложным воротником, с большими петлицами, украшенными пятиконечной звездой, с широкими шевронами на рукавах. Срочно пришлось изготавить китель с только что введенными погонами, с золотым шитьем...

...Как никогда прежде, война требовала тщательного согласования действий гигантских, по слову Симонова, «военных механизмов» — многих фронтов.

Именно Жукову — более чем кому-либо другому — приходилось руководить координацией работы фронтов. Чаще, чем кому-либо, заместителю Верховного Главнокомандующего довелось менять в ходе войны место — из-за новых и новых назначений...

Вся деятельность Жукова была неустанным движением в прямом и переносном смысле.

...В июне 1944 года война вернулась на Западную границу, в Белоруссию.

Готовилась операция «Багратион». Незадолго до начала артиллерийской подготовки, ночью, Жуков неожиданно попросил принести баян. Прошелся по инопкам...

...Три года войны... Три года жизни... А солдат моется и бредет, коли уж выдалась минута затишья. И харчится... И латает — наскоро, крупными мужскими стежками — гимнастерку, подбивает сношенные кирзовые сапоги... И затягивается табачком из дареного, дорогого сердцу кисета... Три года...

Его фронтового шофера Александра Николаевича Бучина однажды прямо-таки одолели солдаты:

— Ты возишь маршала. Спроси его, когда эта война кончится?

Водитель все не решался заговорить. Но однажды ждал маршала от Сталина. Вышел Жуков к машине под утро, тяжело осел на сиденье и спросил у шофера:

— Когда же эта война кончится?..

В этом рассказе пусть даже легенде, — характер и судьба маршала.

— Уже в тот период, когда я стал заместителем Верховного Главнокомандующего и между выездами на фронт иногда по месяцу, по два работал в Москве, я однажды сказал Сталину, что все его ближайшие помощники, я в том числе, издергались и измотались до последней степени. Он с некоторым удивлением спросил: «Почему?»

Я сказал ему, что, когда он работает по ночам, мы тоже в это время работаем. И пока нам не становится известным, что он уехал и лег спать, мы не уезжаем и не ложимся спать. А утром, когда он спит, у нас самое горячее время, мы вынуждены работать. Он встает в два часа и начинает работать, а мы уже, проработав к этому времени все утро, находимся в любую минуту в готовности к его вызову. Так идет день за днем, месяц за месяцем. И люди измотаны этим.

Пока я ему все это говорил, он несколько раз переспрашивал меня, уточнял, даже выразил удивление тем, что никто не ложится спать, пока не лег он. Потом сказал: «Хорошо. Обещаю вам, что больше не буду звонить вам ночью».

И действительно, с того дня до самого конца войны он ни разу не позвонил мне позднее двенадцати часов ночи. Один раз позвонил ровно в двенадцать, но свой разговор со мною начал с вопроса: «А вы еще не ложитесь спать, товарищ Жуков?» Я сказал, что нет, только собираюсь. Он задал какой-то деловой вопрос, не из числа самых существенных, и, сразу закончив разговор, сказал: «Ну, прощайте, отдыхайте».

В фильме «Маршал Жуков. Страницы биографии» ведущий Михаил Ульянов рассказал об одном, по-своему примечательном эпизоде, относящемся уже к послевоенным годам.

Как-то в московском доме собрались люди — в основном военные. Среди приглашенных был и Жуков. Один из гостей вдруг произнес длинную речь поучительного характера.

Стремясь подчеркнуть свою причастность к военной профессии, он стал разъяснять, что такое военачальник, в чем состоит его роль на войне, и в частности что должны и чего не должны делать на войне командующие фронтами. В общей форме его мысль сводилась к тому, что доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать жизнью и ползать по передовой на животе, чего он не должен и не имеет права делать.

Оратор повторял эту полюбившуюся ему и в общем-то в основе здравую мысль долго, на разные лады, но всякий раз в категорической форме. С высоты своего служебного положения он поучал сидевших за столом бывших командующих фронтами и тому, как они должны были себя вести тогда, на войне.

Стол был праздничным, а оратор был гостем за этим столом. В бесконечно отодвигавшемся конце своей речи он, очевидно, намерен был сказать тост за хозяина. Поэтому его не прерывали и, как это водится в таких неловких случаях, молчали, глядя в тарелки. Но где-то уже почти в конце речи при очередном упоминании о ползании на животе Жуков все-таки не выдержал.

— А я вот, будучи командующим фронтом, — медленно и громко сказал он, — неоднократно ползал на животе, когда того требовала обстановка и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить себе личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва.

Так что вот, признаюсь, было дело — ползал! — повторил он и развел руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что он, Жуков, ув, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям. Сказал и уткнулся в свою тарелку среди общего молчания, впрочем, прерванного все тем же оратором, теперь перескочившим на другую тему.

Вручение боевых наград на Курской дуге. Середина августа 1943 г.

В сердитой иронии Жукова было что-то глубоко солдатское, практическое, неискоренимо враждебное всякому суесловию о войне и особенно суесловию людей, неосновательно считающих себя военными.

— Мне многое приходилось осваивать практически, без достаточных предварительных накопленных широких и разносторонних знаний. Это имело и свою положительную сторону. Отвечая за дело, стремясь поступить наилучшим образом и чувствуя при этом те или иные проблемы в своей общей подготовке, я стремился решать встававшие передо мной вопросы как можно фундаментальнее, стремился докопаться до корня, не позволить себе принять первое попавшееся, поверхностное решение. Было повышенное чувство ответственности по отношению к порученному делу, ощущение необходимости до всего дойти своим умом, своим опытом, стремясь тут же непосредственно пополнить свои знания всем тем, что было нужно для дела.

При всей трудности положения иногда в этом была и своя положительная сторона. Кстати сказать, некоторые из наших высокообразованных военных, профессоров, оказавшихся в положении командующих на тех или других фронтах войны, не проявили себя с положительной стороны. В их решениях мне случалось замечать как раз элементы поверхностности. Порой они предлагали поверхностные решения сложных проблем, не укладывавшихся в их профессорскую начитанность. В этом состояла оборотная сторона медали — им иногда казалось простым, само собой разумеющимся то, что на самом деле было трудным и что мне, например, казалось очень трудным для решения. Да так оно и было в действительности.

Слово — маршалу Василевскому:

— Он всегда находился в гуще солдат... Когда я думаю о своем друге и боевом товарище, то всякий раз прихожу к выводу, что этот человек был огромного личного мужества и самообладания. В самые трудные, даже критические моменты я не видел Жукова растерянным или подавленным. Напротив, в такие часы он был как никогда деятелен, сосредоточен и целеустремлен.

В архивах лежат ныне документы, писанные рукой Жукова. В них — судьбы людей.

Язык войны — жестокий язык. Когда за каждой ошибкой, за каждой упущенной минутой в конечном итоге всегда зримо или незримо присутствует ее цена — людские потери, — начальники вообще редко хвалят своих подчиненных. Гораздо чаще проверяют, требуют, нажимают. Одобряют коротко, благодарят скупно, требуют постоянно.

А хвалят и награждают потом, когда все, что приказано было сделать, сделано, когда все это уже позади...

«Распекал...», «Разносил...», «Кричал...» — все эти, безусловно, верные и доподлинные мнения о Жукове неожиданно вызывают ассоциацию с характером другого человека — Сергея Павловича Королева. И сходство это видится не случайным совпадением — небывалыми обстоятельствами жизни, невероятной тяжестью ноши. Неповторимый жуковский характер... В нем соединились черты противоречивые и, казалось бы, несоединимые. Он был по-жуковски крут, и это всем известно.

Но сотни людей могут привести сотни примеров его доброжелательства, чуткости, особой душевной деликатности...

Жуков любил солдата, знал и о солдатской любви к себе. Однако он никогда не позволял себе никакой фамильярности в обращении с бойцами, не искал популярности.

Его любили искренне.

К весне 1945-го в народе уже оценили его принципиальность, ясный и трезвый ум, смелость, умение глубоко и точно оценить обстановку, сделать верный прогноз событий, определить момент решающего удара.

Жуков не раз повторял:

— Драна будет жестокая...

...Пять минут до начала артподготовки, три минуты. Маршал и генералы заняли свои рабочие места на НП. Жуков взглянул на часы. Большая стрелка разделила пополам надпись «Павел Буре».

И началось сражение за Берлин.

Поле битвы, словно метафора Твардовского:

Сила силе доказала:
Сила силе — не равня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Зажглись сотни прожекторов...

В «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жуков написал: «Это была картина огромной впе-

чатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища».

К рассвету наши войска преодолели первую позицию противника, начали атаку второй. Враг был смят, ошеломлен, но не уничтожен. Враг был еще силен, очень силен...

В нашем фильме приводятся слова Г. К. Жукова о «нацисте номер один»:

— Вообще тут есть неверная тенденция. Читал я недавно один роман. Гитлер изображен там в начале войны таким, каким он стал в конце. Как известно, в конце войны, когда все стало расползаться по швам, он действительно стал совсем другим, действительно выглядел ничтожеством. Но это был коварный, хитрый враг, сильный военачальник. И если брать немцев, то, конечно же, они к нему не всегда одинаково и не всегда отрицательно относились. Наоборот, на первых порах восхищались им. Успех следовал за успехом. Авторитет у него был большой, и отношение к нему внутри Германии, в частности со стороны германского военного командования, было разное на разных этапах. А когда мы его изображаем с самого начала чуть ли не идиотиком — это умаляет наши заслуги. Дескать, кого разбили? Такого дурака! А между тем нам пришлось иметь дело с тяжелым, опасным, страшным врагом. Так это и надо изображать.

...Танковые армии Конева, как и было условлено заранее, повернули на Берлин с юга. Для Жукова этот момент взаимодействия фронтов был всегда — и в сорок пятом, и после войны — сугубо принципиальным, чрезвычайно важным.

— В воспоминаниях Конева о его разговорах со Сталиным в первый период Берлинской операции есть место, внушающее мне сомнение. Конев написал, что Сталин спросил его о возможности ввода в прорыв на его фронте, через его армии, двух танковых армий Первого Белорусского фронта. Мне трудно поверить, что Сталин мог внести такое предложение, прежде всего потому, что, как это видно из слов самого Конева, в тот момент, когда Сталин спросил о такой возможности, обе танковые армии Первого Белорусского фронта — и армия Катюкова, и армия Богданова — уже были введены мною в дело. Вынимать их из Первого Белорусского фронта и перебрасывать для дальнейших действий на Первый Украинский фронт в тот момент означало частично вывести их из боя. Сталин понимал, что это значит, и мне трудно представить, что он мог это предложить. Тем более трудно, что как раз в это время он спокойно отнесся к замедлению темпов нашего наступления на Первом Белорусском фронте. Когда я доложил ему, что, как я и опасался, мы застряли, что немцы оказывают ожесточенное сопротивление и мы все еще не можем прорваться в глубину, Сталин отреагировал на это спокойно. «Ну, что же, — сказал он, — пусть подтягивают резервы, пусть цепляются. Больше перебьете здесь, меньше останется в Берлине».

У Жукова, у командующих другими фронтами, бравшими Берлин, есть горькие, пронзительные слова о последних боях Великой Отечественной.

Иван Степанович Конев:

— Мне приходилось встречаться с суждениями о том, что бои в Берлине можно было, дескать, вести с меньшей яростью, ожесточением и поспешностью, а тем самым с меньшими потерями.

В этих рассуждениях есть внешняя логика, но они игнорируют самое главное — реальную обстановку, реальное напряжение боев и реальное состояние духа людей. А у людей было страстное, нетерпеливое желание поскорее покончить с войной.

Константин Константинович Рокоссовский:

— Обидно и горько терять солдат в начале войны. Но трижды обидней и горше терять их на пороге Победы, терять героев, которые прошли через страшные испытания, тысячи километров прошагали под огнем, три с половиной года рисковали жизнью, чтобы своими руками завоевать родную страну мир...

В «Истории Великой Отечественной войны» сказано:

С 16 апреля по 8 мая наши войска потеряли 2156 танков, 1220 орудий и минометов, 527 самолетов, 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты потеряли убитыми и ранеными около 300 тысяч человек.

В конце лета 1945 года, будучи личным гостем Жукова в Москве, генерал Дуайт Эйзен-

хауэр скептически отозвался о «феномене массового героизма»:

— Я не верю в толпы героев. Герой — всегда одиночка...

...Нет, не толпы — батальоны, полки, дивизии, армии героев брали, штурмовали Берлин. Умирали на руках сестер, лежали на плащ-палатках, во дворах, на лестничных маршах. Истекали кровью, задыхаясь, шептали последние слова. Гибли молча, внезапно... Гибли, чтобы на миг — хотя бы на краткий миг — приблизить конец войны, приблизить Победу.

В этот фантастический, адский штурм их вела сознательная, рожденная нашим строем, всеми годами работы партии коммунистов вера в то, что именно они приближают самый последний салют...

В 1945 году впервые встретились Жуков с Эйзенхауэром в Берлине.

По поручению правительства своей страны генерал Эйзенхауэр вручил Жукову высший военный орден США — «Легион почета» степени Главнокомандующего. Великобритания удостоила маршала ордена «Бани» I степени и Большого рыцарского креста.

В свою очередь, Эйзенхауэр и Монтгомери были награждены орденами «Победа», а французский генерал Делаттр де Тассиньи — орденом Суворова I степени...

12 августа 1945 года в Москве, беседуя со Сталиным, Эйзенхауэр сказал:

— Я убежден, что кадеты Вест-Пойнта, нашего высшего военного учебного заведения, будут изучать Московскую, Сталинградскую и Берлинскую операции подобно тому, как они изучают битву при Каннах. Имена Жукова и других полководцев будут произноситься как имена великих мастеров своего дела...

Став президентом Соединенных Штатов, Эйзенхауэр совершил, сказал и написал много такого, что находится в разительном, невероятном противоречии с этими его словами. Но смысл их не изменишь — в них выражено признание нашей, не ушедшей в прошлое, живой Победы...

...Тогда же, в августе 45-го, на торжественном завтраке в Ленинграде Жуков попросил произнести тост сопровождавшего Эйзенхауэра в поездке его сына — Джона.

Как потом признался молодой офицер, он больше всего боялся именно такого предложения от Жукова.

Между тем тост лейтенанта Джона Эйзенхауэра заслуживает того, чтобы привести его полностью:

— Я нахожусь в России уже несколько дней и услышал много тостов. В этих тостах говорилось о мужестве и заслугах каждого союзного руководителя, каждого выдающегося маршала, генерала, адмирала и авиационного командующего. Я же хочу провозгласить тост в честь самого важного русского человека во второй мировой войне. Джентльмены! Предлагаю выпить вместе со мной за рядового солдата великой Красной Армии!

Тост вызвал единодушное одобрение. Особенно он понравился Георгию Константиновичу Жукову. Тот даже наклонился к Эйзенхауэру и попросил переводчика точно передать смысл его слов:

— Мы, должно быть, стареем, если нам пришлось ожидать, пока молодой лейтенант не напомнил нам, кто же в действительности выиграл войну...

...Счета не было — ни боям, ни дорогам, ни ранам. Война соединила все судьбы в одну судьбу Солдата, который дошел до Берлина. Майским, светлым днем Жуков пришел к поверженному рейхстагу. Он был тоже Солдатом, дошедшим до Берлина. И, как все, расписался на стене: Жуков...

В тот год, год Победы, ему еще не сравнялось пятьдесят...

Окончание следует.

Продолжая знакомить с произведениями художников эпохи Октября, мы стремимся расширить представления о творчестве наших мастеров кисти. Сергей Герасимов и Ковалевы... Так тема человека труда получает развитие в работах молодых живописцев.

С. В. Герасимов
[1885 — 1964]
КРЕСТЬЯНКА.
1923.

Государственная
Третьяковская
галерея

ПАЛИТРА ЭРЫ ОКТЯБРЯ

П. Н. Ковалев. Род. 1945.
О. А. Ковалева. Род. 1948.
ЦЕЛИННАЯ ОСЕНЬ.

Выставка
«Молодость страны». 1982 г.

П. Н. Филонов (1883—1941). КОРАБЛИ. ВВОД В МИРОВОЙ РАСЦВЕТ. 1919 г.

Государственная Третьяковская галерея

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ФИЛОНОВА

Дмитрий САРАБЬЯНОВ,
доктор искусствоведения,
профессор

**Павел
Николаевич
Филонов.**
1930-е годы.

Имя Павла Николаевича Филонова окружено легендами. Но эти легенды, передающиеся из поколения в поколение, основаны не на вымысле, а на реальных жизненных фактах; его биография не обросла фантазиями, как это часто бывает с биографиями знаменитостей. Фантазиям тут нечего было делать. Сам по себе Филонов был настолько удивительной личностью, что воспринимался современниками, и особенно учениками, как живой, реальный герой, постоянно пребывающий в свершении подвига. Он и был таким.

Вот что рассказывает о Павле Николаевиче один из его учеников, художник-график Алексей Пауков: «Два раза в неделю мы собирались у него, показывали свои работы. Филонов поправлял, показывал, иногда даже читал свои стихи. Причем денег он с нас не брал, хотя сам жил бедно. Помню, он пригласил нас на обед, который состоял из крапивных щей и овсянки. Те немногие деньги, которые нужны были для покупки красок, он зарабатывал малярными работами. Он работал как одержимый, требовательность — это не то слово по отношению к Филонову. Он верил, что его картины нужны народу... Характер у Павла Николаевича был крутой, кроме своей идеи, он не видел ничего и все приносил в жертву искусству. Была для него просто не существовало. Он сам шил себе одежду, сам лечился и лечил свою тяжелобольную жену, не признавая никаких докторов...»

Да, суровое самоограничение сопровождало Филонова всю жизнь. Он жил в высшей степени скромно. В мастерской, заполненной учениками, не хватало стульев даже для женщин, и учитель часами стоял. Еще экономнее, чем с деньгами, он обращался со временем, целиком отдавая его творчеству и ученикам. Умер Филонов в осажденном Ленинграде в декабре 1941 года, смертельно простудившись во время очередного дежурства на посту ПВО.

Судьба с детства была строга к художнику. Он рано лишился родителей (отец его был кучером) и вынужден был с юных лет искать заработки. Мальчиком он поступил учиться в малярно-живописную мастерскую, затем посещал классы Рисовальной школы Общества поощрения художников, провел несколько лет в частной студии Д. Е. Дмитриева-Кавказского, наконец, поступил вольнослушателем на живописный факультет Академии художеств, но

вскоре покинул его, разойдясь с учителями в своих представлениях об искусстве. С этого времени начался самостоятельный путь Филонова, прерванный лишь в годы первой мировой войны уходом на Румынский фронт (1916—1918).

Общественные позиции художника проявились в это время вполне определенно: он становится председателем солдатского съезда в Измаиле, председателем Центрального исполнительного комитета Придунайского края и военно-революционного комитета. Филонов безоговорочно принял революцию. Вернувшись в Петроград, он начал служить ей своим искусством. Его стремление к коллективизму проявилось в создании в 1925 году мастерской. Под руководством Филонова художники этой мастерской оформили знаменитое издание финского эпоса «Калевала», создали декорации к «Ревизору» Гоголя, устроили выставку в ленинградском Доме печати.

Филонов предлагал ученикам свою теорию, как он сам ее называл — теорию «аналитического искусства». Он призывал их отдавать все свое внутреннее напряжение и мастерство каждому кусочку холста, начинать с частного, подвергая его глубокому живописному анализу, слагать частные элементы в общее, доводя это целое до степени «сделанности». Последним термином он заменял устаревшее, с его точки зрения, понятие творчества.

Мастерская художника добивалась все больших успехов. Однако наряду с признанием появилось и непонимание его творческих поисков. В 1930 году выставка его произведений, подготовленная Государственным Русским музеем, так и не была открыта. К концу жизни Филонова даже многие ученики покинули его, и казалось, что слава художника уже никогда не возродится. Однако всякое значительное явление культуры, как бы к нему ни относились современники или ближайшие потомки, возрождается к жизни заново. Так произошло и с творчеством Филонова.

Но вновь открывшийся путь Филонова к зрителю нелегок. Картины этого художника надо понять, вернее, почувствовать. В их сложную речь необходимо вслушаться. Надо проникнуться пророчеством, которым наполнен почти каждый образ, каждый замысел. Надо воспринять ту энергию, которая вложена в картину. Надо! Это требование, предъявленное самим художником. Но что же получает зритель в награду за свои усилия?

Пусть он не ждет простого и спокойного созерцания красоты. Сложный мир Филонова затягивает своими тревогами, вопросами. Филонов заставляет мучительно думать, догадываться о том, чего еще не знаешь, познавать чувством большее, чем то, что знал разумом. Это ли не награда за труд сопереживания?

Все те вопросы, которые Филонов ставит перед нами, он ставил перед собой. С самого начала он выбирал для себя самые трудные пути. Его творческие принципы формировались в то время, когда в русском искусстве рождались новые течения, небывалые методы. Провозглашались манифесты. Сложно переплетались друг с другом разные направления. Филонов, по существу, не принадлежал ни к одному из них. С самого начала и вплоть до момента, когда он возглавил мастерскую, он одинок и уникален. Прямо его появление никто не подготавливает. Его возникновение как бы случайно. Для России фигура художника, стоящего не в общем строю, а отдельно, не редкость. Такими были Александр Иванов, Николай Ге, Василий Суриков, Михаил Врубель. Но все они тем не менее ярко выражали закономерность общего движения. Одинокая фигура Филонова на российском художественном горизонте 1910-х годов вполне могла, а может быть, и должна была возникнуть. Своим творчеством он глубоко связан с теми событиями жизни России — войнами и революциями, которые перекроили ее строй и историю. Эти социальные сдвиги рождали чувство причастности современного творца к глобальным процессам бытия человечества, заставляли смотреть вперед, предугадывать будущее. При всей отчужденности своей позиции Филонов выступает как художник, обобщивший многие движения, не будучи прямым их продолжателем. Его нельзя, например, представить вне тех достижений, которые принесли символизм и стиль модерн, получившие широкое распространение в России на рубеже столетий.

Сам способ работы над картинами у Филонова есть свидетельство ориентации на своеобразное саморазвивающееся движение форм. Он футуристичен, хотя и далек от живописного футуризма художественной проблематикой своего творчества. Но зато близок футуризму поэтическому, и особенно Хлебникову. Хлебников тоже открывал первичную сущность мифологического мышления, восходил к первоначальному значению слова, искал новые способы человеческого общения, законы

времени, законы судьбы, законы чисел. Нередко начиная писать картину с какого-нибудь одного края, передавая формам свой творческий заряд, Филонов сообщает им жизнь, и они затем уже будто не по воле художника, а своим собственным движением развиваются, видоизменяются, обновляются, растут. Это саморазвитие форм у Филонова поистине поразительно!

У художника много таких черт, которые позволяют сопоставлять его творчество с экспрессионизмом начала века. Но открытым нервам экспрессионистической живописи и ее смятенной дисгармонии Филонов противопоставляет сдержанность и конструктивность.

Каждое направление, каждый стиль выдвигает свое толкование пространства и времени. Время на полотнах Филонова как бы «над-ысторическое». Оно объединяет далекое прошлое, настоящее и будущее. В нем все сливается в единое целое. Средневековый богослов назвал бы его апокалиптическим. А философ или физик начала XX века — временем четвертого измерения. Вселенная Филонова существует в этом особом измерении. В ней живут «пралюди» в какой-то древней природе или фантастическом городе...

В этом отношении Филонов приближается к Врубелю. Филоновское время — эпическое, мифологизированное. Оно как бы останавливается вслед за застывшими в гротесковых позах мужчиной и женщиной (картина «Мужчина и женщина»); вслед за остановившейся в своем движении водой, словно ставшей льдом и сковавшей «барку жизни», всплывающую в «мировой расцвет» (картина «Ввод в мировой расцвет»). Этот холст, вошедший в цикл из двадцати трех картин, экспонировался на большой художественной выставке в 1919 году, открывшейся в Зимнем дворце).

По свидетельству современников, сам Филонов никогда не продавал своих полотен, считая, что они должны стать достоянием народа. В 1931 году художник писал в одной из своих заметок, что все свои работы, уже сделанные, и те, которые рассчитывает создать, он решил «отдать государству, чтобы из них был сделан музей аналитического искусства».

В 1977 году, осуществляя волю художника, его сестра Евдокия Николаевна Глебова принесла в дар Русскому музею почти все созданное Филоновым. Фантастический мир большого художника ждет своего открытия.

В ГОЛУБОЙ НА

Светла
была
их дружба
и любовь.
Володя
(стоит
у машины)
и Надя
Правики.

**...Эта сказка продолжалась
все четыре года
и четыре месяца,
пока он был жив.
За время их знакомства,
совместной жизни
Володя написал Наде
восемьсот (!) писем.**

Проходят дни, месяцы с той памятной ночи в апреле, когда случилась авария на четвертом блоке Чернобыльской АЭС. Вспыхнул пожар, огонь стремительно разрастался вокруг разверстой пасти реактора. Авария стала трагедией — героической — для тех, кто первым шагнул в огонь, чтобы спасти нас с вами.

В ту ночь дежурным начальником пожарного караула на атомной был лейтенант Владимир Правик, который первым бросился на встречу беде. Он во главе своих бойцов боролся с огнем, пока хватило сил, пока не потерял сознание. Его нет среди нас. Остались мать, жена, маленькая дочурка, остались друзья-товарищи. И еще — его письма, фотографии...

Говорят, что нравственный уровень общества — в его отношении к женщине. Каким изумительным человеком открывается Володя, ныне Герой Советского Союза Владимир Павлович Правик, в своих письмах к любимой, к невесте, к жене...

Они познакомились в Черкассах, когда Володя учился в пожарном, а Надя — в музыкальном училище. Это произошло в новогоднюю ночь. Надя собралась было ехать к родителям в Городище, а ноги занесли ее не на автобусную станцию — в пожарное училище

на новогодний бал. Тут все было необыкновенным: стремительный весельчак Дед Мороз, взрывы хлопушек, дождь конфетти. Она с подружкой стояла в уголке как зачарованная.

И вдруг совсем рядом услышала явно рассчитанное на ее уши:

— Как ты, Сашко, считаешь — сколько лет этой малышке?

Симпатичный курсант обращался к Деду Морозу, который больше напоминал веселого разбойника.

— Да лет двенадцать уже есть.

Конечно, очень обидно слышать такое, когда тебе уже все шестнадцать. Но Надя сделала вид, что это ее не касается. Правда, заволновалась, даже не услышала, что заиграл оркестр. А курсант шагнул прямо к ней:

— Разрешите вас пригласить, Дюймовочка!

Менялись мелодии, не менялся только ее партнер. Это был все тот же курсант Володя, подручный Деда Мороза. Он и домой ее проводил: «Чтобы маленьких никто не обидел».

Володя покорила «детсад» сразу и навсегда. Договорились о встрече... И вдруг от него письмо: «Здравствуй, Надя. Пишет вам Володя». Оказывается, не смог дожидаться назначенной встречи — так велико было желание «поговорить», «поделиться мыслями». Это было замечательно и удивительно, как в сказке.

И эта сказка продолжалась все четыре года и четыре месяца, пока он был жив. За время их знакомства, дружбы, совместной жизни Володя написал Наде восемьсот (!) писем.

В письме признался ей в любви. Это было в январе. В письме предложил руку и сердце — это было в феврале. При встрече она просила:

— А ты скажи.

— О чем?

— О том, что написал.

Он отшучивался, говорил «о погоде и природе». Или же, улыбаясь, обещал:

— Лучше еще раз напишу.

Почтальон приносила и по два, и по четыре письма. Бросала их прямо в форточку, и они летели, как белые голуби. Менялся только обратный адрес. Сначала это были Черкассы, потом, после окончания училища, — Чернобыль. Володя сам сюда попросился. Отсюда родом. Здесь мама Наталья Ивановна, которую он очень любил. Здесь «атомка». Дело новое, интересное, перспективное. Им долго пришлось быть в разлуке: Надя еще продолжала учиться. Поженились они через год — в 1984-м, но еще целый год она оставалась в Черкассах. Володя говорил: «Впереди у нас целая жизнь. Все успеем».

Она получила диплом, приехала к нему в Чернобыль и стала работать в детском саду музыкальным руководителем. А потом им дали в Припяти квартиру, однокомнатную, в чудесном месте — за окном начинался лес. Володя тут же издал приказ по их семейному экипажу: «Отныне стиральная машина, пылесос и авоська навечно переходят в мое пользование. Как и кладовка, где вместо склянок-банок шикарно разместится фотолаборатория — она же универсальная мастерская».

Он любил создавать цветомузыку. Часто — за счет сна. А потом дарил друзьям. Володя сам нес в себе этот свет — энергии и жажды жизни, доброго отношения к людям. Нежно любил своего младшего брата Витю и на его 16-летие — 9 мая — обещал сделать в подарок цветомузыкальную установку. Она так и осталась незаконченной в мастерской и никогда уже не зазвучит.

Жизнь так прекрасно начиналась! Он жил работой, полностью отдавался ей. А еще выпускал «Комсомольский прожектор», «выбивал» квартиру для кого-то из своих хлопцев, конфликтовал с начальством — и такое бывало.

Приходил с работы усталый, но вдруг загорался:

— Полчаса на сборы — и в лес.

Выводили во двор свой личный транспорт — велосипед. Она садилась на раму, и Володя нажимал на педали. Они находили черничные места и возвращались домой «как негры». Варили вареники, приглашали друзей.

А еще они любили бродить вечерами по улицам Припяти. И говорить, говорить. Вспоминали любимые стихи. Любил заглядывать в будущее, фантазировать. Как-то сказал Наде: «Вот когда мы состаримся, то будем вспоминать, как в голубой нашей юности...»

...Дома каждый был занят своим делом. Володя выходил из «лаборатории», садился за стол и начинал писать. Она спрашивала:

— Что это ты там пишешь?

— Письмо.

— Кому?

— Тебе.

— Лучше так скажи.

— Так неинтересно.

Когда тебя так любят — очень трудно удержаться на высоте. Потому что любовь, как и слава, — большое испытание для человека. Однажды вечером, когда Володя был занят, Надя сказала:

— Правик, пошли в кино.

— Завтра... — донеслось из мастерской.

— Нет, только сегодня.

— Ну... никак!

— Тогда я сама!

Но едва начался фильм, она побежала домой. А Правик стоял на балконе, будто знал, что сейчас Надя вернется. Может быть, кто-то

ШЕЙ ЮНОСТИ...

Галина
КОВТУН

не поверит, но они никогда не ссорились. Спорили довольно часто и по разным поводам. «Чтобы понять истину».

А еще был у них свой условный пароль, слово-заклинание. Каждый раз, когда Володя шел на дежурство, она обязательно провожала его паролем пожарных: «Не гори!»

А когда родилась Наташка... Это он дал ей имя — в честь матери. Он и кроватку смастерил, цветы вырезал и еще летящих голубей. Раскрасил все яркими красками — для украшения!

Тогда, в апреле, Володя как всегда ушел в караул. Надя выкупала Наташку, накормила, уложила спать и стала стирать пеленки. В открытое окно залетал весенний ветер, цвели сады. Затихала перед выходными днями улица. Вдруг забежал Володя.

— Ты чего?

— Магнитофон возьму. Надо к празднику что-то веселое записать.

Забрал магнитофон, наклонился над кроваткой:

— Манюню поцелую.

И ушел. Спешил. Она, как всегда, сказала ему вслед:

— Не гори, Правик!

Он улыбнулся в ответ. А через несколько часов все это и произошло. И в минуты, часы той страшной борьбы с огнем... И не только с огнем — выплеснулась вся его жизнь. Он отводил беду от всего, что так беззаветно любил: от земли, на которой вырос, от матери, давшей ему жизнь, от любимой жены и дорогой его сердцу дочурки.

Володя Правик получил большую дозу облучения. И прожил еще шестнадцать дней. Умер в ночь, когда его дочке исполнился месяц. Все эти дни с ним была его мама — Наталья Ивановна. Только ей врачи разрешили. А Надя оставалась с ребенком. Володя написал ей письмо — последнее. Встретились они еще раз в Москве, в клинике. Он держался мужественно и все просил ее:

— Ты уже уходи. Там же Манюня. А я скоро приду. Я буду жить.

Похоронили Владимира в Москве со всеми воинскими почестями. А Золотую Звезду Правика вручили матери — Наталье Ивановне.

А письма... Вот они. Их недавно привезла Надя из Припяти, когда ей разрешили там побывать. Они еще хранят тепло их дома.

Здравствуй, Надя!

Ты, наверное, еще не открыв письма, догадалась, кто это пишет. Конечно, я, Володя. Вот решил поделиться с тобой некоторыми мыслями. А если принять во внимание, что с человеком за сутки столько всего происходит, то можно написать целую поэму. А у меня только письмо. Я думаю над тем, что ты говорила о противоречиях своего характера. Так и должно быть. В человеке всегда борется добро и зло. И вся суть — в этой борьбе, в столкновении наших двух внутренних «я» рождается истина. И чем ожесточеннее эта борьба, тем будет точнее истина, тем поступок станет обоснованнее. Так происходит становление личности. Старайся, чтобы в этом становлении побеждали свет и добро.

А то, что я стал мишенью твоих нападок, меня радует. Штурмуй, круши меня, и эти бомбардировки станут мне хорошим уроком психологии, ведь я стану в будущем командиром воспитателем. До свидания.

Володя.

Январь 1982 г.
Черкассы.

Огромный, пламенный тебе привет! Я счастлив, что встретил человека, которому можно сказать о радостях, заботах и печалях, зная, что он все поймет, все оценит. Мне кажется, что я знаю тебя давно, так будет всегда. Потому что не родился еще тот соперник, который мог бы стать на моем пути. Я его сожгу огнем своего чувства. Вот так.

Правик.

Март 1982 г.
Черкассы.

Здравствуй, родная!

3 часа 36 минут ночи. До утра совсем мало осталось, до конца моей смены тоже. Дежурство прошло спокойно. Могу тебя обрадовать, чтобы ты не волновалась, милая. Вчера на моем дежурстве обеспечивали порядок на республиканском стадионе, где проходит праздник 1500-летия Киева. Нет слов, чтобы передать эту красоту. Впечатления громадные: представляешь — сто тысяч зрителей! Люди, люди и люди. Такие радостные, счастливые. Я просто онемел от переполнявшей меня радости и гордости. Как жаль, что не было тебя рядом, обидно, что я все это видел, а ты — нет.

Как я хочу домой, в училище, ведь Черкасы стали для меня вторым моим домом. Сейчас все наши уже, наверное, приехали со стажировки. Встретиться бы. Вернуться к тебе, мой цветочек. Я уже наострил уши ехать, но что-то команды нет и нет. Обидно, до слез обидно.

Но скоро мы будем вместе, и как мы будем жить, покажет самый главный судья, мерило всех и вся — Время.

До скорого свидания

твой Володя.

28 мая 1982 г.
Киев.

Моя дорогая! Я писал тебе, что осенью уйду в отпуск и приеду. Это, наверное, не получится, хотя я так жду нашей встречи. Но ты меня поймешь и не будешь обижаться. Ведь я и мои товарищи начинают с нуля, и это очень трудно. За этот месяц мы уже немного сколотили скелет нашей «службы», надо, чтобы он оброс чем-то стоящим. Вот сколько это будет длиться? Первое мое дежурство — самое первое во вновь образовавшейся СВПЧ-6, так называется моя часть, и караул у меня самый первый. Ребята попались хорошие, все понимают. Знают, что трудно, и помогают.

Начались дежурства, а с ними появилось немножко больше времени: как раз хватает на письмо.

Прости, что пишу другими чернилами. В этой «напряженке» ручку потерял и вот одолжил у брата Вити и продолжаю свою писанину.

Буду заканчивать, а то пишу уже три дня. Тебе, милая, привет от мамы.

Крепко обнимаю и целую.

Твой Володя.

16 августа 1982 г.
Чернобыль.

Здравствуй, дорогая милая Наденька!

Я так люблю получать твои письма, эти восточки твоей души. Ты за меня больше беспокоишься, чем за себя. Ну разве так можно? Разве может со мной что-то случиться, тем более, что я сейчас не тушу пожары, а готовлюсь к соревнованиям. И потом, обещаю, я буду послушным мальчиком. Не переживай. А лучше за собой смотри, ведь тебе так поздно возвращаться с занятий, а темнеет так рано.

Наденька, не надо обижаться на паспортный стол, что долго тянут с паспортом. Ведь это не простая бумажка, а документ. С ним тебя выпускают в жизнь на целый век. Но я надеюсь, ты уже получила этот «серпастый, молоткастый», где в ближайшем будущем появится отметка в графе «семейное положение». Да и вообще придется получать его снова на фамилию мужа. Всего год-то и налюбуйешься им.

А мне утешение твоё фото и письма. И каждое несет так много нового. Ведь наши встречи были такими непродолжительными и каждое прощание было как будто навсегда, до следующего увольнения. Так не хватает тебя. Я в природе больше всего люблю осень. Как хорошо осенью и в саду, и в лесу. Побродить бы нам вместе по нашей родной земле.

До свидания

Володя.

Сентябрь 1982 г.
Чернобыль.

Здравствуй, моя единственная!

Вот такая получилась оказия. Не могу простить себя за такое легкомыслие. Я написал

тебе письмо, но не рассчитал, что тебя там не будет и его получишь не ты, а твоя бабушка. Что она подумает, прочитав?

А теперь серьезно. Дела мои идут нормально. Уже работаю в городе Припять, куда и хотел попасть. Отпуск отгулять не дали. Сразу вышел на работу, и так началась моя трудовая жизнь. Сашка (помнишь — Дед Мороз?) передает тебе привет, такой огромный — с него ростом. Теперь мы с ним работаем вместе, начальниками караулов. Будем тушилами пожаров. Только вот такое дело: есть начальники, есть и замы, а работать некому. Вот и ищем народ на работу, ездим по селам. Плохо, конечно, что без отпуска, но что поделаешь — обещают где-то осенью. Вот и приеду к тебе, моя ненаглядная.

Был свидетелем или, как у нас говорят, старшим боярином на свадьбе. Видела б ты, какая в деревне свадьба. Грандиозная! А какие там грязи, особенно после дождя. Прошел пять метров и чистишь обувь. Но это мелочи по сравнению с весельем. Так что готовься к свадьбе.

Не скучай! Пиши.

Твой пожарный.

Осень, 1982 г.
Чернобыль.

Невеста моя ненаглядная!

После нашего телефонного разговора я прыгал от радости, идя домой, и чуть не угодил в яму. Но радость была такой огромной силы, что я перелетел ее и лишь потом понял, что мог же и упасть. Я очень тебя люблю и, если необходимо будет отдать жизнь, — отдам, лишь бы ты была счастлива, чтобы твое лицо никогда не застилала тень печали.

Твой Володя.

Осень, 1982 г.
Чернобыль.

Здравствуй, любимая!

Только вчера разговаривал с тобой, слышал твой голос, а кажется, это было так давно. Так давно не слышал я твоих песен, я так их люблю, они для меня, как сказки.

Завтра еду в Киев на соревнование по пожарно-прикладному спорту. Вернусь с победой, и мы встретимся.

Дела мои идут хорошо. Дома тоже все нормально. Отец ходит по грибы, на рыбалку. У меня здесь появилось очень много хороших друзей, ты еще познакомишься с ними, и будем вместе дружить.

Какая счастливая жизнь будет у нас! Ты всегда живешь в моем сердце и никогда его не покинешь. Ты его вторая половина. Спасибо за все светлые минуты наших встреч. За то, что я счастлив их ожиданием.

Мама приглашает тебя в гости. Хочет увидеть свою будущую невестку. Готовься. Она, кстати, вяжет в подарок тебе платок и очень хочет, чтобы понравился.

Люблю тебя.

Твой Володя.

Осень, 1982 г.
Чернобыль.

Здравствуй, дорогая, родная моя Надежда!

С огромным приветом и сердечной благодарностью к тебе твой будущий супруг. Большое спасибо за письмо. В нем частица твоей души, огонек твоего сердца, оно, как и мое, переполнено любовью. Мой милый человечек, тем, кто дорожит своими чувствами, разлука не страшна. Там, на вокзале, я еле сдержался, видя твои слезы... Я все бы отдал, чтобы на твоём лице играла веселая улыбка, чтобы никогда даже тень, даже маленькая грустинка не тронули его.

Я люблю тебя, моя родная. И еще не одна разлука нас ждет впереди: жизнь — дама капризная. Но где бы ты ни была, куда бы ни занесла нас судьба, мы будем вместе, наши сердца будут рядом, и жить мы будем в едином ритме — ритме счастья.

Низкий поклон твоим родителям. Они очень хорошие, ведь я у них, как родной сын. И мои родители тоже передают им сердечный привет.

Мама все нахваливается отцу, как нас принимали в Городищах у моей дорогой тещи, у моей второй матери.

Ты мое большое счастье, любовь моя вечная. Пиши.

Январь, 1983 года.
Чернобыль.

Твой Володя.

Привет из Чернобиля!

Моя кохана Надійко!

З великим привітом твій Володя. Пишу українською мовою, бо так зможу передати повніше любов свою і ніжність. Скрізь всюди я дописую до твого імені «моя». Яке це щастя, коли тебе люблять. Мені здається, що ми сто років не бачились. Ластівко моя, твій Вовчатина ніколи тебе не забуде.

Да, кстати, Наденька, ты смотрела материал на праздничное платье? Если тебе нравится — бери. Сошьем.

Как там поживают твои любимые подружки, твои телохранительницы и мои союзницы? Как они берегут тебя от погоды ненастной, от глаза неверного? Спасибо им за то, что они хоть немного тебя развеселяют и смотрят за тобой. И еще раз прошу: не ходи с «душой нараспашку», погода не ахти, то мороз, то дождь, смотри не простудишь.

Будь здорова, сонечко мое золоте.
Твій Вовчатина.

9 лютого 1983 р.
Чернобыль.

Здравствуй, мой весенний цветочек!

Сегодня первый раз за столько времени светит солнышко, и есть ему за что светить. С самого утра, как только его увидел, почувствовал, что меня ждет радость, и не ошибся. Сегодня я получил твое юбилейное письмо — уже десяток с момента моего пребывания на «службе». Видела бы меня, когда я его читал. Я был на десятом небе. Для меня твои письма очень много значат. Я понял, как облагораживает любовь, она делает человека чище, выше, сильнее, мужественнее. Наденька, для меня счастье имеет твое лицо, такое милое и доброе. И быть несчастным — это потерять тебя. Но это никогда не случится, потому что наша любовь выше всей мирской суеты.

А на деревьях уже появились первые нежные листочки. Ведь весна вокруг, Наденька.

Твой Володя.

Апрель, 1983 г.
Припять.

Здравствуй, любимая!

От всего своего горячего сердца поздравляю с девятнадцатилетием. Ну разве ты могла себе представить, что в восемнадцать лет выйдешь замуж, а в девятнадцать будешь хозяйкой нашего дома? Желаю тебе крепкого кавказского здоровья, пусть невзгоды никогда не обрушатся на твою головку, пусть плач и слезы минуют твой дом, забудут о тебе навсегда. Любимая, желаю тебе много Сережек и Наташек в ближайшее время. Со своей стороны я беру обязательство никогда не обижать тебя, моя нежная крохотулька, буду стараться, чтобы ясно сияли твои голубые, словно небо, глазки. Так получилось, что мы сегодня не вместе, — учеба, работа. А сколько было таких весенних, летних, осенних, зимних дней, когда между нами стояла разлука. Теперь ей конец.

Кстати, солнышко мое ясное, ответь мне на один вопрос: ты написала письмо в Нежин, в пединститут? Ведь тебе надо будет ехать поступать учиться дальше. Смотри мне, жена. Никакие уговоры не помогут избежать этого. Трудности — это временное, и с ними надо бороться. Зато после окончания я тебе разрешу недельку выспаться.

А как на лугу прекрасно сейчас, какой воздух. Какая необыкновенная природа. Там даже плакат вывешен, зовет, на нем написано: «Добро пожаловать к нам. Мы напоим вас ароматом цветов, запахом трав».

До скорого свидания.

Передавай привет родителям, друзьям.

Любящий муж, твой Волошка.

Июнь, 1984 г.
Чернобыль.

Дорогой мой, милый человек!

Мы нашли свою судьбу: так и должно было случиться, и нашим детям мы когда-то расскажем, как в голубой нашей юности встретились мы для счастья и жизни. Ведь все наши дни — это борьба за то, чтобы больше было добра и справедливости, честности, больше порядка. Для нас и детей наших.

Твой Володя.

Декабрь, 1984 г.
Чернобыль.

Моя несравненная Кнопка!

Ты хоть питайся регулярно, а то выйдешь на улицу, налетит ветер и понесет тебя в тридцатое царство, в тридцатое государство. А если уже и не ешь, то хоть камешки клади в карманы или железяки. Так по килограммов пять в каждый, чтобы увереннее стоять на земле и не падать. Выбирай. И потом — подумай про нашу будущую Наташку. Имей совесть. Еще один экзамен, и ты — мама.

Нежно обнимаю.

Володя.

Ноябрь, 1985 г.
Припять.

Здравствуйте, мои дорогие, хорошие

Наденька, Наташка!

С большим приветом к вам ваш курортник и лодырь. Это потому, что отлыниваю от воспитания нашей крошки Наташки. В начале письма прошу извинить за почерк и ошибки. Это, кстати, Надя виновата, что писала за меня планы, конспекты и совсем меня разучила держать ручку. Напишите, как Надя с Наташкой доехали домой, не приболела ли, нехватила ли ее та болезнь, которая сейчас ходит по городу, что-то типа гриппа. Живу я хорошо. Поселили нас в институте-клинике для осмотра. Как вы знаете, здесь все, кто был тогда, так что мне весело, ведь мой караул весь при мне. Ходим, гуляем, по вечерам любимся вечерней Москвой. Одно плохо, что любоваться приходится из окна. И, наверное, на месяца полтора-два. Увы, такие здесь законы. Пока все не обследуют — не выпустят. Пусть Надя живет в Городище. Я приеду прямо к вам, да еще пусть моя дорогая теща присмотрит мне работу, чтобы я мог перевестись.

Надя, ты читаешь это письмо и плачешь. Не надо, утри слезки. Все обошлось хорошо. Мы еще до ста лет доживем. И дочурка наша ненаглядная нас перерастет раза в три. Я по вам очень соскучился. Закрою глаза и вижу Надю с Натальей Владимировной. То, что произошло, вы уже слышали. Я не буду вдаваться в письменные подробности. Да еще вы меня, пожалуйста, и не узнаете, когда приеду. Начал отпущать усы и бороду.

Сейчас у меня здесь мама. Примчалась. Она вам позвонит и скажет, как я себя чувствую. А чувствую я себя хорошо.

На этом буду заканчивать. Не волнуйтесь, ждите с победой.

Надя, береги дорогую нам Наташку.

Крепко обнимаю, целую.

Твой навеки Володя.

Москва.
6-я клиническая больница.

Послесловие. Позже, когда уже по их жизни прошла та чернобыльская черта и когда Надя поняла, как беспредельно может тянуться одиночество, она не смогла смириться с тем, что произошло. И придумала себе сказку: «Володя жив». Просто еще не закончено лечение. Вот ему станет лучше, и он напишет ей письмо. Самое короткое в мире письмо: «Встречай!» И она ждет.

прошу слова!

Кому не встречались
швей-мотористки,
парикмахеры,
банщики с дипломами
техников,
филологов, экономистов.
Дилетант,
имеющий в лучшем случае
за плечами
краткосрочные
курсы переквалификации,
проник во все сферы
производства, культуры,
бытового обслуживания.
Пожалуй,
лишь у операционного
стола
встретишь хирурга,
а не бывшего технолога
пищевой промышленности.
Но тут уж, как говорится,
вопрос жизни и смерти.

Галина
МЫЛЬНИКОВА

Н

е знаю, есть ли сводная статистика прямых материальных потерь. В таблицах ЦСУ СССР мы не обнаружим графы — потери от некомпетентности. О масштабах урона можно только догадываться, сопоставлять информацию, факты. Внушительные суммы не попадают в его карман из-за некомпетентности специалистов, занятых в торговле и общепите. Список потерь можно продолжить — не такой уж он безобидный, экс-специалист, ныне полуроботник. Откуда же все-таки берется дорогостоящая обществу приставка «экс»?

Письмо из Москвы. О себе автор сообщал коротко: экс-инженер, экс-художник, участник выставок, ныне пожарный. Возраст 29 лет. Оклад — 90 рублей. Готов побеседовать. И — рабочий телефон.

Володя оказался высоким, стройным мужчиной. Одежда его ничего не говорила о профессии: джинсы, свитер. Мы долго шли по коридорам театра, взбирались по лесенкам, пока не очутились у двери, обитой железом. Маленькая комната-пенал. На столе приборы пожарной сигнализации. Если вдруг что-то случится в зрительном зале и других помещениях, прибор тут же сработает, и Володина прямая обязанность — вызвать по связи городскую пожарную команду. Еще от него

требуется после спектакля закрыть двери всех подъездов. Следить, чтобы актеры не курили.

— Вот, пожалуй, и все. Остальное время читаю.— Он кивнул на тоненький томик французского поэта Тристана Корбьера...

История его метаморфозы типична. По совету родных поступил в технический вуз — Московский автодорожный. При распределении сам выбрал один из НИИ. В институте ему неплохую перспективу обрисовали: научная работа, аспирантура, диссертация... А поначалу дали 110 рублей.

Проходил месяц-другой на работу, и стало не по себе. Отдел занимался научной организацией пассажирских перевозок. Но наукой, по мнению Володи, там не занимались. Как-то потребовались ему данные об эффективности внедрения разработок отдела, попросил расчеты у коллеги, а тот в ответ: «Да пиши, что эффективность выросла на 80 процентов. Кто проверять будет?»

— Но больше всего меня потрясло не это,— продолжал Володя.— Как представил, что лет через десять буду таким же, как мои товарищи в отделе, вялым, безучастным, ужас взял. На что уходит время?! — хватался я за голову.— На бумажки, болтовню... А задумки были. Например, хотел пробить идею о приоритетных полосах для общественного транспорта — автобуса, троллейбуса. Есть такие в зарубежных странах, где считают экономические потери от опозданий на работу. Там, Володя неопределенно махнул рукой в окошко,— все считают. Если автобус везет пятьдесят человек, а легковушка двоих, занимая при этом площадь дороги лишь немножко меньшую, кому дать преимущество в движении? Конечно, автобусу. Но мы не смогли найти заказчика. У нас ведь как: дорогами занимается одно ведомство, пассажирскими и автобусами — другое. В ГАИ тоже отмахнулись: «У нас и без ваших полос проблем хватает...» Еще хотел внедрить систему шести предупредительных знаков для автомобилей всех марок. Скажем, кончился у вас бензин — прикрепил на капоте знак соответствующего цвета: «нужен ремонт» или «медицинская помощь». Колоссальная экономия времени, культура! Ведь когда на приколе стоишь, голосовать можешь и полчаса, и больше: все несется мимо, не разберут на ходу, что тебе нужно...

Говорил Володя горячо, страстно. А потом в голосе появилась нотка скуки. Не внедрил, но уже по другой причине — заказчиков нашли, загвоздка вышла с заводом-изготовителем: за полтора-рублевые знаки никто не хотел браться — невыгодна дешевая продукция. Короче, «диссер» высасывать из пальца, как другие, не хотел.

Через три с лишним года расстался с НИИ. Вспомнил детские мечты о профессии художника. Он в институте все пять лет рисовал — газеты, объявления. Счел, что этого достаточно. И не ошибся. Его приняли в магазин «Диета» художником-оформителем. Через два года — в рекламное агентство, рисовал товарные знаки, эскизы упаковки для различных товаров по заказу магазинов и торгов.

Там ему было хорошо. Честолубие побуждало выполнить заказ не хуже дипломированного выпускника «строгановки», который сидел рядом. Худсовет был доволен его работами. Но вскоре нашего героя подстерегла новая ловушка. Семья...

С появлением дочери оклада 120 рублей уже не хватало. Подработки по совместительству не разрешались. Договорился о сотрудничестве с издательствами. Но... Как уйти с работы на час-другой, если жесткий режим работы? Один раз прыгнул со второго этажа, другой раз задержался на обеде под предлогом «зашел к зубному врачу». В конце концов надоело выкручиваться. Друзья помогли устроиться в театр сторожем.

— Это совсем непросто,— усмехнулся Володя,— желающих много. Недавно повысили в должности — перевели в пожарные.

— И как?

— Вначале было не по себе, как будто попал на социальное дно. Особенно остро это почувствовал в Ленинской библиотеке. Зашел по старой привычке посмотреть некоторые журналы. Стал заполнять формуляр, и вдруг библиотекарша спрашивает: «Ваша профессия?» Я растерялся, потом говорю: «Сторож!» Она не поверила, стою в кожаном пальто, с кейсом. «Образование?» Отвечаю уже смелее: «Конечно, высшее!» Поднялся смех. А когда вернулся домой, как-то неприятно стало. Но друзья поддержали, и комплексовать перестал.

Володя закурил сигарету, откинулся на спинку стула.

— Есть у меня приятели, которые все время ноют: работа не та, жена заела. «Брось,— говорю,— эту работу, с женой разведись!» Куда там?! Люди с трудом принимают решения, боятся расстаться с привычками. А ведь это основное мужское качество. Я переселился в страх. Вошел, как в холодную воду. И как видите, жив, раскован. Дежурю сутки, двое отдыхаю, то есть кручусь, как бобик, рисуя. Зарабатываю в месяц около трехсот рублей. Ходим с женой на выставки, покупаем книги. Больше стал времени уделять ребенку. Могу, договорившись с напарником о подмене, уехать на несколько дней в Юрмалу или в Карпаты. Живу в своих нормах порядочности. Не лезу, куда не просят. В общем, нашел свою «экологическую нишу», — подытожил Володя и снял телефонную трубку.

Звонил администратор. Закончился спектакль. Надо было приступить к работе — закрывать двери.

«Ни новосел, ни старожил,

Он, ожидая смерти, жил

И умер в ожиданье жизни...»

Перед уходом Володя попросил обратить внимание на эти строки Корбьера. Строки запомнились. О ком они? О тех, кто «вкалывает» у станка, кульмана, в классе и никогда не узнает, как пикантна Юрмала в осеннюю пору, когда слышнел массовый курортник? Или о тех, кто проработал ни шатко ни валко и почитывает Платона? Этот обитатель «экологической ниши» недодает обществу большей части трудового вклада, зато потребляет социальные блага пол-

ной мерой. Частное решение человека найти работу полегче, как видим, задевает интересы общества: он убирает свое плечо из-под общей ноши, и груз несделанного сильнее давит на остальных. Не по-граждански. Почему это происходит?

Вернемся к Володиной истории. Он заявил, что никогда не бросил бы профессию инженера, если бы не рутина в НИИ. А кто будет разрывать кольцо рутины? Володя считает, что качествами борцов наделены немногие люди, сумасшедшие одиночки. А большинство, получив по носу, либо больше не высываются, либо уходят, как он. Правильно. Потому и получается, что один рвет сердце, доказывает, убеждает, а другие спокойно выжидают. Берегут себя «премудрые пескари», но вовсе не оттого, что не обладают бойцовскими качествами. В иной обстановке — в магазине, в очереди за билетом — они проявляют чудеса храбрости, умеют постоять за себя. Вот так бы за работу драться, размахивать кулаками! Володя убежден: так никогда не будет в НИИ, на производстве. Там, по его мнению, укоренились только функционеры, демагоги, которые продвигаются по службе не из-за профессиональных достоинств, а умений строить отношения с начальством. Вот если бы существовала система профессионального продвижения, где качество и конечные результаты труда были бы увязаны с его оплатой, тогда он и другие смогли бы отдаться работе, билась бы за свои задумки, идеи.

Справедливо утверждение о необходимости такой системы? Конечно. У нас есть ленинградский опыт прогрессивной организации и стимулирования труда инженерно-технических работников, опыт легкой промышленности Эстонии, разработавшей системы отбора, обучения и выдвижения молодых управленцев из резерва, опыт ВАЗа, Калужского турбинного завода... Но этот опыт еще долго будет ждать своего распространения, если мы сами не шевельнем пальцем, не используем данные нам права в самоуправлении.

Несколько лет назад на одном НПО черной металлургии молодые рабочие, специалисты решили создать новаторский центр с «банком» данных об узких местах производства, научно-исследовательских и экспериментальных работ. Думали объявить конкурс на лучший проект, техническую новинку, научную идею. Участвовать мог каждый, индивидуально либо в составе комсомольско-молодежных бригад НТТМ, отделов, лабораторий. В центре предполагалось вести «мозговые» штурмы, с участием своих ученых и специалистов отрасли о перспективах развития черной металлургии. Комитет комсомола, совет молодых специалистов побоялись вступить в бой с некоторыми недалекими администраторами и главным инженером, хотя получили поддержку ведущих специалистов. Идею похоронили. После временного духовного подъема вновь в курилках отделов и лабораторий молодые специалисты, ученые жаловались на ретроградов-завлабов, которые не дают творчески работать.

Никто не будет отрицать объективных условий, создающих щели для полурботников. Когда Володя вел по театру, обратили на себя внимание группки людей, забивающих «козла», — электрики, сторожа. Раздутые штатные расписания... Конечно, отсеять этот мусор в кадрах помогут хозрасчет, аттестация рабочих мест, экономические методы хозяйствования. Идет экономический эксперимент и в театрах. Очевидно, будут пересмотрены должности электриков, пожарных. Может, их совместят в одном лице, а заодно с функциями и зарплату, и тогда на этой должности будет работать действительно универсал-профессионал, которому некогда будет почитать Тристана Корбьера. Будем надеяться, что так будет.

Хотелось бы уточнить одну существенную деталь, имеющую отношение к разговору. В наш динамичный век смена профессий, утверждение социологи, в достаточной мере закономерна. Знаю бывшего учителя, который стал инженером-изобретателем, бывшего географа, а ныне — весьма способного артиста эстрады. Читатель наверняка может привести свои примеры. Человек, который обрел в новой профессии второе дыхание, силы, радость, — находка для общества. Но профессионалом в новой области может стать человек трудолюбивый, любознательный, социально активный. Нет профессий важных и второстепенных. Права народная мудрость: «Не место красит человека...» Дискредитирует доброе ремесло пожарного, дворника дилетант, который смотрит на свою работу как временную в ожидании Чуда настоящего дела.

Будем реалистами. Среди людей, сменивших специальность, многие хотят, но не знают, как работать хорошо. И здесь им должна помочь система непрерывного образования, о которой говорилось в документах перестройки. Необходимо быстрыми темпами переориентировать часть вузов, техникумов в центры профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Был разговор с Володей на эту тему. Чтобы стать профессиональным художником, он подчитал: надо проучиться пять лет. Много. Володя в раздумьях. Кто он? Инженер? Нет уже. Пожарный, художник? Ни тот и ни другой. Поддавись соблазну легкого способа разрешения трудностей, не заметишь, как вступишь на дорожку бесконечных компромиссов. Но он по-прежнему думает, что «его загнали в угол другие».

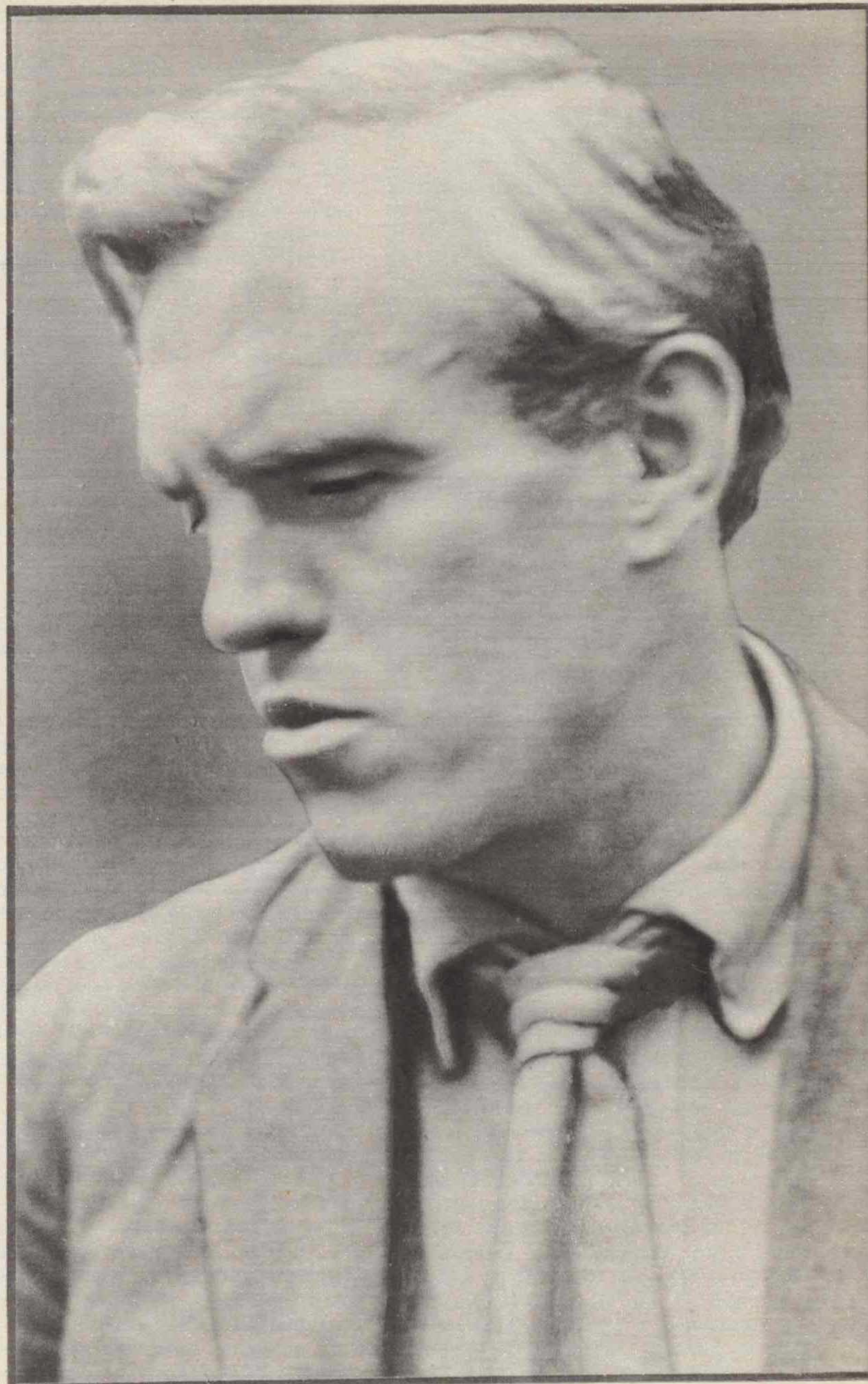
Говорят: слабый человек борется с врагами, сильный — с самим собой. Конечно, не каждый из нас похвастается волей, жизнестойкостью. Но если сложить наши силы в едином желании работать лучше и жить соответственно лучше, мы горы свернем, многое сумеем изменить. Отсидеться в «экологической нише» становится все труднее. И хорошо бы, чтобы стало совсем невозможным, чтобы общество наладило жесткий спрос с таких «отсиживающихся»: кто дал право пускать по ветру средства, затраченные государством на твоё профессиональное образование?

Поэт, литератор остается не только в своих произведениях, не только в фактах своей пусть даже богатой биографии. Часто его личность оживает, ярко обрисовывается и в воспоминаниях современников — подчас бесхитростных, бытовых, будничных. Причем оживают не только приметы личности, но и приметы эпохи, что чрезвычайно важно. Именно таким человеком, реальным в реальном времени, представляется нам Николай Тихонов в дневниках Павла Николаевича Лукницкого, которые тот вел всю свою жизнь.

Павел Николаевич Лукницкий (1900—1973) — писатель, участник гражданской войны, автор книг «Волчец», «У подножия смерти», «Памир без легенд», «Всадники и пешеходы», «Солнце все выше», «Время за нас» и других.

В начале 20-х годов П. Н. Лукницкий учился в Петроградском университете и писал стихи, рассказы и очерки. Именно тогда он встретился с поэтом Николаем Тихоновым и крепко подружился с ним. Тихонов пригласил Лукницкого в поэтический кружок, организованный при Институте Живого Слова, а в 1924 году подписал протокол приемной комиссии о принятии П. Н. Лукницкого в литературное объединение Всероссийского союза поэтов. Это было время тесного общения двух писателей. Мы публикуем выдержки из дневника тех лет П. Н. Лукницкого (вошедшие в готовящуюся к печати книгу В. Лукницкой «Перед тобой земля»), в котором некоторые черты поэта Николая Тихонова, чье 90-летие мы отмечаем в эти дни, как бы вырисовывают, дополняют для нас его облик.

“ЛЕГКО МНЕ С Н. ТИХОНОВЫМ, ПРОСТЫМ И ХОРОШИМ...”

Н. Тихонов. 1934 г.

9.12.1925.

Вечером у меня были Н. Тихонов с М. К.¹. Пришел сначала он — с какого-то заседания, а через несколько минут и она. Тихонов жаловался, говорил, что эти собрания ему осточертели, жаловался и на свою студию в Институте Живого Слова — «стихи там пишут ужасные». И он попросил меня прочесть мои стихи, говорил, что давно не слушал и соскучился по культурным стихам. Я прочел несколько, и он не ругал их. Пили чай, говорили много о разных разностях. Ушли они часов в 12, чтобы попасть на трамвай.

21.12.1925.

...После обеда поехал к Н. Тихонову и просидел у него до девяти — слушал его стихи, — он с удовольствием читал свои старые стихи — 13-го, 14-го, 16-го, 20-го года и показывал свой архив. Архив — колоссальный. Среди стихов — много юмористических. Рассказывал мне о себе. Говорит и читает, увлекаясь, в тех местах своих стихов, которые ему кажутся хорошими, прерывает чтение восклицаниями: «Здорово?.. А?..»

17.06.1928.

Я уезжаю на Кавказ, вместе с Николаем Тихоновым, его женой и В. Каверины. По Кавказу пешком или на мажарах — в Теберду, там пробудем недели две, затем пойдем по Военно-Сухумской дороге. Пробудем некоторое время на побережье, может быть, побываем в Батуме и Тифлисе и приедем в Новороссийск. Лично мне хочется из Новороссийска проехать морем в Одессу...

С деньгами приблизительно устроился: 100 рублей мне ссудил Литфонд, да из Союза поэтов, журнала «Звезда» и с литературной стра-

ницы «Правды» я набрал еще рублей 100, на переписку биографической канвы Н. Г.² (сделал ее до 1918) истратил 35 рублей...

Ехать очень хочется — с нетерпением считаю дни до отъезда, стараюсь прожить их наспех, как-нибудь, не заметить. Жалко очень отрываться от работы, очень трудно не видеть А. А.³ несколько месяцев, но ехать надо, надо... Набраться впечатлений, обдумать все...

Каверина совсем не знаю. Жена Тихонова тоже. Легко мне с Н. Тихоновым, простым и хорошим. Ну да ладно, я уживчивый, обойдется.

14.11.1929.

У Н. Тихонова на Зверинской. Читал ему свой очерк о Туркмении, оконченный вчера... Вечером у меня заседание Бюро секции.

23.11.1929.

Весь день в канцелярской работе Союза поэтов и кооп. бюро, а вечером — у меня заседание ревизионной комиссии.

...Итак, еще месяц прошел. Для меня это месяц усиленной работы. Давно не было такой уверенности в своих силах. «Молодая гвардия» напечатала мое стихотворение. Первый очерк мой весьма одобрен Тихоновым и принят в «Звезду». «Балладу о топоре» взяла в литературную страницу газета «Смена», в 12-м номере «Звезды» идет «Первая женщина в Куули». Начал новый очерк.

2.12.1929.

Вчера был у Тихонова, вместе сочиняли слова марша школы милиции. Кто-то из соседней квартиры украл мои калоши. Долго искали их с Тихоновым...

Сегодня у меня был Н. Тихонов. Долго говорили обо всех занимающих меня мыслях. Надумал создать в секции поэтов ядро... Цель

ядра — совместная творческая работа; обсуждение всего написанного участниками; воздействие друг на друга; борьба с литературной пошлостью, рутинным бытовизмом стиля, преодоление его; приведение в систему мышления в направлении левого попутничества. Кто бы мог быть в таком ядре из секции поэтов? В. Эрлих, В. Рисиотти, Л. Борисов, М. Комиссарова, Н. Заболоцкий? Хорошо было бы — лапповцы: Б. Лихарев, А. Гитович, Б. Корнилов.

23.12.1929.

Начал 3-й очерк о Туркмении, потом был у Тихонова. Рассказал, что звонил А. Крайский, просил назначить кого-нибудь из секции поэтов для руководства литературным кружком в Художественно-Промышленном техникуме. Я сказал, что могу взять кружок на себя, хоть это и бесплатная работа. Крайский обрадовался — видимо, никто не хотел брать бесплатно.

24.12.1929.

Опять у Н. Тихонова. К нему всегда иду с удовольствием. У них — сочельник и человек 15 народу. Ирина привезла в чемодане маленькую елку. Все дарили друг другу шуточные подарки. Из литературных людей были только я, Н. Браун и В. Эрлих.

Написал за эту неделю «Рассказ о капитане Голубеве».

26.12.1929.

Был у Н. Тихонова и читал рассказ ему. Тихонов много говорил о литературе, разбирал современное положение поэзии. Суть: есть две группы поэтов — «конструктивисты» и «опрощенцы». Первые называют себя так условно, ибо название это решительно ничего не определяет. Они — все те, кто действительно работает над словом, чтит культуру слова, стремится к ней и борется с неорганизован-

¹ Мария Константиновна — жена Тихонова.

² Николая Гумилева.

³ Анна Андреевна Ахматова.

ным материалом. В их среде могут быть самые разнохарактерные поэты. Прочие — «опрошенцы» и, подразумеваются, вообще не поэты: они кричат о себе и живут только своей «идеологической ценностью», ни в какой мере не являясь ценностью художественной.

*
* *

В 1928 году Н. Тихонов, В. Каверин и П. Лукницкий совершили уже упомянутое путешествие по Кавказу, где Николай Тихонов завел тетрадку, которую заполнял шутливыми стихами и рисунками. Позже эта тетрадка попала в архив к Павлу Лукницкому. Сегодня мы впервые воспроизводим несколько ее страниц и комментируем их дневником П. Н. Лукницкого того же времени.

25.06.1928.

...Еды с собой мы не взяли, страшно голодны. В станции Сенты — остановка. Пошли втроем (Тихонов, Каверин и я) искать еды. Хлеба нигде нет, только кукурузные чуреки (один чурек 25 коп.). Айран (ужасное, с металлическим вкусом кислое молоко). Яйца покупаем по одному, по два в каждой избе (больше нет). Девочка дала яйцо и говорит: «Приходите завтра, дам еще одно». Нас не понимают, объясняемся с трудом.

У нас дикий вид в кубанских шляпах. На камнях ели. Каверин сделал гоголь-моголь, мы ели так, М. К. ничего не ела, кроме своего шоколада. Половину выбросили в реку...

Поехали голодные дальше. Настроение хорошее, смеемся. За нами верхом два карачаевца в черкесках с револьверами. Совсем разбойники, я похвалил лошадь одного из них, он предложил нам поехать верхом. Я и Тихонов поехали, а они сели в линейку и разглядывали обручальное кольцо Каверина и расспрашивали его о цене его вещей. Потом мы уговорили Каверина сесть в седло. Он сел (первый раз в жизни). Вдевал правую ногу в стремя и держал луку правой рукой. Едва усадили. Трясся шагом и смеялся. Отдали лошадей, поехали дальше. Загорели, запылились. Всю дорогу разговариваем с нашим казаком, он мужик обстоятельный, толковый и все нам объясняет хорошо и дает дельные советы. К концу дня — холодно. Мы уже значительно поднялись. В половине четвертого Тихонов первый заметил снеговые горы. Дорога чистая и спокойная. Нас нагнал верховой, торговец из Теберды, русский, ездил за 50 верст молиться. Долго ехал с нами, и мы его расспрашивали обо всем.

Автобус ни вчера, ни сегодня из Баталпашинска не вышел. Ждали все, когда же наконец

знаменитое ущелье Теберды. Такого горного ущелья и не оказалось, а в Теберду мы скапались с горы. Длинный березовый лес, ничем не отличающийся от наших северных. Проехали его. Река и разваливающийся мост, перевязанный веревочками (то есть канатами!). Въехали в аул Теберду...

29.06.1928.

Погода прекрасная. Втроем, я, Н. Т. и В. К., ездили к источнику Нарзан, вверх по реке Джемагату. Конечно, сделали большой крюк, потому что все географические карты врут.

Замечательная долина с душистыми ароматными травами, кошами горцев, загонами для овец, встречными всадниками-карачаевцами, с бабочками, целыми стаками спокойно пьющими на дороге воду.

Джемагат распадается на десятки ручьев и потоков, заполнивших всю долину, и заливают луга. Снежные горы с трех сторон, полное безветрие и шум вод.

Отдых у моста через Джемагат, где я хотел купаться и уговаривал Тихонова и Каверина последовать за мной. Они отговорили и меня. Неожиданно открылся белый, чистенький домик — у источника Нарзан. Вошли в него. К нашему удивлению хозяйка предложила нам вкусный завтрак. С аппетитом ели и расспрашивали хозяйку. Здесь можно ночевать — отсюда недалеко перевал Эпчик, с которого виден Эльбрус и с которого замечательно наблюдать восход солнца. На днях пойдем туда. Пили нарзан — холодный, шипучий. Отдыхали у ручья и обратно шли без остановки, все время под гору. Удивительное дело, никто из нас не чувствует ни малейшей усталости, а ведь прошли все же 25 верст. Вечером отдыхали. После ужина общие разговоры из жизни друг друга, шутки, страшные истории, денежные счета и пр. и пр.

1.07.1928.

Вышли из дома с целью погулять час-другой и вернуться. Не взяли с собой ничего теплого — на мне апашка и легкие брюки...

Пошли вверх по Теберде, по ее левому берегу. Шли по дороге, потом сбились и попали в лес. Шли по стволам лежащих деревьев. Через ручьи, через заводненные места, сквозь чащу. Выбрались на дорогу и шли все вперед, пока не достигли коша. Девочки-карачаевки продали нам айран и землянику. Их отец сказал, что до Бодукских озер отсюда — 3—4 версты. Мы поверили. Прошли больше 12 верст.

Полезли в гору. Лезли безостановочно. Слева — горный поток Бодук, справа — гора. Лес, сначала сосновый, потом березовый. Налево мостик и разветвление потоков. Пошли по правому. Уже кончились леса, уже ясно было, что

идем по неверному пути. М. К. устало плелась за мной, Каверин ругался и уговаривал вернуться. Забрались к облакам... Мшистые камни, альпийская флора, холод... Тогда Каверин сел и решительно объявил, что дальше не пойдет. Еле-еле уговорили. Я был впереди с Тихоновым. Вверху, уже совсем близко кончались горы, ничего не было — словно граница мира. Только густые облака со всех сторон. На самом хребте увидели людей и овец. Быстро по камням стали карабкаться. Тихонов, не доходя шагов сто, вдруг остановился и стоял неподвижно несколько минут. Меня встретили лаем громадные сторожевые собаки. У подножия коша сидела группа горцев-карачаевцев пастухов, полтора десятка ребятишек и несколько женщин и девушек. Одна из них совершенно поразительной красоты. Встретили смехом и оживленной болтовней на непонятном языке. Скоро подошел Тихонов, потом остальные. В тридцати шагах от коша — снег...

5.07.1928.

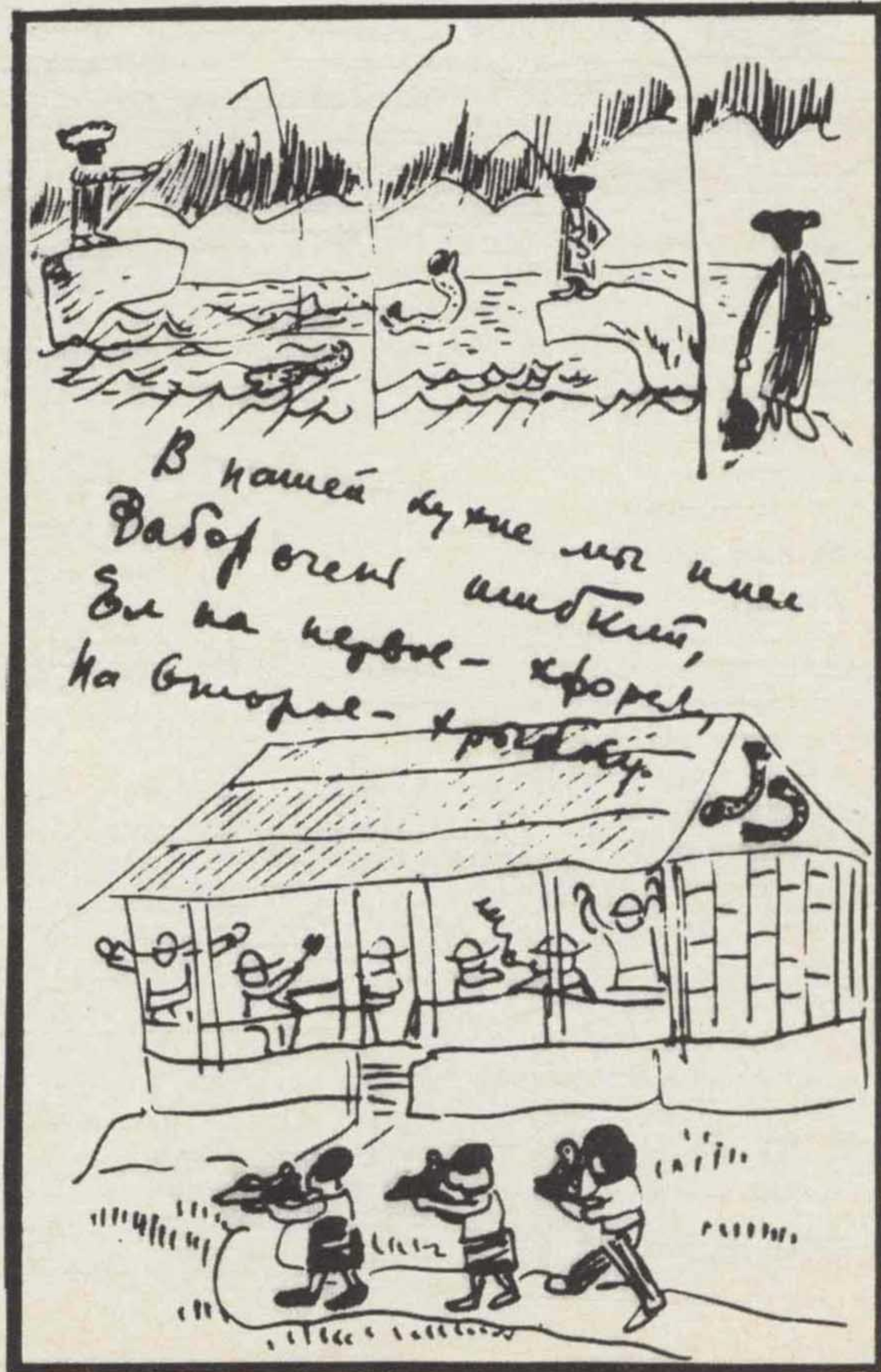
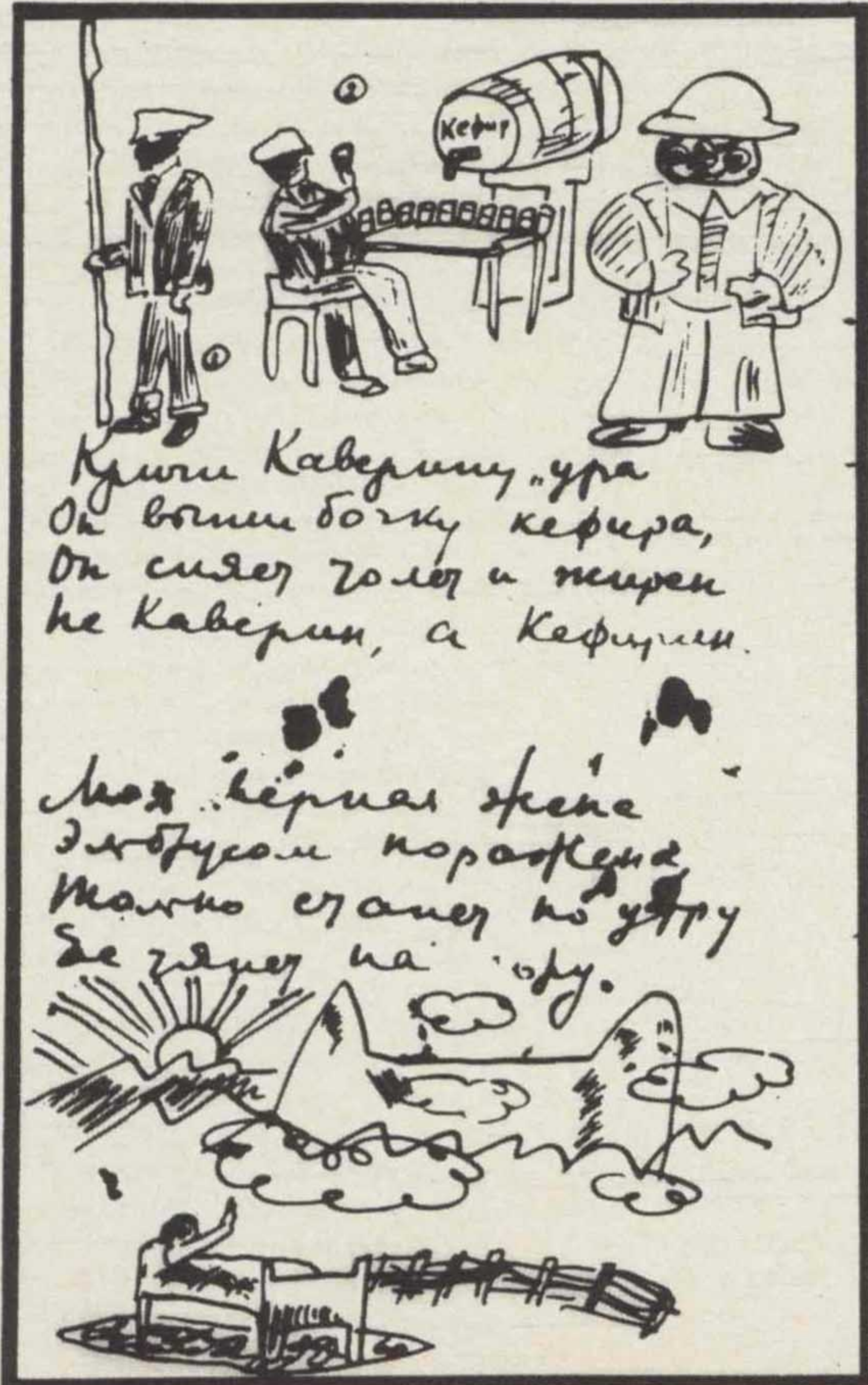
Погода превосходная. Тихонов и Каверин грелись на солнце, сидя на большом камне, выступающем из реки. Окончив писать, полез к ним, но едва выпрямился, как ветром снесло в реку мою шляпу-осетинку. Тогда я скинул с себя одежду и прыгнул в воду, прыгнул, как прыгаю всегда, — «ласточкой». Что-то ударило меня по ноге, я не обратил внимания, доплыл до шляпы и вышел с ней на берег. Резкая боль в ноге. Глубокая рана. Все поздравляли меня с «победой», но замолчали, увидев кровь. Носовым платком туго перетянул ногу. Тихонов сел со мной, и я предложил ему сюжет для рассказа «Путь шляпы». Придумывали разные сюжеты и разбирали их. Одноножкой допрыгал до раскладушки. Рана прищлась как раз между двух вен, не задев их, и должна зажить скоро.

8.07.1928.

С утра у всех прекрасное настроение. Тихонов сочиняет частушки о нашем путешествии, соблазнил и меня: сделали шуточный корабельный журнал путешествия по В. О. дороге, вписали частушки туда — так прошло все утро. В ауле у кефирщицы с нами познакомилась некая Евгения Брониславовна, петербуржанка, из университета, узнавшая Тихонова и Каверина. Днем были у нее, пили чай, болтали и балаганили, потом она пришла к нам, мы пели частушки, к которым Н. Т. уже сделал рисунки...

Публикация из книги
В. ЛУКНИЦКОЙ
«Перед тобой земля».

Страницы из путевой тетрадки Н. Тихонова с его шутливыми стихами и рисунками. Публикуется впервые.

Александр
ВИКТОРОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

РАСВУМЧОРР- ПЛАТО ГЕРОЕВ

На плато Расвумчорр уже зима. Пройдет еще немного времени, и расвумчоррское солнце утонет за кромкой горизонта. И тогда на плато нахлынет двухсотвосемидесятидневная непогода: слетятся ураганные ветры, руки будут примерзать к металлу, а многотонные «магирусы» станут раскачиваться на ходу подобно океанским яхтам, идущим по штормовой волне...

Но им — тем, кто вгрызается в жесткую твердь Расвумчорра, кто сверлит лабиринты и штольни, — им, конечно, все равно. Под землей — ни лета, ни осени.

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

Командировка подходила к концу, а портрета крупным планом не было.

В управлении рудника посоветовали:

— Ну, хоть Казанцева сними. Ударник комтруда, медаль «За трудовую доблесть», норма выработки — сто четырнадцать и три десятых. Давай лезь к нему.

И вот я в штольне. Под сапогами хлюпает вода. Темно. Лишь тонкий лучик вмонтированного в каску фонарика высвечивает очерченные мелом перекрытия.

— Ну как? — кричу Казанцеву.

— Нормалек! — кричит он в ответ, стараясь перекрыть грохот перфоратора.

Коля Казанцев родом из Перми. Там родился, там учился и оттуда ушел в армию. А вот после армии потянуло в другие края. Ну, а что может быть интереснее Севера?! Так он оказался на Расвумчоррском руднике. Это теперь он местная знаменитость, бригадир проходчиков пятого участка. А поначалу туго приходилось демобилизованному воину Советской Армии Коле Казанцеву.

— Поверишь, коленки слабели, когда в шахту спускался. Первый раз спускаюсь — страшно, второй раз — тоже, третий, четвертый, пятый. Даже самому противно. Потом думаю: другие-то ведь работают — и ничего. Значит, привыкли. Надо и мне привыкать.

Я тоже до поры до времени думал, что в профессии проходчика нет ничего героического, удивился еще: чего это Казанцеву вдруг страшно делалось? Но думал я так и удивлялся только до времени.

...Коля Казанцев «врубил» перфоратор, а я поднял фотоаппарат. И вдруг за спиной что-то ахнуло! Ахнуло так, что заложило уши. Оказывается, в противоположном штреке рванули взрывчатку, а мы из-за рокота перфоратора не услышали предупреждающей sireны.

Странное дело, только теперь я ощутил на своем боку оранжевую коробочку индивидуального противогаса, только сейчас понял, что здесь, под землей не все так про-

сто, как это кажется вначале, что работа здесь, конечно, не фунт изюма.

Здесь нужно добывать апатитонефелиновую руду, — и по возможности больше. Нужно быть честным человеком и верным другом, чтобы те, кто рубит породу рядом, всегда могли на тебя положиться. И вовсе не обязательно, чтобы у тебя была косая сажень в плечах.

ПАРТОРГ КОЖИН

На земле и под землей — проблемы разные. И тут, и там разные меры ценностей, разные масштабы, разное понимание природы вещей. Секретарь парткома производственного объединения «Апатит» Владимир Сергеевич Кожин это понимает лучше других. Кожин на руднике с пятьдесят седьмого года. В истории объединения всякое бывало: и взлеты, и падения, а Кожин взлетал и падал вместе с объединением.

— В непростое время живем, — говорит Кожин раздумчиво, — в сложное время. Приведу пример. Всю жизнь наше объединение подчинялось одному министерству. Теперь передали другому — Министерству по производству минеральных удобрений. И получилось, как в математике: от перемены мест слагаемых сумма не меняется, — хотя и передали нас в другое ведомство, проблемы остались прежние. Какие? Пожалуй, ста. Вопрос вопросов — вагоны!

Люди под землей жилы рвут, рубят апатиты, а грузить их не во что. Вопрос второй: с каждым годом полезное содержание руды снижается. Это естественно, запасы рудников не безграничны. Но ни в министерстве, ни в главке этого не учитывают, а может, просто не знают. А что делать с устаревшей техникой? Мы же ее больше чиним, чем на ней работаем!.. Да, перестройка началась, но какое же это непростое дело.

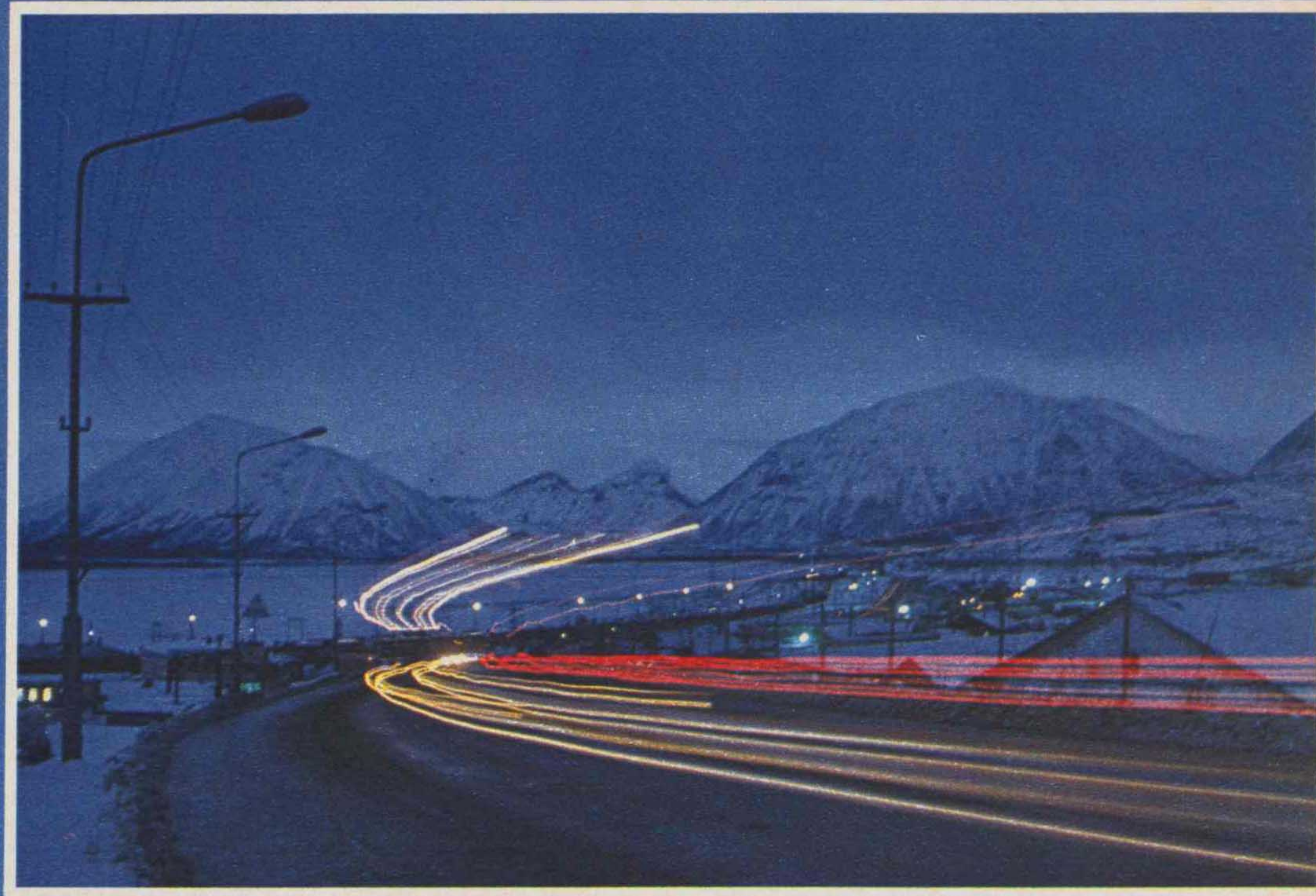
* * *

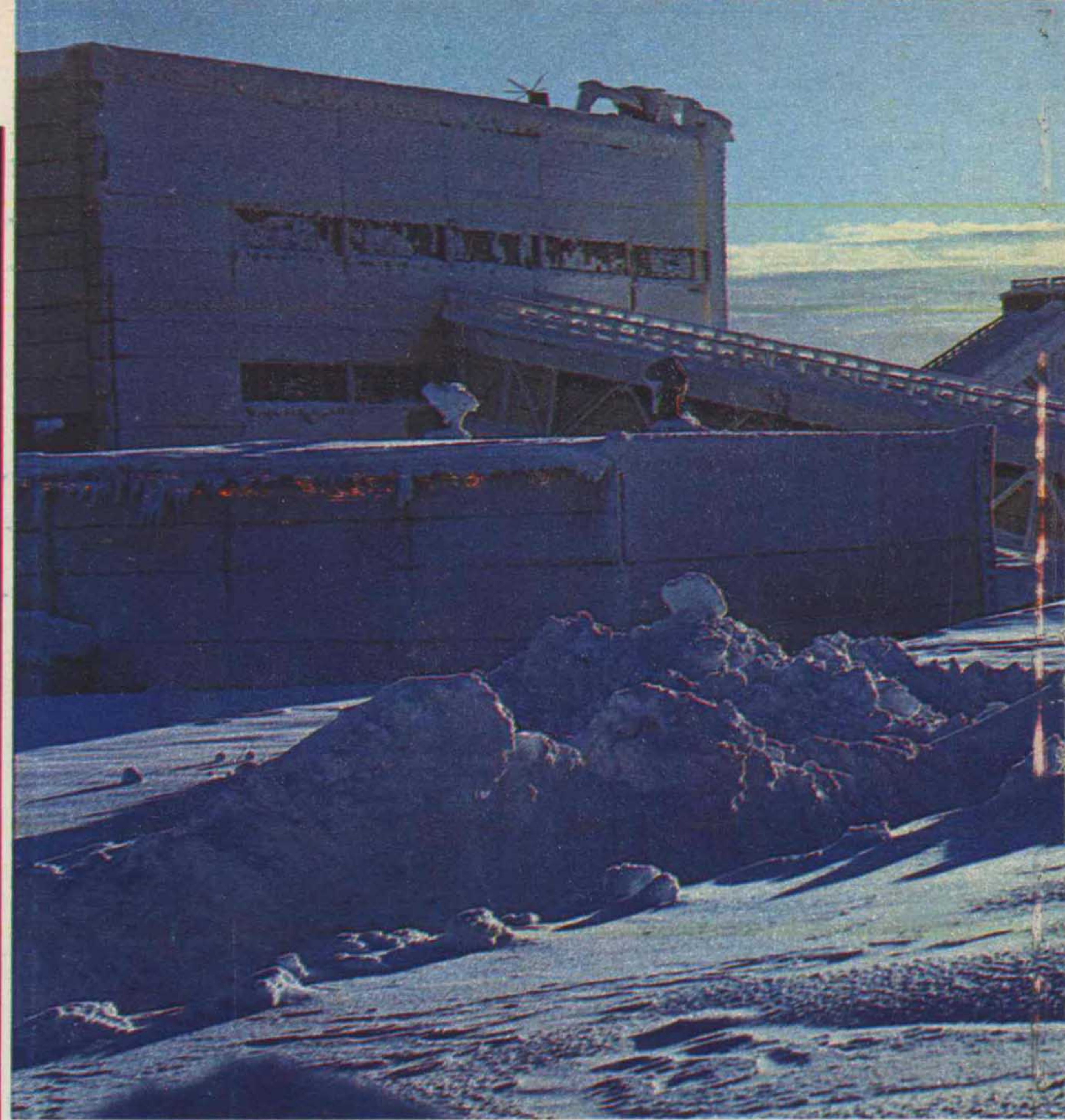
А потом был октябрьский праздник. Была демонстрация. Маленькая демонстрация рудокопов. И среди усталых, но улыбающихся людей я видел уже знакомые мне лица. Вот Кожин машет кому-то шапкой, а ветер треплет его седеющие волосы. Вот Коля Казанцев идет впереди колонны с красным знаменем. Знамя было тяжелое, но он нес его так, как несут цветы на первое свидание..

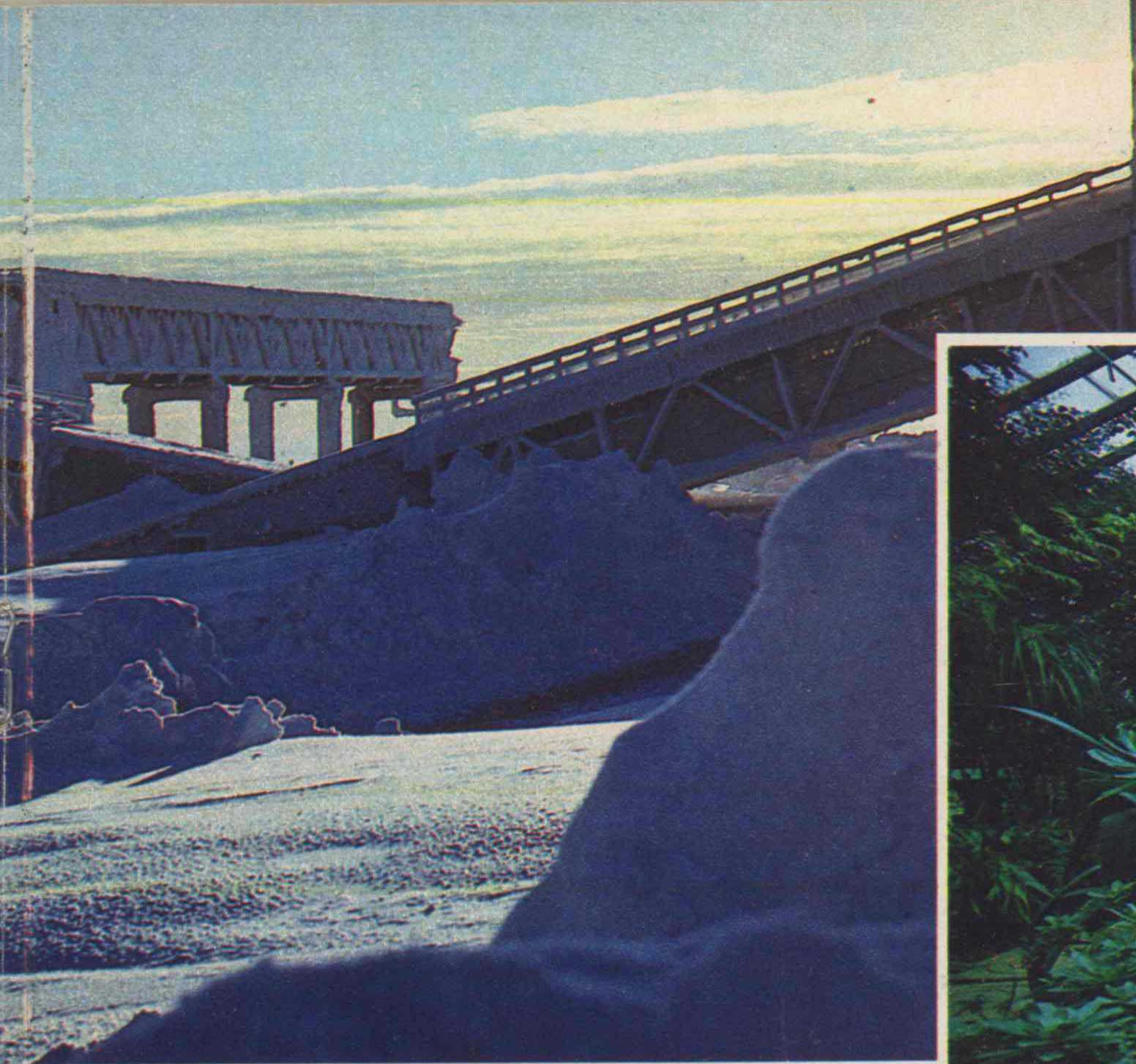
За мгновение
до взрыва
зажегся
сигнал.

Вечерняя радуга
Хибин.

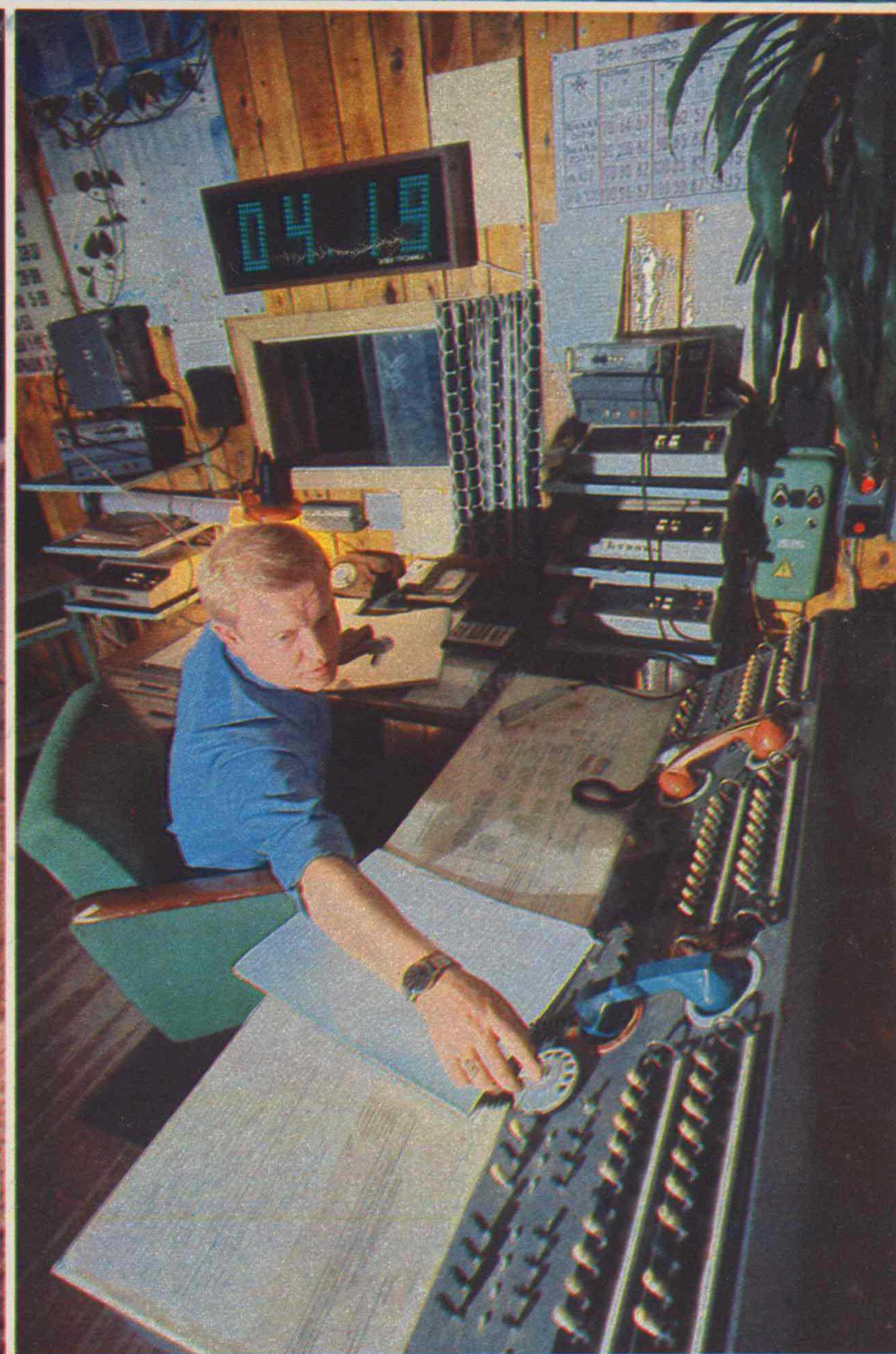
Фото автора

БРИГАДИР НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ.
ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕЙЗАЖ «МАЛОЙ АНТАРКТИДЫ».
НОЧНАЯ РУДА ПЛАТО РАСВУМЧОРР.
ТРОПИКИ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ.
ЗА ПУЛЬТОМ ДИСПЕТЧЕР ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ.

Ю. АРРАК. Трагедия Вьетнама. 1972.

Н. ЕРЫШЕВ.
Карнавал.

МОСКОВСКИЙ
МАНЕЖ
ПОЧТИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ
САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ
В СТРАНЕ ЗАЛ ВЫСТАВОК.
НО НИКОГДА НЕ ПРЕДЛАГАЛ
ОН СВОИМ ПОСЕТИТЕЛЯМ
СТОЛЬКО ВСТРЕЧ
С ПОЭТАМИ
И РЕЖИССЕРАМИ,
КОМПОЗИТОРАМИ
И ПЕВЦАМИ,
МОЛОДЕЖНЫМИ ГРУППАМИ
И ТЕАТРАЛЬНЫМИ
КОЛЛЕКТИВАМИ...

М

Московский Манеж вот уже тридцать лет самый известный в стране зал выставок. Но никогда не предлагал он своим посетителям столько встреч с поэтами и режиссерами, композиторами и певцами, молодежными группами и театральными коллективами. На этот раз в содружестве с художниками, архитекторами и дизайнерами все они стали участниками выставки «Мастера культуры за мир».

Выставка работала в дни, когда мы напряженно ожидали вестей из Рейкьявика. Встреча М. С. Горбачева с президентом Соединенных Штатов и то, что за нею последовало, буквально врывалось в пространство Манежа, транслировалось мониторами, стоявшими в зале. И словно вписывалось в контекст истории XX века, чьи события, драматические и светлые, представляли зрителю в изображении художников разных стран. Тревога и чувство ответственности за будущее планеты в этих стенах соединялись с гимном жизни, молодости, творчеству, красоте.

Организаторы выставки решили изначально сломать привычную модель поведения зрителя в зале.

Залы Манежа были задуманы как пространство живого общения. Сценарий его был заложен уже в проекте экспозиции, подготовленном эстонским художником Андо Кескюлой; разным видам искусства предстояло вовлечь обычно «тихого» зрителя в некое действие, процесс меняющих друг друга переживаний, состояний и впечатлений.

Внутри огромного зала возник символический «город» с различными зонами. Встречало входящих Пространство Памяти. Андреевский «Ленин» — утверждение миротворческой, жизнотворческой сути нового строя. Плакаты первых пятилеток со знаменитым листом Густава Клуциса «Выполним план великих работ». А позади —

перспектива столбов, словно обрезанных взрывом. Мерный их шаг ведет вглубь, глаз притягивает крупное полотно. Мощная полуфигура женщины в ватнике с почти упавшей на руки седой головой. «Мать» из цикла Г. Коржева «Опаленные огнем войны». Давно известная зрителям, в панораме выставки эта картина впечатляла по-новому. Как эхо ей — другой образ. Скульптурная композиция Фрица Кремера, одного из ярчайших мастеров мировой пластики середины столетия, под названием «О Германия, скорбная мать». Отчаяние и обращение к людям, неутолимая боль... Чуть в стороне триптих братьев А. и П. Смолиных «Фашизм». Написанные в ту пору, когда наши выставки избегали говорить языком искусства XX века, эти картины полтора десятка лет лежали в запаснике. Теперь мы видим в Манеже произведения, обличающие зло истории с высокой мерой страсти, презрения, гнева.

Это искусство менее всего призвано радовать. Но оно необходимо, поскольку будит сострадание боли времени и волю к борьбе. В последней своей книге Алесь Адамович задает вопрос: если сегодня «необходимы сверхусилия, чтобы победить сверхоружие, смертельную угрозу, исходящую от него, то разве не самое время заговорить и о сверхлитературе?». В пластических искусствах XX век уже создал традицию «сверхвыразительности». И далеко не всегда справедливо толковать ее как свидетельство буржуазного распада художественной культуры. Как бы ни ранила нас «Герника» Пикассо, это отнюдь не «формализм», не пустая форма, уводящая прочь от жизни. Тут образ сугубо реально-го зла, и не вина художника, что в нашем столетии гуманизм обретает такую мучительную, трагическую окраску.

Победить обывательское благодушие, всей душой понять глубинную пропасть, к краю которой подошел мир, — это сейчас первое условие нашего самосохранения. «Выживания» жизни. Не случайно, что именно Пикассо принадлежит образ-эмблема всемирного движения сторонников мира. Белая голубка, известная едва ли не каждому, подобно заставке открывала и нашу выставку. Традиция протестующего и предостерегающего

искусства продолжается многими ее участниками, художниками разных школ, поколений. В этом ряду — исключительной лирической силы офорт Леи Грудиг «Прощанье», созданный еще в годы фашизма, и рисунки прогрессивного американского мастера Антона Рефрежье, посвященные трагедии Чили. Здесь картина одного из лидеров в искусстве ГДР последних тридцати лет Вилли Зитте «Нет — ядерной войне» и его графика; цикл эстампов венгра Тибора Зала «Мemento», работы его молодых советских коллег Сергея Геты, Александра Суворова, Сергея Якутовича; живописная композиция «Трагедия Вьетнама» эстонца Юри Аррака и своеобразная серия чешского художника Павла Вавриса «Дети воюющей земли».

Срединная часть пространства Манежа была отдана другим работам — основной темой их стал мирный созидательный труд. Острое ощущение ценностей сегодняшней жизни, кипящие проблемы современного человечества мы улавливали уже в небольшом холсте «Юрий Гагарин», исполненном Ренато Гуттузо. Почти документальный «крупный план», необычный для портрета ракурс сильно откинутой назад головы в скафандре — и удивительная романтическая энергия образа. Недавно закончен триптих молодой московской художницы Ольги Гречиной «Арбатский романс». Здесь с каким-то особым волнением передана трепетная поэзия наших дней. Лирическая тревога растворена в воздухе «Майского праздника» В. Попкова. По чистоте ощущения с этим классическим произведением советской живописи семидесятых годов перекликается «Цветущее дерево» — новая скульптурная композиция А. Бурганова.

Сказали свое слово искусства, которые предметно формируют наш быт. Яркие работы в стекле, технике гобелена экспонировали художники-прикладники. Дизайнеры показывали проекты, модели разного рода техники. В ансамбле выставки отчетливо зазвучала «тема» эстетики НТР, романтики ошеломляющего технического прогресса нашей эпохи. Видеотехника будущего, голография, игры с компьютером в «электронном кафе». Пусть даже наивные с точки зрения инженера, это были

вполне наглядные символы безграничности и увлекательности человеческого созидания. Архитекторы в своем специальном разделе поставили цель приобщить зрителя к перспективным гипотезам современного зодчества. В центре Манежа разместились проекты молодых авторов, отмеченные в последние годы на всесоюзных и международных конкурсах. А их идеям как бы предшествовали незабываемые страницы истории советской архитектуры: эскизы градостроительных замыслов двадцатых — тридцатых годов, проекты и фотографии крупнейших сооружений, материалы, рассказывающие о восстановлении разрушенного войной.

В архитектурной экспозиции размещалось что-то вроде уютной площади с летним кафе. Здесь «работали» всего лишь элементы характерной среды: белая ажурная мебель, растения в кадках. Этот «жест» архитекторов посетители Манежа принимали с благодарностью. С «белой площади» начиналось то, что устроители называли «зоной контактов», здесь общались гости и хозяева выставки. Тут же, словно продолжая работу старших, свой «город будущего» строили ребята — воспитанники Московского Дома архитектора. На наших глазах работали студенты архитектурного института и молодые дизайнеры, участники различных творческих студий. Рядом находился «зал в зале», где шли дискуссии, показывали новые фильмы, выступали профессиональные и самодеятельные актеры, музыканты, поэты.

Пожалуй, в Москве этой осенью нигде не было столько разных и содержательных встреч, как на выставке «Мастера культуры за мир». Почти каждый день ее работы «опекала» какая-то из творческих организаций. Со зрителями вели разговор глава Союза кинематографистов Э. Климов, руководители Союза художников Н. Пономарев, Т. Салахов, Союза архитекторов — А. Полянский, Союза композиторов — Т. Хренников. Здесь можно было побеседовать с Р. Быковым, А. Джигарханяном, К. Лавровым, М. Лиепой, И. Макаровой, М. Ульяновым, с главными режиссерами московских театров А. Гончаровым, Б. Голубовским, М. Захаровым. Под сводами Манежа звучала музыка Шостаковича.

Александр МОРОЗОВ
Фото Д. ДЕБАБОВА

“ЧЕЛОВЕК ТВОРЯЩИЙ” — ПРОТИВ ВОЙНЫ

Фото А. Сизухина

Прошли концерты ведущих мастеров нашей эстрады, фольклорных и джазовых ансамблей. Выступали Театр пластической драмы Г. Мацквичюса и «Лицедей». В культурной программе выставки был «День ООН» и вечер «Ветераны вспоминают», подготовленный Союзом журналистов. Серьезный разговор состоялся у публики с энтузиастами эстетического воспитания под председательством замечательного художника-педагога Б. Неменского. Прошла выставка-продажа произведений московских художников в Фонд мира. Был проведен конкурс детского рисунка.

Всего не перечислить. Но нельзя не вспомнить о пресс-конференции участников Исык-Кульского форума, крупнейших деятелей культуры мира во главе с Чингизом Айтматовым. В их Заявлении прозвучало: «Будущее не должно зависеть только от решений, принимаемых политиками, и от конфронтаций между отдельными державами. Огромную роль призваны сыграть человеческий гений, сила воображения талантливых людей, инициативы и открытия людей науки, мечты поэтов, надежды простых людей. И только все это вместе взятое по-

может посеять семена нового мышления — общего и политического». В этом сконцентрировался дух выставки «Мастера культуры за мир».

Выставка в Манеже привлекла очень много людей, гораздо больше, чем обычно, молодежи. Но это первая проба, мы пока только учимся делать такие вернисажи, и опыт этот выявил ряд проблем. Например, синтез искусств «молчащих» и «говорящих» пока удался в Манеже далеко не полностью. Нередко одно мешало другому. Под рокот динамиков, например, живопись смотреть было трудно. Думается, в сочетании «выставки» и «концерта» надо искать пропорции, которые бы лучше раскрывали возможности воздействия этих искусств.

Опыт выставки в Манеже представляется ценным. По сути, это завязь совершенно нового образования. Тут возникло что-то вроде клуба с остроактуальной политической и художественной программой. Так вот вопрос: должно ли это остаться единичным событием? Совершенно ясно, что у нас есть и творческая, и зрительская аудитория, нуждающаяся в таких клубах, базой для которых могут быть не только выставочные залы.

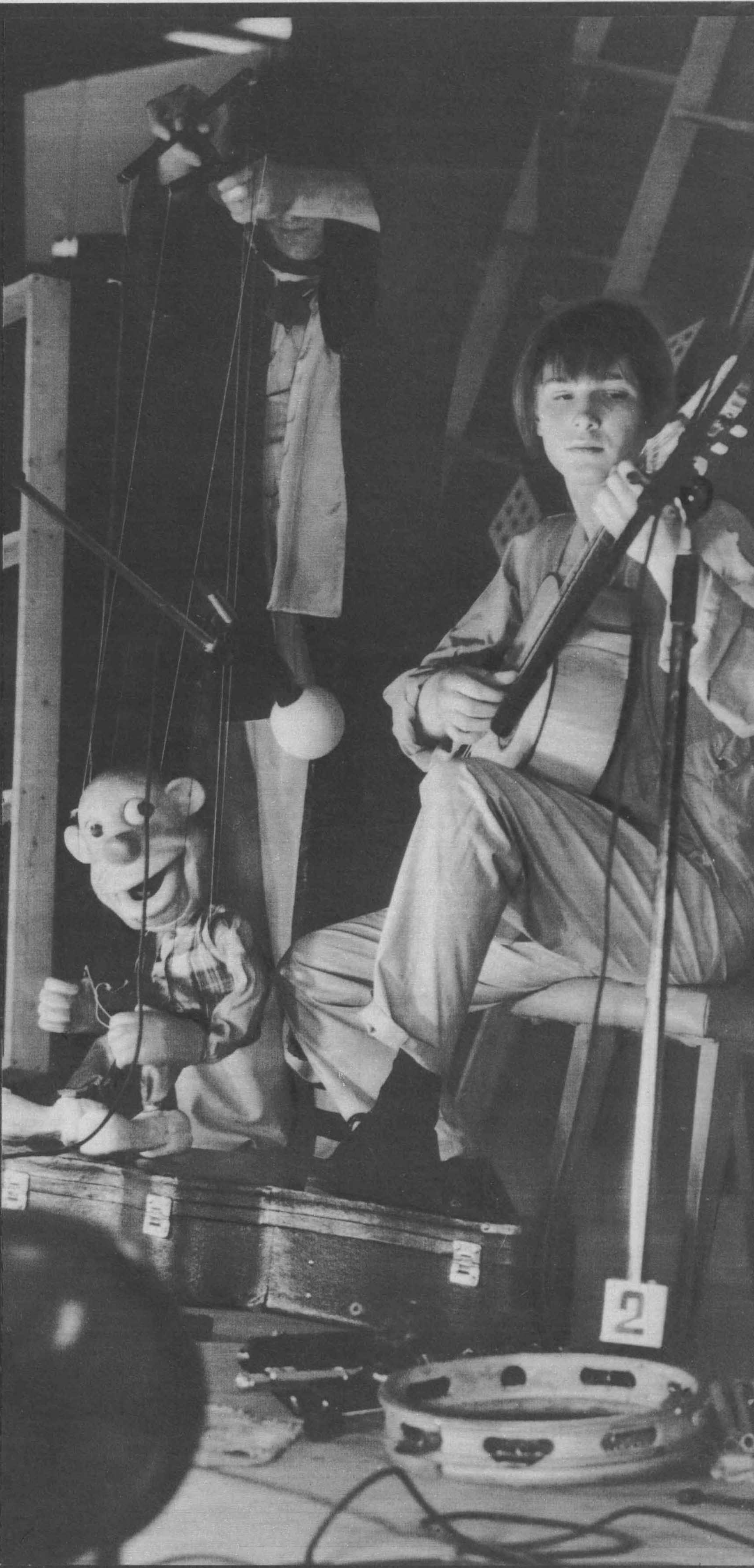
Выступает дуэт из группы «Аляскинские артисты за мир».

А. Н. Бурганов. Цветущее дерево.

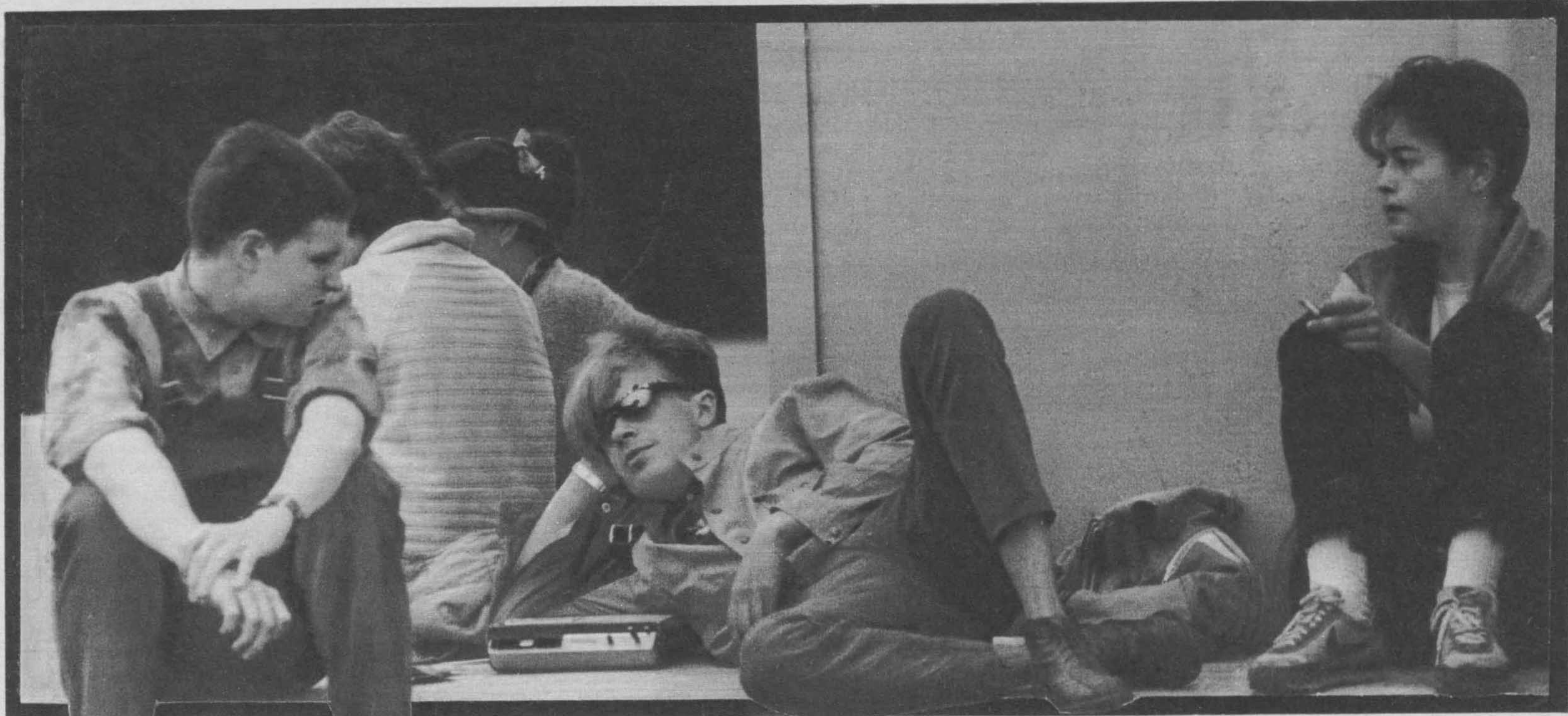
В зале выставки.

Детская изостудия Дома архитектора.

На сцене — «Последний шанс».

БЕСПРИЗОРНЫЕ

Вошел в наш обиход и удобный и вроде бы объясняющий термин «бездуховность». Но что он, в сущности, объясняет, если не отвечает на главный вопрос: откуда эта самая бездуховность, если со всех кафедр, по радио, телевидению, в детсаде и школе все время говорят о духовности, о созидательном смысле жизни, о совести, добре и бескорыстии?

ДУШИ

Давний тот вечер, словно наваждение в страшной и будничной своей яви, не исчезает и не уходит из памяти...

Он начинался так спокойно: жаркий день середины лета, о котором у Смелякова сказано «посредине лета высыхают губы...», жара придавила Подмоскovie, гулко звучали во тьме успокоенные, убаюканные его голоса. Я возвращался из Переделкина в Москву. Много раз исхоженная, привычная дорога вела к станции мимо кладбища, где неразличимо слились в темноте памятники великим и обыкновенным, последнее каменное воплощение ушедших в небытие, а рядом, ртутно блестя, струилась река. На мосту стояла парочка, прощаясь. Собака без поводка ждала хозяина.

За кладбищем, там, где начиналась тропка, идущая параллельно железной дороге, я услышал ругань и как бы почувствовал всплеск темной, опасной энергии, обещающей взрыв.

Голоса были звонкие, молодые. По детству своему я помнил, какая разница между мальчишеской перебранкой, «толковищем», когда враждующие стороны ругаются, выясняя отношения, но все же «толкуют», и той яростной, взвинченной бранью, которая предшествует серьезной драке. Ощущение этой неотвратимой, надвигающейся драки возникло и сейчас. Наступила мгновенная тишина, затем раздался шум, треск, услышалось учащенное дыхание,

гулкий звук ударов, вскрики, и снова ругань, но уже другая — краткая и яростная, как боевой клич. Дралось, видно, много людей, встревать здесь одному было не только опасно, но и бессмысленно.

— Что это? — спросил я пожилого, видно, местного человека, который тоже прислушивался к зловещей возне за кустами.

— Солнцевские с переделкинскими чего-то не поделили, — ответил он. — По субботам всегда так... Да еще эти мотоциклисты.

Я вспомнил мотоциклистов — четырнадцати-пятнадцатилетних подростков, которые с ревом носились по дороге, пугая прохожих, «ловя кайф» в этом грохоте среди тишины дачного поселка. Они пронеслись рядом с идущими к станции прохожими, почти задевая их, обдавая жаром перегретых машин, из мирных мотоциклов словно бы превратившихся в торпеды.

Ощущение скорости, полета и того, что они вселяют страх, давало им особую остроту наслаждения.

Но это еще как-то можно было попытаться понять. Детство и отрочество не только нежный возраст, это еще и агрессивный возраст. Другое дело, что мера и степень агрессии контролируются разумом, воспитанием, понятием о том, что можно и чего нельзя, создающими определенный психологический барьер.

Здесь же, в этой драке около пустой платформы, кажется, никаких барьеров ни для кого не было. Чутье подсказывало мне: кончится плохо, худо... Но раздались милицейские свистки, заглушенные шумом приближающегося поезда. И тут я увидел, что двое парней, озираясь, вылезли из-под платформы. Две электрички как раз шли навстречу друг другу. Парень в светлой рубашке, коротко подстриженный, высокий — помню, что рубашка, как флаг, билась за его тонкой, юношеской спиной, — помчался вперед, и в станционном фонаре сверкнуло его белое лицо с темным подтеком крови. Схватка, драка еще владели им, он убежал от преследующих. Обостренная реакция его была обращена туда, откуда он только что ушел.

Головной вагон второго поезда снес его, протащил по инерции десяток метров, затормозив, остановился. Он лежал на путях. Люди спрыгивали, всматривались, не решаясь дотронуться до тела, которое еще секунду назад было полно энергии, а теперь, лишенное жизни, отпугивало и вместе с тем требовало какого-то немедленного действия, какой-то срочной помощи, которой все не было и не было. Подошла милиция. Стали вызывать «Скорую». Человек с трясущимися руками наклонился над телом: ему показалось, что это случилось с его сыном, — но взмахнул руками: нет, ошибка, чужой сын... Потом поймали второго парня — бледного, почему-то голого по пояс. Он по слогам, с трудом назвал фамилию, имя своего товарища.

Потом разыскали мать.

Ничего страшнее, чем дикий, тонкий, изумленный, отталкивающий от себя то, что увидела, и навсегда вбирающий внутрь крик, вопль этой женщины, я никогда не слышал.

Он вонзился в ночное небо, упал на темную, в мазуте и в подтеках крови землю, и мне послышалось в этом ужасающем выдохе человеческой души два слова: сынок! — и второе: зачем?!

На суде так и не нашли впрямую виноватых. Виноваты были те, кто затеял драку, но не они же убили. Драка — сама собой, а несчастный случай — сам по себе. Да, напивались почти ежедневно, да, носились на мотоциклах, да, враждовали мальчишки

из двух поселков... Почему враждовали, никто не знал и не пытался разобраться. Видимо, считали, что так и положено в юности: если разные поселки, то и вражда... Сказаны были на суде справедливые слова о том, что необходимо улучшить воспитательную работу, усилить борьбу с пьянством среди несовершеннолетних... Что нужно думать об организации досуга, о кафе, дискотеках и танцплощадках. Хотя почему-то именно те места, которые созданы для того, чтобы быть источником радости, отдыха, наконец, обыкновенного расслабления: клубы, танцплощадки, дискотеки, — часто и становятся стартовыми площадками преступлений. Удивительное, в сущности, явление, к которому мы тоже привыкли: теснота, толпа, назойливый, возбуждающий ритм, движение, подогретое алкоголем, желание поозорничать, кого-то задеть, вначале безобидное, затем разгорающееся агрессией, дракой, поножовщиной. Опасна психология мелкого хулиганства, оборачивающегося покушением на жизнь, на единственную жизнь, мудро дарованную природой.

Страшно, когда вырубает молодые деревца, выжигают кустарник, вытаптывают траву. Страшно, когда уничтожают животных, зверей и птиц, бессмысленно, без толку, браконьерствуют или метают камень в кошку — просто так, ради баловства, когда травят собак...

«Не стреляйте в белых лебедей!» Согласен. Ни в белых, ни в черных, ни в журавлей, ни в сорок. Но все же жестокость одного человека к другому ужаснее и преступнее всего, ибо в ней — зародыш убийства.

Переосмысление жизни, перестройка, которая сейчас движет нами и, во всяком случае, должна двигать, — категория не техническая и не организационная, хотя и то, и другое входит в нее, а прежде всего нравственная.

Перестройка — это новый подход к старым явлениям, это — реальное, конкретное действие во имя того, чтобы изменить то, что уже десятилетиями мешает нам жить и, как застарелая инфекция, гниет в организме общества. И потому жестокость на грани преступления, жестокость, овладевшая подростками в самом судьбоопределяющем, переходном, так называемом нежном возрасте, свидетельствует не столько об инфантильности определенной части нашего общества (сколько писали об этой инфантильности, сколько пугали ею), а точнее, об антиобщественной позиции, активном антиобщественном поведении.

Уже не хулиганство, ставшее привычным, тревожит нас, а проявление беспричинной, губительной злобы, если хотите, терроризм на внутреннем, житейском уровне.

И никакие живительные процессы не произойдут, ничего не сдвинется, если мы не сумеем противопоставить ничего действительного этой нарастающей реакции зла. Карательные меры эффективны не только тогда, когда они суровы, но когда они неотвратимы. Что далеко не всегда взаимосвязано.

Но общественный и социальный опыт уже показал, что одни только карательные меры не останавливают преступность.

Воспитательные же наши меры, начиная от школы и кончая воспитанием в детских комнатах милиции, приблизительны, лишены серьезной методологии. А главное, воспитывают не те, кто мог бы и должен был бы воспитывать... «Воспитывают» случайные люди.

Тревога, прозвучавшая на совещании в ЦК КПСС о преподавании общественных наук, не сегодня родилась.

Общественное, гражданское воспитание начинается не только с вуза, с основ философии и научно-материалистического мировоззрения, а гораздо раньше, может быть, еще до первого класса; именно на заре сознания закладываются принципы взаимоотношений с людьми, созидательное, а не разрушительное понимание жизни, уважение и любовь ко всему живому — к цветку, зверю, человеку.

Но мякина общих слов, а также острая детская наблюдательность, впитывающая пример родителей, учителей, воспитателей, пример, находящийся в контрасте со словами, — все это рождает недоверие.

Недоверие разъедает душу, разрастается, превращается в неверие. А неверие отнюдь не только пассивно и нейтрально...

Младенцу, ребенку, подростку, юноше твердят: «Ты должен», «Ты обязан». И чем больше внушают с малолетства, тем больше к моменту взросления он ощущает как бы аллергию на эти внушения и решает про себя: «Не должен. Не обязан».

Бесконечное восхваление наших достижений, бесконечное завышение того, что в завышении не нуждается, постоянные заклинания о безграничной высоте нашего человека — все это фальшивое, преувеличенное, оторванное от реальных достоинств и проблем нашего общества только создает в складывающемся характере постоянное сопротивление напору оптимистических назидательных слов.

Вдумаемся, сколько слов, примеров воспитательного обихода стали ритуалом, лишенным содержания.

А ритуал легко отмести. Он отлетает, осыпается сам собой, как пожухлые листья.

И как реакция на лицемерие, ханжество, самоубаюющую ложь, на бесконечные уверения, что человек у нас всегда друг другу — товарищ и брат, что твоя милиция тебя бережет, что если ты попал в беду, то всякий протянет тебе руку, — в ответ на это возникает атмосфера цинического и почти откровенного попражнения всех законов морали, атмосфера вседозволенности и злой воли.

В ней гложут воспитательные заклинания.

И возникает иной дух, иной голос, рожденный страхом, обращенный к людям и часто остающийся без ответа.

И вот другой, совсем недавний случай.

Молодая женщина, мать четырех детей, возвращалась с лыжной прогулки с маленькой дочерью, с собакой — как принято говорить, «усталая, но довольная», в солнечный, редкий день нежной московской зимы.

Молодой, лет под тридцать женщина в оранжевом пальто встретилась ей на узкой снежной тропе и, перегорев ее, спросил, странно глядя куда-то мимо: как пройти к станции?

Она обстоятельно и вежливо ответила, стараясь сбросить, подавить тревогу, неожиданно возникшую при виде этого чуждого зимнему белому лесу человека в оранжевом пальто, которого, по-видимому, интересовало что-то другое, а не путь к железной дороге. Больно упорно он стоял, выслушав объяснения, не двигаясь, не давая двигаться им, то поглядывая на женщину, ребенка и собаку, то оглядываясь вокруг и словно к чему-то прислушиваясь.

Собака облаяла его, но по-домашнему, не злобно, и он погладил ее едва ли из переполнявшей его ласки, любви к братьям нашим меньшим, скорее для проверки: не опасен ли пес, не выкинет ли чего, если...

Вот это «если» и висело над ними в течение одной или двух минут, вызывая, нарастая и передавая тревогу и ребенку, и собаке, и мужчине, и женщине...

— Я уже объяснила вам, проходите, нам надо домой. Вы же видите, я с ребенком, — сказала женщина.

— Тихо, тихо, — сказал тот, сосредоточиваясь для решения и поступка. — Чего орешь? — распалил себя и обретая уверенность, проговорил он и выругался.

Она сделала шаг в сторону, и тут он бросился на нее. Она увидела его блеклые и, как ей показалось, пьяные глаза рядом со своим лицом, его рот, показавшийся ей пастью. Он был не очень силен, щупловат, но тренирован (впоследствии выяснилось — милиционер), и потому валил умело, по правилам, расстегивал дубленку, отрывал пуговицы, пытался ворваться холодными пальцами в чужое, не принадлежащее ему женское тепло.

Испуганно залаяла собака, девочка заплакала, побежала и упала в снег, а женщина закричала диким, нечеловеческим голосом. Невдалеке по дороге проходила молодая женщина, минут двадцать назад тоже встретившая этого человека в оранжевом пальто; донесшийся крик словно бы обжег ее, но что она могла сделать в ответ? И она тоже закричала, так же протяжно, громко, отчаянно, чувствуя беду, призывая людей, которых рядом не было.

Иногда не действие, не сила, а крик — живое участие — может спасти человека.

Нападавший понял, что попытка сорвалась. И, толкнув женщину, поднялся, выругался грязно и быстро пошел прочь, почти побежал...

По дороге он встретил старуху и как бы для внутренней компенсации потребовал у нее сумку. Старуха быстро отдала старую, потертую сумку.

— Бери, сынок, все бери, только отпусти!

Всего два с половиной рубля было в сумке, однако он не побрезговал малостью, взял и это, швырнул ей сумку под ноги и сказал разочарованно и с угрозой:

— Ты что, старуха, такая-сякая, так мало денег носишь?

Вскоре его поймали... Когда его брали, он кричал милиционерам:

— Не надо, ребята, я ведь свой!

И действительно, был «своим» — работником милиции, недавно по лимиту прописавшимся в Подмошье.

На очной ставке он кричал молодой женщине:

— Нужна ты мне, у меня жена есть помоложе тебя!

Да, были у него и жена, и дочь, и жена буквально валялась в ногах у женщины, умоляя ее отказать от показаний.

Ему дали срок, на мой взгляд, меньший, чем он заслужил, в колонии строгого режима.

Девочка еще долго ходила, боясь незнакомых встречных людей. Сами последствия преступления, пусть и не осуществленного до конца, таили силу бомбы замедленного действия: они губительно и неотвратимо долго еще открывались, поражая людей...

Мы сейчас много говорим о гласности. Но гласность — это не только ознакомление всех с тем или иным случаем злоупотреблений, нарушений, проступков, преступлений, но и активное конкретное противодействие этим явлениям, факт наказания: гласность — это не только открытый разговор, но и социальный урок.

А какой урок был извлечен из преступления милиционера?

Думаю, никакой. То есть практически никакой. Конечно, изве-

стили личный состав отделения, в котором он служил, доложили по начальству, сказали необходимые слова осуждения и общие фразы о воспитании.

Но меня интересует другое: развится ли этот конкретный случай на принципе отбора в милицию? Более того, существует ли этот продуманный, серьезный принцип отбора, или зачисление в органы МВД идет по формально-анкетной установке — что-то в последнее время часто стали мы слышать о преступлениях, совершенных бывшими милиционерами.

Гласность — это не только осуждение на собрании, но и растущее в людях ощущение: так больше нельзя, — это не только внутренне, но и в поступках выражаемое сопротивление подлости, злу.

Такого — на уровне поступка — сопротивления злу еще очень мало. Иначе возможен ли был в одном подмосковном поселке происшедший случай, когда подросток, уже не раз обращавший внимание мелким хулиганством, проявлением жестокости, прекрасно понявший на своем маленьком опыте, что взрослые умеют больше болтать, чем наказывать, этот самый парень, впрочем, не хочется называть его парнем, язык не поворачивается — назовем его существом, — итак, это существо в течение часа убивало, уничтожало, наносило удары ножом тридцатилетней женщине, вернувшейся из Москвы домой, в поселок.

...Она молила отпустить, оставить ей жизнь; взывала о помощи, кричала... Голос ее был так звонок, так страшен, что, по свидетельству соседей, дрожали стекла на террасе ближнего дома, бешено рвалась с привязи овчарка. Но существо знало: никто не выйдет, овчарку не спустят. Никто не попытается не только помешать, но даже спугнуть его, хотя все слышат.

Существо, несмотря на свой малый возраст, изучило психологию чужого страха, чужого забора, психологию запертой калитки, боязливого невмешательства.

И потому, распалаясь от безнаказанности, от чужого подлого равнодушия и страха за свою шкуру, хотя ничья шкура не пострадала бы, если бы собаку спустили, продолжало творить преступление...

Собака наверняка испугала бы малолетнего садиста, но никто не вышел, никто не спустил собаку. А ведь даже этой небольшой ценой можно было бы спасти жизнь. Но не спасли.

В пристанционном туалете он порвал ее документы, сбросил куртку в пятнах крови, закрыл со своей жертвой счеты. И спокойно ушел, уверенный, что сойдет и на этот раз.

Его арестовали. Но и опять надлежавший социальный урок из жесточайшего преступления не был сделан. Оценку получило само преступление, а не равнодушие на грани преступления, а точнее сказать, ставшее преступлением в тот момент.

Человек не всегда может и способен быть храбрым, не всякий готов рисковать. Но помочь, не рискуя ничем, помочь хотя бы криком, хотя бы одним движением, высвобождающим от пут собаку, должен и обязан каждый.

Психология равнодушия к чужой судьбе, внутреннего рабства въелась в нас, хотя мы так мно-

го говорим и пишем о прекрасных поступках и подвигах. Но по-настоящему мы еще не проанализировали, что лежит в основе позорного страха, шкурничества, подлого безразличия, всего того, что создает почву жестокости и преступлению.

Возможно, это рецидивы психологии собственничества. Собака не для того, чтобы кого-то спасать, а для того, чтобы охранять огород, участок, пугать чужих.

Негодующий голос возвысится не тогда, когда рядом убивают человека, а если сорвут ягоду в твоём саду, вырвут цветок из твоей клумбы. Вот тогда можно. Можно даже стрелять (такой случай недавно был описан в печати: мальчишку застрелили из-за двух арбузов).

Когда юного негодяя на суде спросили: «Зачем ты мучил ее, почему не пустил, не оставил ее живой?» — он ответил: «Она слишком громко кричала. Я не мог этого слышать».

Он не мог. А остальные могли. Притаились в закрытых домах, притихли и слушали спокойно этот долгий, протяжный, становящийся все более безнадежным крик о помощи.

Куда же ушли в те минуты все усвоенные рассуждения о благородстве, о том, что человек человеку... все хрестоматийные примеры героизма, все на уроках слышанное и в фильмах виденное, по радио и телевидению передаваемое, все, чего не перечислишь и что называется одним словом — «воспитание»?

Куда оно делось в тот ночной час? Да и было ли, как тот мальчик из «Клима Самгина»? Не прощуршало ли, как песок, сквозь пальцы в летний день на песчаном берегу? Закрепилось ли в сознании или существовало само по себе, отдельно от него, от жизни, от поступков, как своего рода обязательный ритуал, как изжившая себя условность, сопровождающая жизнь, но не имеющая к ней никакого практического отношения?

И еще одно соображение.

Вам знакомо, наверное, это чувство: пустая электричка, убаюкивающий стук колес, звук вечного движения, теплый летний сквозняк из открытых окон... Счастлирое ощущение одиночества... Ты едешь к близким, которые ждут тебя, и все прекрасно, за окнами не прерии, а подмосковные поредевшие леса — откуда ж эта тревога?

Вот резко, громко переговариваясь, входит стайка молодых людей, они вовсе не замечают тебя, но тебе кажется, что они заняты только тобой, именно ты им нужен.

Может быть, ты просто трус?

Да нет, вроде бы в жизни были испытания серьезнее, чем эта пустая электричка, подумаешь, обыкновенные ребята, подростки, ну чуть выпили, сейчас сойдут, станция, войдут другие пассажиры...

Но почему обычный ночной поезд по мирному Подмосковию стал сейчас испытанием на стойкость? И если ты сам все же решишься ехать ночью, то никогда не отпустишь в пустом вагоне свою жену, сына или дочь?

Где вы, романтические последние электрички из песен моей молодости, полночные троллейбусы и трамваи? Почему потеряли вы свою неповторимую романтическую окраску и стали ожиданием беды, тревоги, несчастья?

Граждане, летайте самолетами! Только где те самолеты, которые летают на пригородные расстояния...

В повести «Жизнь Эрнста Шаталова», основанной на реальном материале, я описал парня, убившего двух людей в один день только из-за того, что они имели несчастье быть в меховых шапках. Шапки — одну ондатровую, другую кроличью — он мог бы и так отнять, без убийства, но так не хотелось, хотелось идти до конца.

Маньяк? Человек немислимой агрессии, неуправляемой жестокости? Петлистые уши?

И самое, может быть, страшное, что нет. Меня он поразил как раз своей обыкновенностью, банальностью поведения, жалким, испуганным видом обычного мелкого хулигана.

— Да, нехорошо получилось, — бубнил он. — Не хотел, не думал... Но я исправлюсь, теперь-то я уж, конечно, все понял и исправлюсь.

Полудетские и одновременно казенно-стертые слова мелкого шкодника, а не темного убийцы. Он рассказывал обо всем подробно и даже охотно. И сам словно чуть-чуть удивлялся случившемуся. И я подумал, он чего-то недоумывает, чего-то не понимает. Какой-то незначительной малости, самого простого: цены жизни и цены смерти... То есть того, что он сделал с двумя людьми. И того, что теперь сделают с ним.

Откуда же поднялась эта вязкая, страшная волна жестокости, ничем не оправданной, безмотивной, как говорят юристы?

Война, освободительная и очистительная, но, как и каждая война, обесценивающая человеческую жизнь и на долгие мирные годы принесшая беспризорность, безотцовщину, ожесточение, легкость, с которой говорилось «убью», «прибью», давно уже прошла. Минули и трудные послевоенные годы с их лишениями.

Жизнь стала более благополучной, спокойной, комфортной, добротно-приличной. А преступность не исчезает, порой принимает формы жестокие и бессмысленные.

В чем дело?

Ответы извечны и общеизвестны: семья, школа, среда. Они в принципе верны и все же мало что объясняют.

Вошел в наш обиход и удобный, и все вроде бы объясняющий термин «бездуховность». Но что он, в сущности, объясняет, если не отвечает на главный вопрос: откуда эта самая бездуховность, если со всех кафедр, трибун, по радио, телевидению, в детсаде и школе все время говорят о духовности, о созидательном смысле жизни, о совести, добре и бескорыстии?

Или не то говорят? Или не тем? Ведь в реальности под этим высоким парением слов чаще котловина, изломанные и ожесточившиеся семьи, где отец и мать ненавидят друг друга, склочно-коммунальный мир уже отдельных квартир, где ссорятся, ругаются бог знает из-за чего, где мат — язык устоявшийся, привычный, никого не оскорбляющий, словно не сквернословие, а детская мелодия из передачи «Спокойной ночи, малыши!». Где пьяные драчливые отцы, а теперь уже и пьяные сквернословящие матери. Где учительница скучным голосом диктует темы для сочинения: «О любви и дружбе», «Как я понимаю счастье», «Кто твой идеал: Анд-

рей Болконский или Олег Кошевой?».

Лицемерие незаметно, как инфекция замедленного действия, въедается в поры, в организм здорового человека, здорового общества.

Въедается и заражает...

И как ответ, как противодействие ему, как его отражение рождается и ширится в обществе жестокость.

Да, именно как ответ лицемерию, как вызов вялым общим словам, псевдоформам юношеских общественных структур возникают общества футбольных фанатов, избивающих насмерть болельщиков другой команды, рождаются компании доморощенных панков и, что особенно поразительно, парадоксально в стране, отдавшей двадцать миллионов жизней в борьбе с фашизмом, парни в черных юнштурмовках, выбрасывающие руку в приветствии, как в фильмах «про войну».

Нет, я не назову их фашистами, я понимаю, они всего лишь недоумки, играющие в отрицательных героев потому, что их перекармили положительными. Это тот же вызов мелкого хулигана, только уже не в бытовой, а в социальной, общественной сфере. Уродливый эпатаж, возникший из духа сопротивления лицемерным воспитательным рацеям.

Лев Толстой писал, что воспитание начинается с колыбельных песен, что оно во всем: в праздниках, в сказках, которые рассказывают ребенку, обрядах.

Воспитание превращается в антивоспитание, если над младенцами колыбельной — глухая привычная ругань. Если на праздниках или на туристском привале — знакомая нам всем бутылка с «беленькой», которую наливают в нечистые граненые стаканы, глухо сводя их под шелест дубов (сейчас уже конспиративно, под угрозой наказания, что только обостряет юношеские чувства) и оставляя после себя на привале не землю, а вытопанное, загрязненное пространство, жестянки, бутылки.

Уже после известного постановления я видел, как, едва затаясь, что называется, с легким камуфляжем отмечали Первое мая в общегити ПТУ, прямо во дворе, на скамейках, учащиеся со взрослыми дядями — наставниками и мастерами. Где же были общественные организации, спросите вы. Куда смотрел комсомол? Ту «маевку» все-таки разогнали, и не без помощи комсомола, но где гарантия, что она не повторится вновь? Ибо разгонять-то комсомол разгонял, но выводы сделал из этого случая частные, формальные.

«Будем решать этот вопрос, непременно выйдем на такого-то...» — услышал я привычный бюрократический жаргон взрослых из уст комсомольского вожака, когда пришел к нему. Притом я знал, что на улице, во дворе, рядом тоже решаются вопросы, только по-другому и усилиями других вожakov. Именно эти болевые точки, реальные болезни надо врачевать, с реальными людьми надо разговаривать, надо их знать, надо дать им другую радость, другое понятие о том, что есть человеческое общение, праздник и будни.

Но все таки склонен думать, что комсомол в нынешних его формах во многих случаях бесконечно далек от подлинных болевых проблем молодежи, занимается порой

тем, чем могли бы заниматься другие организации, подменяя, дублируя их.

Молодые комсомольские работники порой кажутся мне своего рода клерками, аккуратными, подтянутыми, деловыми, в костюмах и галстуках, современными, все время вертящимися в какой-то немислимой карусели отчетов, переотчетов, выступлений, конференций. Конечно, есть и другие, на счастье. Но те задачи, которые стоят сегодня перед обществом, «клерки» не смогут, да и не захотят решать. Нужно привлекать к общественной комсомольской работе самых неравнодушных, больных чужими болями, бескорыстных людей.

Сколько уже говорилось о танцплощадках, где хрипят магнитофоны и динамики, оглашая округу резкими, будоражащими ритмами, о дискотеках с их механической мелодикой, о дурно организованных клубах, о всякого рода безвкусице, оборачивающей нравственным уроном. Ведь потеря вкуса — это потеря этического, то есть и нравственного начала.

Но не будем перелагать вину на других. Виноваты мы сами. Каждый из нас в той или иной степени. А не только комсомол, семья, школа. Ведь мы все — тоже школа, семья, учителя. Конечно, есть особая мера ответственности у людей, профессионально занимающихся воспитанием. Но все мы виноваты в том, что с первых проблесков человеческого сознания не привили ребенку уважения к другому человеку, не научили тому, что жизнь не только его, но и другая необходима, единственная, а значит, неприкасаема и священна.

Не научили тому, что надо собирать, а не разрушать, что телефон-автомат, который из-за озорства бессмысленно сломали мальчишки, служит общению людей, а иногда и спасению. Не научили тому, что даже бутылка, разбитая невзначай и брошенная на траву, может серьезно поранить, тому, что коллектив — только тогда объединение сознательных людей, когда они понимают и уважают интересы других, тому, что надо охранять среду не только своего, но и чужого обитания. Ведь хулиган и даже преступник был когда-то ребенком...

У Корнея Чуковского я прочитал: «Поистине ребенок есть величайший умственный труженик нашей планеты, который, к счастью, даже не подозревает об этом... Мы все к двадцатилетнему возрасту были бы великими химиками, математиками, ботаниками, зоологами, если бы это жгучее любопытство ко всему окружающему не ослабевало в нас по мере накопления первоначальных, необходимейших для нашего существования знаний».

Беспризорность давно уничтожена усилиями лучших людей нового общества. Но возникла новая непризорность, бороться с которой гораздо труднее, — непризорность сердец и умов... Чаще всего именно она и ведет к жестокости.

О ней сегодня надо думать всем миром, искать ей заслон не только карой за уже свершенное, тогда помнить и знать о ней, чувствовать, что она рядом, когда еще не поздно, когда прозвучали лишь первые, еле слышные ее сигналы, когда еще ничего не случилось...

ИЗ КНИГИ ДЕНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Ален БОСКЕ

Ален Боске — один из самых крупных современных поэтов Франции, его стихи неоднократно публиковались у нас в периодике и выходили отдельным изданием. Публикуемые в этом номере стихи взяты из последней книги Боске, вышедшей в свет в 1984 году. В ней немало строк уделено философской лирике и мыслям о месте художника в этом мире. Поэт, прошедший через горнило второй мировой войны и не раз смотревший смерти в глаза, особенно остро чувствует ценность человеческой жизни.

НЕЖНОСТЬ

Сменилась горечь нежностью: такое
Присуще старикам.
И весел я и не ищу покоя,
И тянет вновь к стихам.

Я говорю с цветами и кометой,
Я слушаю, о чем
Поет кларнет, и означает это,
Что оба мы поем.

К картинам обращаюсь с монологом,
Со статуями в спор
Вступить готов... Но, думая о многом,
Не знаю до сих пор,

Юнец ли прежний или давний предок
В душе моей живет.
Быль с небылью слились, и напоследок
Людской круговорот

Выносит персонажи на страницы...
Нет! Возрастом своим
Я не раздавлен: мог бы с ним сравниться
Или поспорить с ним!

Ведь мы похожи. В чем-то даже братья,
Когда ведем игру
Со временем... И к стати и не к стати
Я в руки лист беру

И возвращаюсь вновь в стихотворенье,
Чтоб встретиться скорей
С самим собой, замедлившим течение
Быстротекущих дней.

ИДУЩИЙ МИМО

Влача своих сомнений ад,
Проходит мимо он,
И тают горы, вянет сад,
И меркнет небосклон.

Не в силах желчь свою унять
И не разлучен с ней,
Он в петлю влезть готов: понять
Себя куда трудней!

С насмешкой на него глядит
Забитый в стенку крюк.
А что душа? Она молчит.
Мечта? С чего бы вдруг!

Любовь? Он хочет, чтоб она
Была как лимонад:
Слегка шипуча, не хмельна,
Да и такой не рад

Он был бы... Выглянув в окно,
Он вены вскрыть готов...
День ярок, а ему темно,
Кровь капает с кустов,

Но кровь, конечно, не его...
Чего же он достиг?
Не понял в жизни ничего,
И ничего из книг

Не вычитал. Не принял мир
Его тоски пустой —
И то, что свет ему не мил
И что он сам не свой.

Не боль все это — просто дурь...
Уйди! Растай, как дым!
Поет река, цветет лазурь,
И ты не нужен им.

ВЕРЛЕН

Передо мной Верлен... Пришел хлебнуть вина
И рассказать о том, что страсти
В душе его мертвы: жизнь вкуса лишена,
И за окном всегда ненастье.

Он дышит тяжело, вино плохое пьет,
Его нога — как деревяшка,
И мысли спутаны... Ох, знать бы наперед,
Что будет на душе так тяжело!

Когда-то юностью он был заморожен,
Она его к себе манила,
Теперь же ко всему стал равнодушен он,
И женщины ему не милы.

И даже добрый бог забыл его давно,
Хоть и постится он... Паденье?
Месть? Покаяние? Не все ль ему равно:
Он пьет абсент до одуренья,

Чтоб от себя уйти... Как песнь его бедна!
Такие ль создавал когда-то?
Вся в ранах песнь его, как будто бы она
За жизнь нечистую расплата.

Он строчек несколько недавно набросал
(Как некрасив он, неухожен!)
И, одному юнцу их посвятив, сказал:
«За то, что на Рембо похож он».

МАЙ

Как хороши весны мгновенья!
И дома, и в пути
Никак нельзя вопрос весенний
Молчаньем обойти.

И голос ласточки я слышу,
Спросившую меня,
Не лучше ли взлететь ей выше,
Кружась в сиянье дня?

Душа моя взлетает тоже,
И бьюсь я об заклад,
Что стал стройнее и моложе
(Хотя б на первый взгляд).

А утром нахожу в тетрадке
Плоды ночных трудов,
И радуюсь, и без оглядки
Одобрить их готов.

Мне хочется забыть невзгоды,
Сказать, что покорен
Я этим миром и природой
И что со всех сторон

Не угрожают им... Погожим
Я околдован днем.
Нет! Май не выдумка, и должен
Я говорить о нем.

БЕЗЫМЯННОСТЬ

Я к безымянности без чувства содроганья
Иду, чтоб стать никем.
Ночь бесконечная погружена в молчанье,
И, так же глух и нем,

Я затеряюсь вдруг в песках, в дыханье ветра,
В словах, в траве густой;
Повсюду и нигде, смешаюсь незаметно
С цветочною пылью.

Я превращусь в росу, ручьем журчащим стану,
Раскрытым лепестком,
Шмелем или пчелой, что кружит неустанно
Над свежим цветником.

Навек от времени отторгнут и пространства,
Я сходство обрету
С бездонной синевой, где скрыто постоянство,
Скрыт новый день в цветку.

Уйдя в небытие, я там смогу любезной
Его частицей стать
И больше никого, когда я кану в бездну,
Не буду раздражать.

Зачем меня жалеть? Не мучают кошмары
Того, кто безымян...
Душеприказчиком назначен друг мой старый,
Безбрежный океан.

СЛОВА И ЛЮДИ

У музыки, как учат нас,
Есть свой резон.
А у поэзии подчас
Есть небосклон,

И стаи птиц, и синь морей,
И мрак, и свет:
От непредвиденного ей
Спасенья нет.

От слова к слову образ ввысь
И вширь растет...
Читатель чуткий, отзовись!
Тебя ведь ждет

Любая песня, что должна
Как праздник стать:
Она недаром сложена,
Ее понять

Ребенок может и старик...
А вы могли б?
Все звезды встрепенутся вмиг,
И слышен всхлип

Волны морской: внимать словам
Им всем дано...
А что же вы? Ведь слово к вам
Обращено!

Перевел с французского М. КУДИНОВ.

КАК МЕРА И КРАСОТА СКАЖУТ

Архитектор-реставратор
Александр
Попов.

Сколько их, великолепных памятников русского деревянного зодчества, разрушенных временем, обреченных, и тех, которые еще можно спасти, если сейчас же, не откладывая, взяться, как говорили в старину, «всем миром». Избы, которые ставились на века, амбары, колодцы и другие хозяйственные постройки, церкви, наконец, — все это отмечено высочайшим мастерством, народным талантом безымянных плотников. Уже не в одном только Суздале действуют музеи деревянного зодчества, в них собирают старинные шедевры, реставрируют, возрождают былую красоту. Но сколько еще бесценных памятников нуждается в срочной, безотлагательной реставрации!.. Среди них немало и церквей, в архитектуре которых предки наши с особой силой выражали свое стремление к прекрасному, к совершенству доброго тепла деревянных форм. Не осталось ничего от их прежнего культового значения, а красота, душа, труд, мастерство их строителей дожили до наших дней и должны быть сохранены для наших потомков.

Сергей МАРКОВ

— И

я стал бегать, — говорил Саша, глядя из окна моего номера архангельской гостиницы на Двину, на размытый, посененному уже сиренево-оранжевый холодный закат. — Километров по пять, по семь, а то и по десять. Каждое утро. И вечером.

— Помогло?

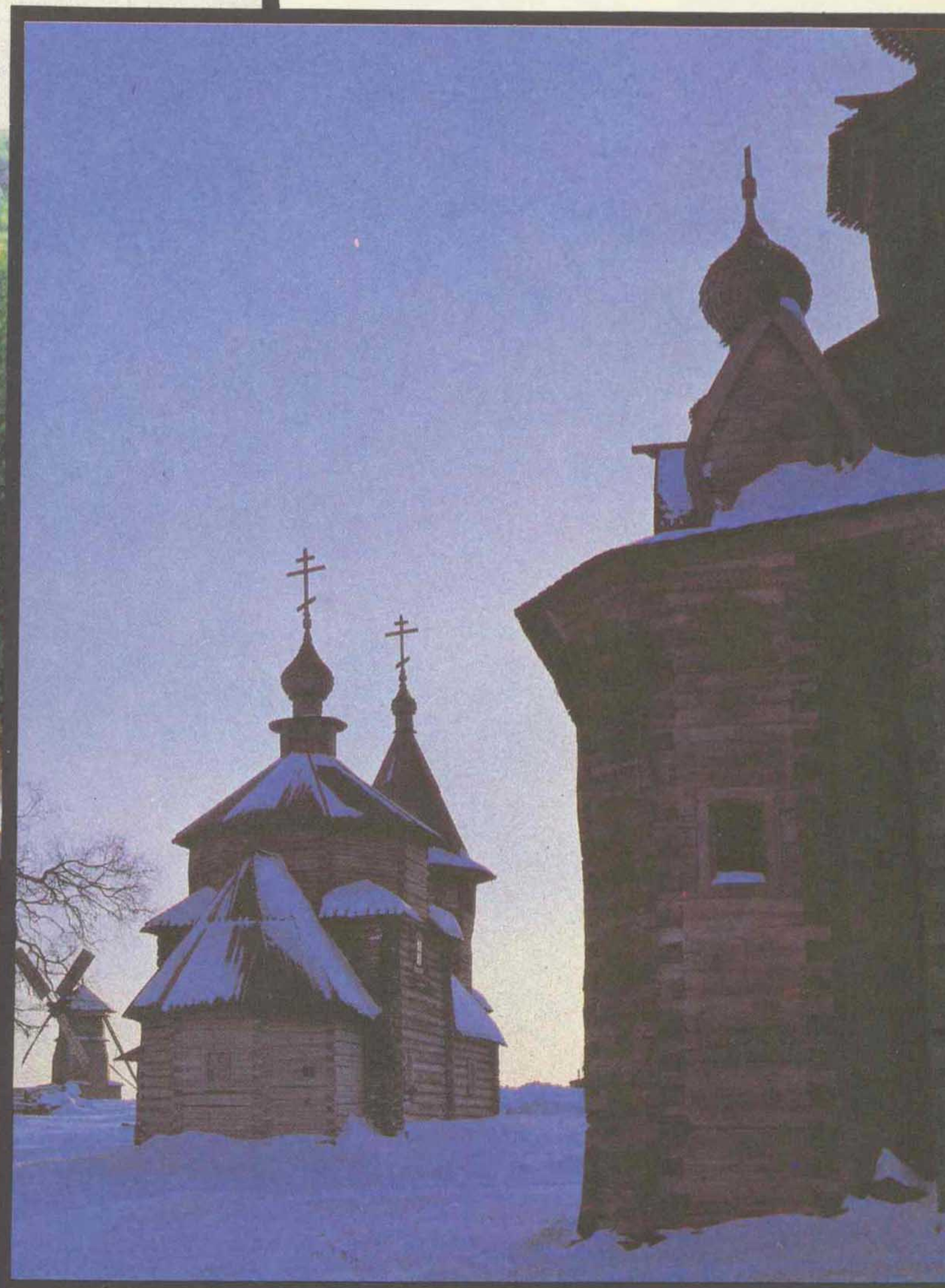
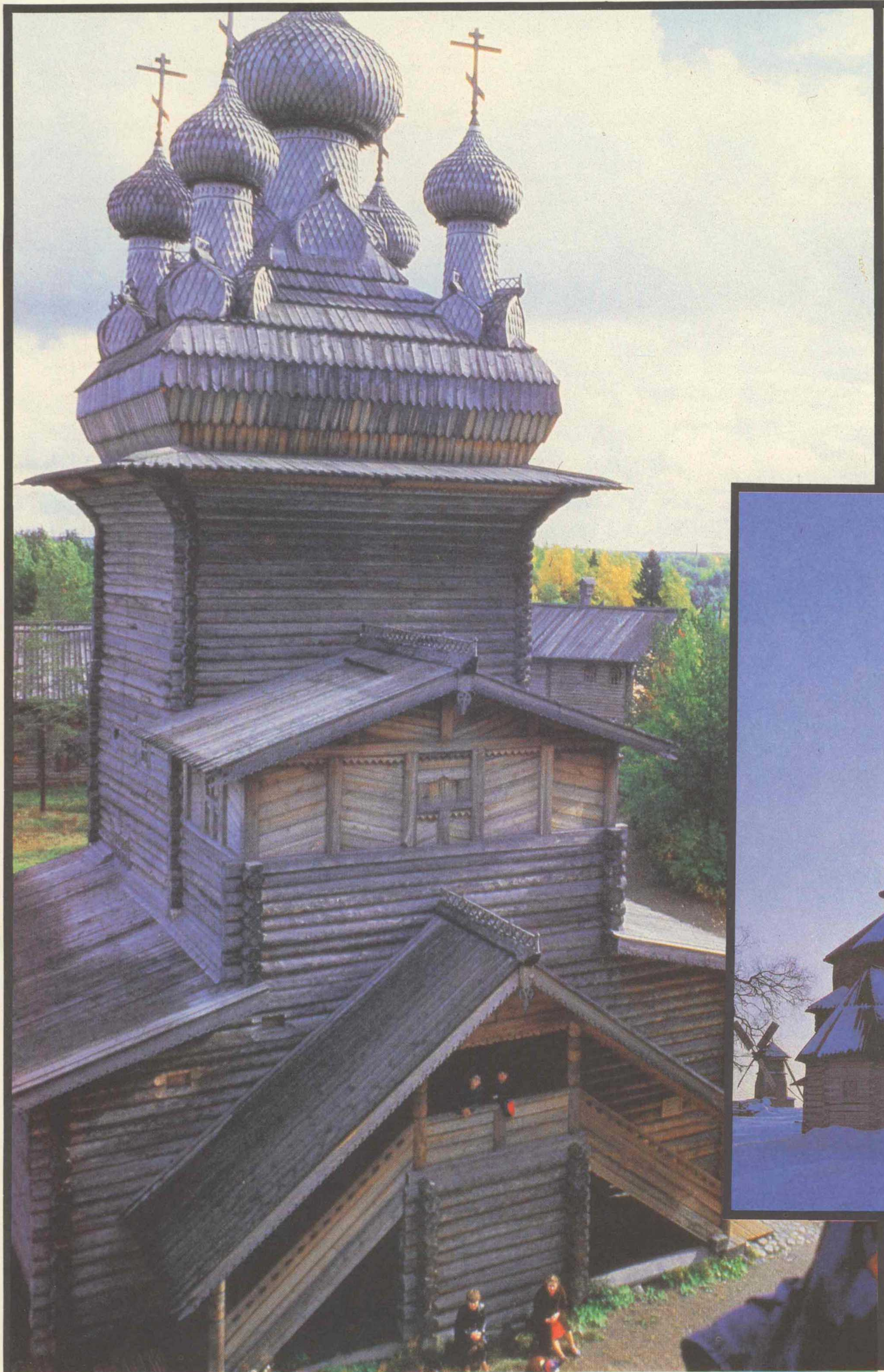
— Знаешь, когда ты уверен, что прав, но все против тебя... Бежишь по утреннему морозцу, ледок под ногами хрустит, и думаешь: нет, мы еще посмотрим, кто кого, так запросто меня не сломать, не согнуть! Я спортом занимался когда-то: легкой атлетикой, гимнастикой, лыжами, штангой, боксом, каратэ... На Севере делать бы мне было нечего без спорта, так что я очень ему благодарен.

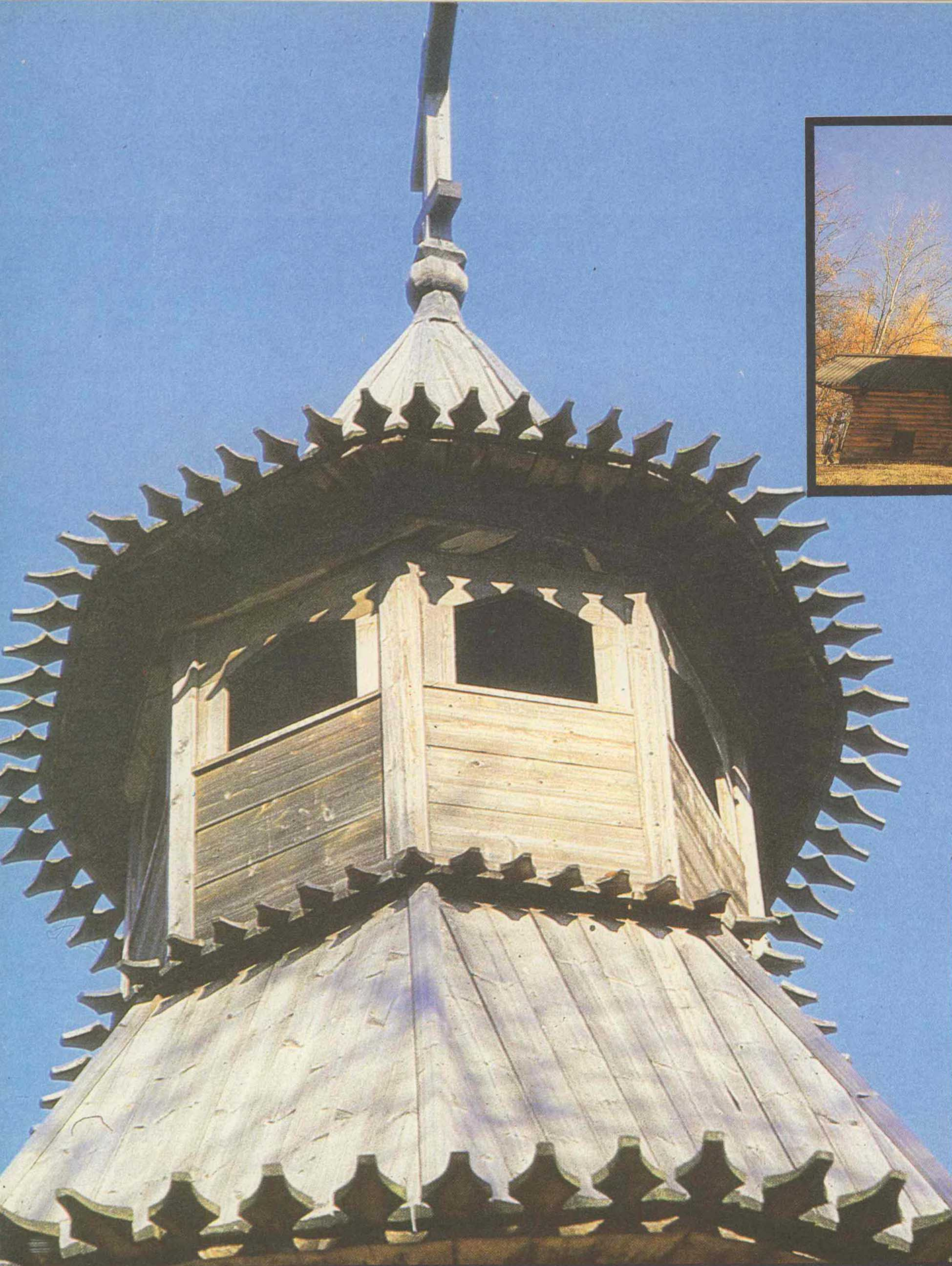
Саша рассказывал, а я глядел на его руки, на его обнаженную борцовскую шею и думал, что нелегко согнуть эту шею и в переносном, и в прямом смысле, и вспоминал Джека Лондона, его мысль о том, что без стальных бицепсов и кулаков в литературе, да

и вообще в мире творчества не проживешь. И еще я вспоминал экскурсовода с Соловецких островов Иннокентия Александровича Коровина, бывшего преподавателя истории и директора московской школы, как мы сидели несколько лет назад в холодной, с обшарпанными стенами келье, где жил Коровин, говорили об уникальных русских памятниках, уже разрушенных временем и человеческими руками...

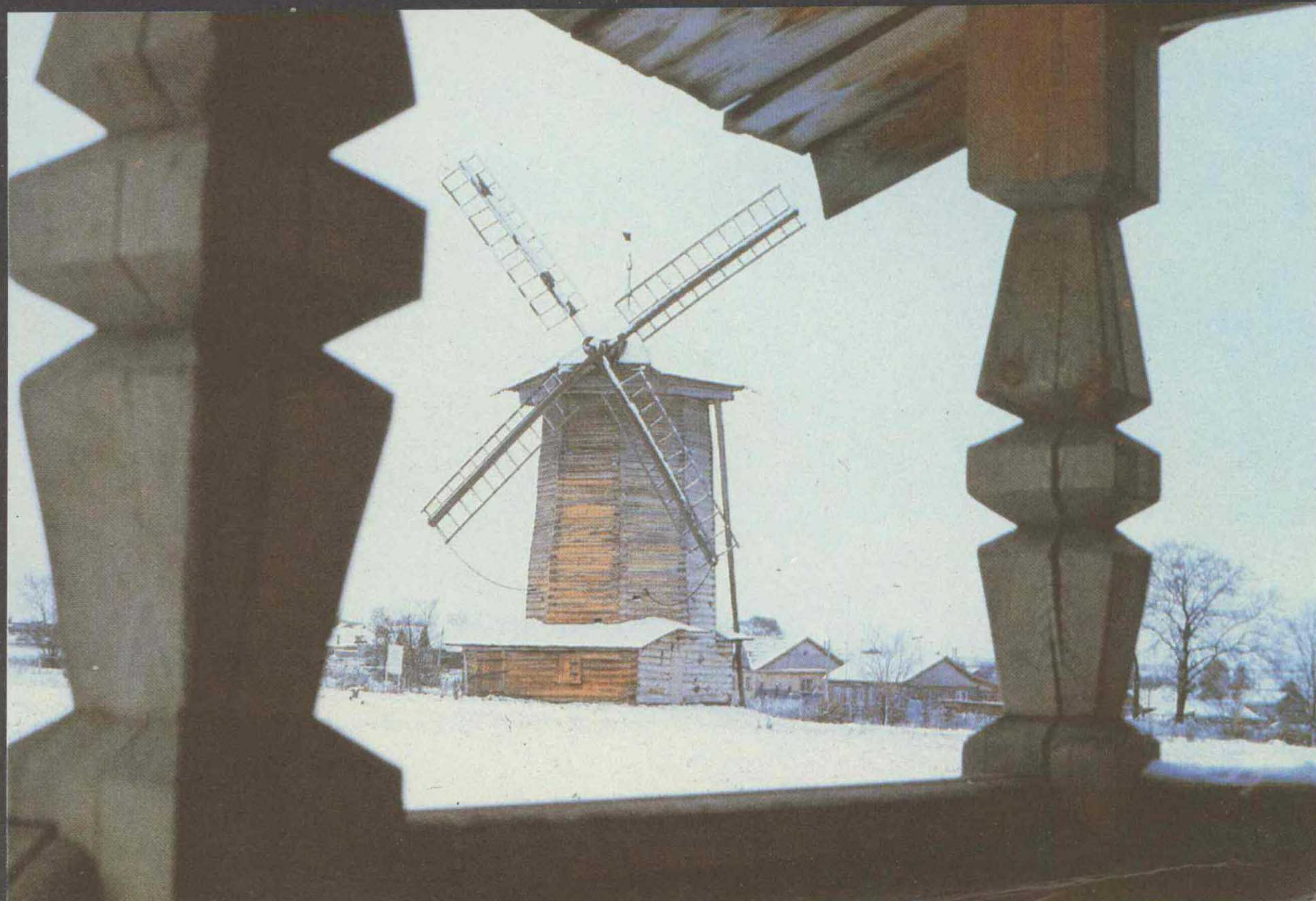
— Вы в Верхнюю Уфтию съездите, если будет возможность. Непременно! Там работает Саша Попов, когда-то он был в моем классе, ездили на летние каникулы в Ленинград, на Север. Дружья мы с ним и теперь. Но дело не в этом. Он коренной москвич, из интеллигентной семьи. После школы окончил факультет прикладной математики Института электронного машиностроения, но понял, что математика не для него. Поступил на вечернее отделение архитектурного. Он и раньше, в школе еще, интересовался искусством, архитектурой, работал в строительных отрядах от Общества охраны памятников, а потом, реставрируя церковь и аббатство в Поленове, освоил практически все строительные специальности, и как освоил: получил шестой, то есть высший разряд плотника, шестой разряд каменщика!.. И, защитив диплом в архитектурном, уехал на Север. Вскоре я узнал о том, что Саша из Москвы выписался, чтобы его приняли на работу в архангельскую реставрационную мастерскую...

Перед поездкой в Архангельск я прочитал в библиотеке опубликованную в центральной газете статью Попова «Беззащитные шедевры», которую он написал вскоре после того, как его направили из Архангельска в село

ИЗ ВЕКА В ВЕК, С УТРА
 И ДО УТРА
 ЗВУЧАЛА БЕЗ КОНЦА
 И БЕЗ НАЧАЛА
 РЕЧИТАТИВОМ ПЕСНЯ ТОПОРА
 НА ВСЕЙ РУСИ ВЕЛИКОЙ
 И КРЕПЧАЛА.

Верхняя Уфтюга «на месячишко» законсервировать памятник деревянного зодчества XVIII века — церковь Дмитрия Солунского. Но когда статья была опубликована и вызвала резонанс не только в архитектурных кругах, с Поповым поступили просто — закрыли его объект, велели срочно прилетать в Архангельск и сидеть в реставрационной конторе от и до, не отлучаясь без уважительной причины ни на секунду в буквальном смысле слова. Делать ему в конторе было нечего, и придумать за полгода никакого дела фактически так и не смогли. Шли дожди и снега, покрывая раскатанную, разобранную по бревнам церковь в Верхней Уфтюге. Разбирать ее Александр решил не сразу, хотя сразу понял, что за «месячишко» не управится, потому что не привык халтурить, понял, что консервация не даст ничего, памятник все равно вскоре погибнет. Попробовал заменить несколько сгнивших бревен, потом еще несколько и еще и пришел к выводу, что менять надо гораздо больше, около сорока процентов, а для этого необходимо разбирать, перебирать всё, как делали в старину.

В книге «Русь деревянная» я прочитал, что очень в немногих из произведений деревянного зодчества главная тема северной народной архитектуры прозвучала с такой силой и выразительностью, как в церкви Дмитрия Солунского. Это храм-памятник, храм-башня. Не случайно она посвящена святому воину Дмитрию Солунскому — защитнику родной земли.

Нет, не смогли Попову простить «беззащитных шедевров», где черное он назвал черным, хотя, как говорится, критика была признана справедливой и был намечен целый ряд мероприятий по изменению, исправлению, улучшению... Дважды закрывали объект и чудом удавалось Александру отстоять свое право продолжать работу; не давали ни машин, ни инструментов, ни леса, ни рабочих — живи в Уфтюге, как знаешь; срезали наряды, и бывало, что получали плотники в получку в конце месяца по полтора рубля, уходили, а руководство снова и снова констатировало: не могут люди с Поповым сработаться, бегут от него люди...

Человек тридцать работало у Саши за пять лет, плотники, некоторые из которых не держали в руках топор никогда. Понять архангельскую реставрационную мастерскую можно: где их набраться-то, плотников, да еще которые поехали бы по своей воле в Уфтюгу?

— За все время, пожалуй, впервые сейчас пристойная бригада сложилась. Познакомься: Геннадий Петряшев из Архангельска, Андрей Барабанов, в прошлом году архитектурный в Москве окончил.

Некоторые специалисты, не отрицая, конечно, сделанного Александром Поповым, говорят: да, все это так, но он плотник, пусть и высшего разряда, но плотник, не архитектор, не дело архитектора топором размахивать.

И в «Росреставрации» склоняются больше к такому мнению: сейчас главное — законсервировать как можно большее количество памятников, чтобы не разрушались они больше, чтобы еще хоть какое-то время простояли, лет пять — семь.

— А вы полагаете, изменится что-либо за эти годы? — спросил я. — Явятся откуда ни возьмись мощные умелые отряды реставраторов, набросятся на памятники старины и тут же приведут их все в божеский вид, да? Попов мне говорил, что мечтает создать группу, чтобы и архитекторы в нее входили, и инженеры, и техники, и рабочие и чтобы все с самого начала, от проекта и до сдачи «под ключ», сама группа делала, — так, например, я знаю, в Венгрии, в Норвегии, в Польше... А то ведь действительно памятники на положении того дитя, у которого семь нянек.

— Да, мысли Попова насчет этих групп известны. Но не так все просто, как ему кажется, — настаивали в «Росреставрации». — Топором-то махать одно дело, а вот с научной точки зрения...

Очень мне хотелось крикнуть, особенно после возвращения из Уфтюги, где все я увидел своими глазами, что одна-единственная спасенная часовенка, не говоря уже о таком уникальном памятнике, как церковь Дмитрия Солунского, проект реставрации которой был,

кстати, выполнен Поповым блестяще, и с этим согласились все, важнее любой научной болтовни!..

А сколько открытий сделано в процессе работы! Приехав в Верхнюю Уфтюгу, Александр твердо решил, что будет все делать так, как старые мастера, и точно такими же инструментами. Теска — это первое, с чем он столкнулся; в XVIII веке, когда строили церковь, теска была не такой, как в XIX, и тем более в XX. Стал думать, с топором пробовать и так, и этак.

Не пользовались старые мастера пилой, она «рвет» дерево. И топор пришлось Попову изобретать — когда вместе с кузнецом они перепробовали многие десятки разновидностей топоров и пришли, наконец, к чему-то определенному, выяснилось благодаря археологам, что такими именно, какой они выковали, и работали плотники два-три-четыре века назад и раньше...

Открытый «америки» русского деревянного зодчества столько у Саши, что хватило бы на книгу. Но главное, может быть, даже и не это, а фантастическая одержимость, яростная, святая любовь к плотницкому делу, к дереву, перед которой рушатся стены косности, лени, страха за место и зарплату. У Попова зарплата — сто сорок. Вытесать один лемех, деревянную черепицу для покрытия, что очень непросто, специалисты знают, а остальные пусть поверят, — четырнадцать копеек стоит. Вообще некоторые расценки в реставрации приводят в недоумение. Но я о другом — о любви.

Любовь, наслаждение от труда, от сделанного своими руками...

— Я вот, например, не понимаю, — говорил Саша, когда мы поднимались с ним на самый верх церкви, — как это можно работать восемь часов, если действительно любишь свою работу. И потом что? Отдыхать? Нет, я думаю, что человек должен работать не восемь, а двенадцать-тринадцать часов. Если, конечно, силы позволяют. И дело свое нашел... Вот мы теперь все говорим: перестройка, ускорение... А ведь это так и останется разговором, если в корень не посмотрим, не признаемся себе, что разучились у нас многие люди работать и наслаждение получать от работы. Вот о чем, мне кажется, надо думать — возвращать отнятую у человека бескорыстную любовь к труду.

Саша крепко взял меня за запястье, и я выбрался на кружала главы. Сперва я подумал, что это от усталости кажется, что качает, но это ветер качал верхушку шатра. Одно дело было в Москве читать, что такие грандиозные шатров нет ни в одной церкви, что дух захватывает, когда взлетаешь взглядом, что венцы шатра сокращаются в перспективе и в высоте тонут в зыбкой полутьме, — и совсем другое дело смотреть самому, да еще из луковки.

— Саш, под тесом что, береста?

— Да, все, как в старину. Потом-то уже рубероид стали подкладывать, но он гораздо быстрее гниет и портит дерево. У нас только береста, больше полутора тысяч квадратных метров на шатер пошло. Кстати, насчет материальной заинтересованности и оплаты труда реставраторов. Подняли мы и закрепили на сводах крестовину весом в три четверти тонны и десять метров в длину. Представляешь? А теперь скажи, сколько, по-твоему, мы получили за эту реставрационную работу по наряду? Ну хоть приблизительно. Прикинь: найти, выбрать дерево без сучка и задоринки и без единого порока, привезти, скорить, обтесать... Погоду ждали месяц, чтобы ни малейшего ветра. Короче, сколько, ты думаешь, заплатили нам за всю эту работенку? Держись крепче, а то упадешь. Пятнадцать рублей.

— ?!

— На троих. А ведь за последние пять с половиной лет архангельская научно-реставрационная мастерская истратила миллионы рублей — неизвестно на что... И за это время в области погибло девять памятников.

— А если молния ударит? Или с лесов вы свалитесь? Или... Да мало ли что может случиться с человеком!

— Логично, — отвечает Александр. — Полную гарантию, как известно, человеку может дать только страховая полис. Но Кижж-то гибнут.

Сколько еще церковь Преображения простоят, вы знаете?

— Этого точно теперь никто, может быть, не знает. Но раскатать все по бревнышку, чтобы вообще ничего не было, а потом собирать...

Преображенский собор на Кижж был воздвигнут в честь побед Петра Первого над шведами в Северной войне и простоял уже больше двухсот семидесяти лет. Как только не называли Кижж! И мировой жемчужиной деревянного зодчества, и северным Парфеноном, и русскими Помпеями...

Ахнул мир от изумления в пятидесятых годах, когда с Преображенского храма сняли обшивку, маскировавшую его под камень: да у кого рука поднялась спрятать и больше ста лет таить такую красоту!

Но оказалось, что без обшивки храм стал ветшать, катастрофическими темпами разрушаться. Одели в леса, стали спорить о продолжительности жизни древесины, о грибах и жучках, об атмосферных деструкциях. Стали разрабатывать проекты по реставрации, химической защите, укреплению...

И вот появляется компетентное, как принято говорить, мнение, что храм со дня на день может рухнуть. Министерство культуры РСФСР создает комиссию, в основном почему-то из специалистов в области металлических и железобетонных конструкций. Комиссия приходит к выводу, что церковь уже «не работает как инженерная конструкция» и представляет реальную угрозу для туристов. Следует срочно укрепить сооружение внутренним металлическим каркасом на бетонном основании. Укрепили. Но тут же, на следующий же год, стало ясно, что дерево живет своей жизнью, а бетон с металлом — своей, «биоритмы» их не совпадают. От колебаний температуры и влажности меняется высота конструкций, в теплую, сухую погоду высота металлической опоры больше, в холодную, сырую — наоборот. В общем, никогда Преображенский храм не был так близок к последнему своему часу.

Предлагали подождать, пока собор сам рухнет, и на его месте поставить новый. Предлагали рядом построить такой же, а бревна, детали от старого хранить в музее. Много чего предлагали за четверть века.

— Все это равносильно убийству памятника, — считает Александр Попов, уже закончивший, по существу, реставрацию уникального памятника в Верхней Уфтюге, который, к слову, выше кижского Преображенского собора на шесть метров. — Выход один — срочная разборка, замена сгнивших бревен и сборка. Как в старину. Риск, что меня или еще кого-то, кто за это возьмется, молнией убьет? Но не я один взялся бы за эту работу. Геннадий, Андрей — я ручаюсь за их умение и, главное, в нашем деле, за их волю, хотя еще год назад поручиться не мог бы. Найдутся и другие. Для этого и нужна группа единомышленников, о которой я тебе говорю в сто первый раз. И чтобы архитектор в ней не числился плотником, как у нас сейчас Андрей. И чтобы не заставляли в разных министерствах и ведомствах «искать пятый угол», как салагу на флоте. Со мной все вроде бы согласны — но бьешься, бьешься как рыба об лед...

Стены в комнате, где живут Саша, Андрей и Геннадий, все в фотографиях и репродукциях Кижж, других русских памятников. Множество чертежей. На полках книги, журналы по архитектуре, валдайские колокольчики. За Сашиной кроватью три десятка топоров, которые ковал он с кузнецом. На печи сушатся рукавицы, портянки. Закипает чайник, и надо бы снова заваривать чай, хотя поздно уже, ночь, из окна виден храм на фоне звездного осеннего неба, и на него очень похож космический корабль. Часа через три плотникам уже вставать, осталось закончить кровлю алтаря, крыльцо. Но пока они сидят за столом и негромко, чтобы не разбудить соседей, ладно поют Рубцова, Геннадий аккомпанирует на гитаре:

Я буду скакать по холмам
Неведомый сын задремавшей отчизны,
Как прежде скакали удивительных вольных племен!
Я буду скакать по следам на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

ШАДРОККИ

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

27

Знаменский вышел за калитку следом за выбежавшим на улицу Чижовым, который его с собой в машину не позвал, только рукой махнул как-то неопределенно, словно бы извиняясь, словно бы прощаясь. Мол, сам понимаешь, не до тебя. Знаменский понимал. Машина умчалась, а Знаменский побрел по узкой полоске, прерывистой и утлой, которую можно было назвать тут тенью и которая теснилась к стенам домов, по ней не просто было ступить. Но все пространство за этой полоской было из расплавленного чего-то, казалось лентой жидкого металла, выпущенного из домны. Жгло солнце, и жгла жалость к старику. Открылось, мгновенно стало ясным, что это был хороший человек, что он был умен, добр. И он знал, что смерть близка. Неужели, когда смерть совсем близко подходит, человек ее видит? Не ту, в белом балахоне и с косой, чепуха это, а что-то иное, а что-то такое, что говорит ему: готовься, пора уходить. Не облик, а голос. И человек начинает готовиться. Или пытается сбежать от этого голоса, кидается в панику, напрасную и постыдную. Самохин не паниковал, он заторопился немного, но чтобы домой поспеть, чтобы не в дороге... Жаль старика. Не надо было его тащить в поездку, сманивать на какой-то там чудодейственный чал. Но, может быть, эти два последних в его жизни дня были для него не пустыми, не суетой, в какой он жил, все цепляясь за службу, за кресло, все по нисходящей? Он в музее Двадцати Шести побывал. Он на Каспийское море взглянул. Он летел над древней землей, так широко ее увидев, но и так близко от нее, что морщины углядел и трубы, по которым вернулась на эту землю вода. Он слышал, как пел от счастья Меред, сын этой земли. Он слушал, как шумит, перетирая камни, Сумбар. Он... Жаль старика... Но лучше так, лучше закрыть глаза, еще помнящие заросли миндаля, и не открыть их, чем... Было жаль самого себя. Он шел по лезвию тени, ударяясь плечом о стены домов и дувалов, и, если бы мог, он бы заплакал, как там, на Каспии, когда поплыл, но слез не было, они в нем высохли. Было жаль Светлану, ее всего жалче было. Вон оно как?! Вон как обошлась с ней жизнь?! И все обминает, добивает. Люди беспощадны, забывчивы, подозрительны, их тешит чужая беда, а когда человек, которому не повезло — ну, не повезло! — хочет поднять, хотя бы приподнять голову, люди противятся этому, бьют по твоей голове, им важно, чтобы неудача твоя длилась, им так хочется, им так радостней жить. Вот она, истина! Где он жил? Как он жил? Что знал о жизни? Вот теперь ему покажут, что это за штука — жизнь! Надо было уезжать отсюда. Вот и все с Ашхабадом. Заявление поступило не на него, оно поступило на нее. Ах, Ниночка-блондиночка, кто бы мог подумать...

Знаменский решил, пересек проспект Свободы, как в пламень вступив, кинулся к подкатившему троллейбусу, вскочил в него, вшагнул, как на самую верхнюю ступень парилки мы вшагиваем, страшно немедленно же свариться. Не сварился, многотерпелив человек, оказывается. Но все, все с этим городом, где зной мог бы хоть злобу из людей выпарить, но нет, не выпарил. Так зачем же ему этот город? Сейчас сложит чемоданчики, они и не разложены, напишет письмецо Захару — и назад, в Москву, где какая-никакая, а жена, где мать... Вот, припекло, и вспомнил мать, которой так еще и не успел ответить на ее теле-

грамму. А если б зашел на почту, то и письмо бы там от нее получил. Одно, а то и два, и даже три. Вспомнил... И еще разок вспомнил, когда увидел старую женщину, там, в Кара-Кале, которая сказала ему какие-то очень важные слова. Какие? А, вот эти: «Но рисует-то жизнь...»

— Все правильно, все правильно... — Опять эти слова вырвались, проговорились у него вслух.

— Тогда сходите, если все правильно, — подтолкнул его какой-то сохлый старичок в пенсне из прошлого века, с седенькой бородкой клином из минувшего же столетия.

Как раз троллейбус остановился, раздвинул створки, и Знаменский сошел, пришлось сойти, его подталкивали, им управляли. И даже, обернувшись, помог старичку ступить на землю, протянув ему руку.

— Вам не жарко? — спросил.

— Переносу, — сказал старичок. — Благодарствую. — Он зорко глянул на Знаменского. — Узнал вас. Вы человек телевидения.

Да, дети и старики — самый зоркий народ.

— А вы, простите, чей человек? Как вас занесло в это пекло?

— Смешно сказать, любовь! — Старичок церемонно поклонился и засеменял по солнцепеку, демонстративно пренебрегая тенью.

Побрел дальше и Знаменский. До дома Дим Димыча теперь было близко, но надо было опять пересекать проспект. Что ж, пересек, не утратился зная, чем он хуже старичка.

Вот и школа, возле которой он останавливался, чтобы посмотреть, как прыгают через железную ограду мальчишки. Когда это было? Очень давно, показалось, что очень давно, но начал считать дни, и вышло, что совсем недавно. Мальчишек сейчас тут не было. Лето. Каникулы. Где-то у воды прыгают. Школьный двор был пуст и печален. Все школы мира без детей отвратительно пусты и удручающе печальны. И не потому, что их худо строят. Иные из школ хорошо строят, но без детей они все равно пусты и печальны. А тот барак в Кара-Кале, ведь барак же, где целая дюжина ребятишек смотрела телевизор, — он запомнился прекрасным залом, потому что там были дети.

На столбе у школьных ворот приметил Знаменский какую-то бумажку, только лишь приклеенную к столбу, еще не выжженную. Он подошел поближе, прочел: «Даю уроки любознательным». И все. А дальше адрес и подпись. Адрес указывал на тот дом, куда он шел, подпись была такая: «Д. Д. Коноплин, картограф». Так вот он чем занимается, Д. Д. Коноплин, этот весьма странный тип, как отзывалась о нем Нина, он дает уроки любознательности. Эх, Ниночка-блондиночка!..

Знаменский свернул в переулочек, двигаясь по указанному адресу. Он и еще одну такую бумажку на столбе обнаружил. А вдали виднелся столб с такой же беленькой, невыжженной бумажкой. Его квартирохозяин Д. Д. Коноплин вел его от столба к столбу, будто взяв за руку. Ну что же, он тоже сейчас объявит себя любознательным.

Знаменский вошел во двор, увидел непочатую бутылку, нетронутый натюрморт. Ни Дим Димыча, ни Ашира тут не было. Он вошел в дом, заглянул в одну комнату, в другую. Вот они, нашлись. Они стояли над письменным столом, на котором была разостлана карта, странно похожая на лоскутное одеяло, сшитое из разрисованных маками крошечных лоскутов.

— Здесь дают уроки любознательным?! — громко спросил Знаменский.

— Здесь, здесь, — не отрываясь от карты, рисуя на ней тонкой кисточкой очередной ма-

ковый цветок, отзывался Дим Димыч. — А мы уж заждались.

— Что там у тебя стряслось? — спросил Ашир.

— Муж Светланы Андреевны написал доклад, что я... Словом, мне надо съезжать от вас, дорогой Дим Димыч. И вообще уезжаю, друзья. Не прижился в ваших благословенных краях.

— Пойти, что ли, убить его? — серьезно задумался Ашир. — Зачем земле такой человек?

— Ашир, умер Александр Григорьевич Самохин, — сказал Знаменский. — Сердце...

— Так! — Ашир распрямился. — Так! Не зря жил... Не знаю, как все свои шестьдесят девять лет, но два дня из них не зря жил.

— А ты жестокий человек, Ашир, — сказал Знаменский.

— Война, дорогой. Ты, я слышал, уезжать собрался? Я еще не все сведения собрал. Подождешь.

— Не смогу.

— Война, дорогой. Подождешь. А все-таки жаль старика. Поверь, я честно думал, что чал продлит ему жизнь.

Они вышли во двор, встали у стола, Ашир налил в стаканы.

— До дна! — приказал. — За его два главных дня в жизни!

Они выпили. До дна.

28

Что за день?! Снова примчался Алексей, встал в калитке, завистливо глянул на стол и с удовольствием объявил:

— Ростислав Юрьевич, начальство требует. Срочно!

— От меня водкой разит, — сказал Знаменский. — Еще начнут выговаривать, как мальчишке. Впрочем, есть выход... — Он быстро пошел в дом, так порывисто наклонившись, что Ашир, хотевший было его остановить, безнадежно махнул рукой.

— Пошел писать заявление об уходе, — сказал он. — Нельзя таким пить, слишком решительными делаются. А им что? Наломают дров, а родственнички и дружки выручают. Вседозволенность!..

— Не осуждай его, — сказал Дим Димыч. — Он не ради себя...

Верно, Знаменский сейчас писал заявление об уходе. Не присаживаясь к столу, который вот и послужил ему, Знаменский быстро нацартал на листке бумаги несколько слов. Его золотой «паркер», нагретый в кармане, жирно и охотно выводил слова. Знаменский подписался, сложил листок вчетверо и, прощаясь, глянул в окно на горы. В дневном мареве они были едва различимы.

— Все! — громко произнес Знаменский, показав горам листок, и пошел из дома.

Во дворе он попал в перекрестие взглядов — неодобрительного, сочувствующего, любопытствующего. Он подошел к Алексею, к любопытствующему, вручил ему свой листок.

— Доставь! — И вернулся к столу.

— А на словах ничего не будет? — спросил Алексей.

— Нет, — сказал Знаменский. — И ответа не нужно. Послание исчерпывает вопрос. Поезжай, дружок.

— Ростислав Юрьевич, надейтесь на меня, я вас провожу, — сказал Алексей. — Вы когда? Сегодня? Завтра?

— Поезжай, поезжай, — сказал Ашир. — Куда спешить? Мы свободные люди. Одного уволили, другой уволился, третий на пенсии. Самые свободные люди на свете! Завидуешь, Алек-

Окончание. См. «Огонек» №№ 39—49.

сей? Сочувствую тебе, но помочь не могу. Привет!

— А может, не отвозить эту бумажку? — осторожно помахал листком Алексей. — Скажу, что не нашел вас. А, Ростислав Юрьевич?

— Вези, вези, он не передумает, — сказал Ашир. — Мы народ решительный. Вези!

— Жаль... — Алексей медленно ступил за порог. — Думал, поживете у нас, порезвимся... — Калитка медленно затворилась за ним, и почти сразу же взревел мотор и рванулась машина, деля с водителем его досаду и печаль.

— Счастливый человек! — сказал Ашир. — Кому что, а ему бы только резвиться! Совсем счастливый человек. Я пойду, друзья. Ростислав Юрьевич, сразу вдруг не уезжайте. Если хотите, это приказ. Ростик, дорогой, и не пей больше, прошу тебя. Обещаешь? — Он обнял Знаменского, близко заглянул в глаза, в несчастные его глаза несчастными своими глазами. — Друг, нам сейчас надо трезвыми быть.

— Обещаю...

Ашир ушел. Знаменский и Дим Димыч остались вдвоем.

— Что там он написал в своем омерзительном заявлении? — спросил Дим Димыч.

— Мне его не показали. А на словах... — Знаменский оборвал фразу.

— А на словах рассказали о нахуливавшем в городе процессе, когда судили преподавателей и студенток мединститута?

— Да.

— Суд бывает правый и неправый. Судить следовало соблазнитель, а не соблазненных. Девочки... Что они понимали в жизни? Им казалось, что они вступили в непрерывный праздник, а они вступили в непролазную грязь.

— Не продолжайте, Дмитрий Дмитриевич. Я не судья. Вот уж кто не судья. Но раз заговорили, спрошу все же... Почему она не уйдет от этого человека, который, видимо, ей ненавистен? Как-то не складывается образ...

— Да, она гордая. И давно бы ушла. И уехала бы отсюда. Давным-давно. Сын держит. Мальчик не знает, что этот скверный человек не родной ему отец. Это последняя ниточка, которая все держит. Конечно, вот-вот оборвется, но держит. Светлана страшится, что мальчик с его нервной системой, что ее разрыв с мужем отразится на мальчике. И еще одно обстоятельство. Здесь у нас в городе работает замечательный логопед. К нему сюда свозят детей со всей страны. Светлана верит, что он вылечит Диму. И есть сдвиги. Таковы обстоятельства, дорогой Ростислав Юрьевич. Не мы правим жизнью, нами правит жизнь.

— Да, да, но рисует-то жизнь...

— Именно! Бога отвергли, так тогда, скажите, в чьих же руках наша жизнь? Чьи мы данники, чьи избранники? Обстоятельств? Ну, пусть будет так. Бога нет, есть обстоятельства. Я иначе думаю, но я в меньшинстве.

— Помогают вам ваши молитвы?

— Нет... Не знаю... Кто про это знает?.. И дело не в молитвах, а в делах, нами делаемых. Вот вы, один из многих, один из отвергших его, вы сейчас приобщились к делу, ему удобному. Суть в этом!

— Приобщился. Завтра всего неделя, как я здесь, и завтра меня не будет.

— Завтра неделя, говорите? — Дим Димыч построжал, палец к небу возвел. — Бог, как известно, сотворил человека на шестой день! — Он скривил губы, побуждая их к улыбке, мол, шутит он, мол, он тут все шуточки шутил, но улыбка не удалась ему.

За воротами послышался шум остановившейся машины, хлопнула дверца, распахнулась калитка, в прямоугольнике которой встала Светлана Андреевна. Она была в белом докторском халате, а за спиной у нее белела машина «Скорой помощи», и, когда Светлана вошла во двор, красный крест на машине как бы вписался в открывшийся прямоугольник.

— А вот и я, — сказала Светлана. Она легко пошла через дворик, стараясь не попасть тонкими каблучками в щели между камнями и кирпичами, вымостившими землю. Она не поздоровалась со Знаменским, прошла мимо него, поглядывая, но забыв кивнуть. Красивая, ловко подпоясанная, в нарядных, праздничных туфельках, да и причесана она была очень тщательно, как причесываются женщины, идущие в театр или в гости. Не понять было, что сейчас на душе у нее, весела ли, озабочена ли. Разгоряченное было лицо, с вытемнившимися,

решительными глазами. Она вошла в садик Дим Димыча, рукой провела по извившейся старой, шершавой лозе, рукой провела по стволу тоже старой и шершавой сливы, вскинув руку, будто притронулась ладонью к склону горы, погладила его. Вдруг обернулась, порывисто подошла к Знаменскому, ладонью проведя по его плечу. Сказала, взглянув ему в глаза:

— Я все знаю... У нас такой город... Сперва подружка, работающая в вашей конторе, принесла новость, что Зотов...— Она помолчала, поискала слова: — Зотов, ну, это тот человек, который написал о нас с вами... Господи, человек!.. А только что на проспекте нашу машину догнал Алексей, обогнал и крикнул мне, что вы увольняетесь. Он даже бумажкой в воздухе помахал. Вы это из-за меня, Ростислав Юрьевич? Меняете судьбу? Все перечеркиваете?

Знаменский молчал, дивясь лицу этой женщины, разговаривавшей с ним азарту, ее глазам, перекрашивающимся из серых в синеву, в темно-огненные.

— Так мы с вами любовники, Ростислав Юрьевич? — Она совсем близко к нему придвинулась, закидывая голову, чтобы совсем близко всмотреться. — Зачем вы уезжаете?! Он этого и добивался! Добился! Но все, все, теперь все! — Она обернулась к Дим Димычу. — Крестный, вечером я перееду к тебе, принимаешь? Дима пока в интернате, за лето я что-нибудь придумаю. Мне давно обещают комнату. Приютишь меня, крестный?

— Значит, решилась, рвешь последнюю ниточку? — Дим Димыч хотел было обрадоваться, но сник. — А Дима?

— Он догадывается, он даже знает, но молчит, щадит меня. Он такой, он старше своих лет, он умеет уже щадить. Ничего, мы заживем с ним вдвоем. Он вылечится, и мы уедем! — Она вдруг сердито этими темными в пламень глазами поглядела на Знаменского. — А вы зачем уезжаете? Из-за мерзкого доноса? Благородничаєте?! Вот уж чего не следовало делать! Он только будет радоваться, ликовать! И разве мы с вами согрешили хоть в помыслах своих?! Отвечайте, вы хоть раз единый взглянули на меня как на женщину?! Вас сковала беда, вы ослепли от нее! Вы все время в себя смотрите! Вам не до женщин! Оставляйте! Зачем вы это сделали?! Вас натаскали на джентльмена, вот вы и совершили поступок! Натасканный, вы натасканный, вы не настоящий!

— Светланочка, успокойся, прошу тебя! — помолил Дим Димыч. — Ну зачем ты так?!

— Я все время смотрю на вас как на женщину, — растерявшись, оправдываясь, сказал Знаменский. — В первый же миг, как увидел, подумал: какая красавица.

— Правда? — Она усмехнулась.

— Подумал, что у вас очень красивые ноги. Знаете, мы ведь сразу смотрим на ноги.

— Правда? — Она смягчилась, пригласи огоньки в ее все еще темных глазах.

— Что я болтаю?! — в отчаянии схватился за голову Знаменский. Он попытался улыбнуться, к спасительной своей прибегнув улыбке, и она выручила его. Заулыбался во всю ширь, ослепительно, беспечно, легкомысленно, благожелательно, открыто, доверчиво, — выбирайте, что вам подходит.

— Вы славный, — сказала Светлана. — Такой же несчастный, как я, но я злая, а вы славный, не доколотила вас еще жизнь. И не нужно, не нужно! Верно, уезжайте! Ну нас! — Вдруг снова азартно вспыхнули ее глаза, но добрее становясь, возвращаясь в синеву. — Придумала! Надумала! Мы покажем им себя! Ну, прошу вас!.. Вы обещаете, если я попрошу вас, не отказываться?! Не пугайтесь, это не страшное что-то!

— Обещаю. О чем бы ни попросили, если только не попросите остаться.

— Остаться?... Нет, я о пустяке вас попрошу. Сегодня вечером, когда я перееду сюда, пойдете вместе в парк. Погуляем там по аллее. И все.

— И все?

— Да. Но это все же поступок, Ростислав Юрьевич. Летом, в жару, в нашем парке прогуливаются не только мальчишки и девчонки, там весь город сходится подышать. Ходят, разглядывают друг друга. И мы с вами пройдемся. Нате, смотрите! Сделайте это для меня!

— Решено! — Знаменский попятился, шарк-

нул ногой, поклонился, не сгибая стана, а как подобает, кивком глубоким, руки опустил, слегка округлив. — Прошу вас, Светлана Андреевна, оказать мне честь...

Она рассмеялась, кивнула и пошла к машине.

— До вечера! — крикнула уже с улицы.

Хлопнула дверца, заурчал мотор, мимо калитки мелькнул красный крест.

— Вот такая она у нас, — сказал Дим Димыч, и гордясь, и печалась, и тревожась. — Этот парк... Что выдумала?! Там одно хулиганье по вечерам. А вы чужой в городе. Бога ради, хоть не наряжайтесь, как птица какаду!..

Ну что за день?! Снова послышался за воротами шум останавливающейся машины, снова распахнулась калитка, и в ее прямоугольнике встал Захар Чижов.

— Ростик, нам надо поговорить, — сказал он.

— Говори, Захар. Но только не о том, чтобы я остался. Все с этим. Спасибо тебе за помощь, но не вышло, не прижился я тут.

— Проходите, садитесь, — сказал Дим Димыч. — Я не буду вам мешать, исчезаю. — Он поспешно зашагал в дом.

Чижов вошел во двор, осмотрелся печальными глазами.

— Не надо было тебе сюда переезжать, Ростик. Пожил бы у нас, а потом пробили бы тебе квартиру.

— И зажил бы по-натасканному... Нет, Захар, я рад, что поселился здесь, вот с этим убежавшим Дим Димычем познакомился. Я рад, что побывал в Красноводске, в Кара-Кале... И тебе я рад, Захар, что такой ты у нас... Тебя еще судьба друга заботит... Я рад...

— Ну, радоваться нам нечему, Ростик. Да... И так, уезжаешь?

— Уезжаю. Не сию минуту, побуду еще немного, но совсем немного, и назад. Боюсь, мой тесть меня не похвалит, да и Лена не похвалит. Что ж, ну что ж...

— Еще до того, как ты подал заявление об уходе, — сказал Захар, отчего-то не смея поднять глаз на друга, — понимаешь, еще когда ты был нашим сотрудником, начальство решило, что ты будешь сопровождать гроб с телом Самохина в Москву. Что говорить, хуже поручение трудно придумать, но... И потом ты был с ним последние дни... А теперь не знаю как и быть... Ты вправе отказаться...

— Его отправляют самолетом? — спросил Знаменский.

— Да.

— Когда надо лететь?

— Завтра же, к вечеру, как только завершим все формальности. Из Москвы пришла правительственная телеграмма. Посланник все-таки... Надо еще гроб достать. Цинковый, кажется. Никакой лед в такую жару не поможет. Но ты вправе отказаться, Ростик. Уволился — и все! Поделом, не копайтесь в грязных заявлениях!

— Хорошо, я провожу Александра Григорьевича Самохина, Чрезвычайного и Полномочного Посланника, в его последний путь домой, — сказал Знаменский и строго выпрямился. — Это мой долг перед ним. Знаешь, Захар, он был хорошим человеком. Он мне сочувствовал. Мы там с ним серьезно поговорили. Жаль...

— А я думал, суетный старик, отравленный ядом тщеславия, — сказал Захар. — Рад, что ошибся. Тебе виднее, хотя два дня велик ли срок.

— Велик. Два дня — это треть того срока, который понадобился богу, чтобы сотворить мир и даже человека.

— Вижу, тебя тут слегка уже распропагандировали, — улыбнулся Захар. — Я поехал, Ростик. Алексей будет поддерживать с тобой связь. Ну и домик! Даже телефона нет. До завтра, Ростик!

— До завтра!

Снова отворилась и затворилась калитка, провожая Захара, снова зашумел мотор рванувшейся машины, и стало тихо. Ну и день! Но день этот еще не кончился, он длился, он еще подойдет к вечеру, подойдет к ночи, шестой этот день.

А вечером, едва стемнело, а здесь, в предгорьях Копетдага, сразу, вдруг темнело, будто солнце, сорвавшись, падало за горы, приехала Светлана. Она подкатила к дому, но из машины не вышла, посигналила, чтобы кто-нибудь вышел ее встретить. В доме был только Зна-

менский, Дим Димыч куда-то умчался по делам, и Знаменский вышел на сигнал.

Он не знал, кто сигналил, но и знал. Она только могла так просигнализировать. А как? Объяснить бы не смог, но понял, что это она. Все эти часы он ждал ее, слоняясь по дому. Вещи свои он не стал укладывать в дорогу, наоборот, он выложил из чемоданов все наряды, не зная, что же ему надеть для похода в парк. Дим Димыч не советовал наряжаться, и он был прав, но хотелось нарядиться. Для нее. И он повесил на спинку стула свой белый смокинг с короткими рукавами, который ему сшили в Каире, повесил на спинку другого стула крахмальную сорочку с воротом с отогнутыми углами, чопорную рубашку для галстука бабочкой, он и бабочку эту добыл, положил на скромный столик, на котором цвела сейчас загадочная карта, похожая на лоскутное одеяло, затканное красными макаками. Его бабочка, тоже красная и с белыми крапинками, сразу прижилась на маковом поле, будто крылышками взмахнула. Он достал брюки синей невестомости, которые купил в Мадриде, долго выбирал башмаки, выстроив их в ряд на полу. И что ни пара, то улицы, улицы вспоминались, города, даже страны. Но не верилось, что он был там, ходил там. Не верилось. Принял душ, побрился, попробовал почистить, но не читалось. Он ждал. И сам дом ждал. По нему сквознячки погуливали, где-то что-то все время шорохом оживало. Сад ждал. Деревья насторожились, к листьям листья приложив ладонями, чтобы лучше слышать.

И вот она приехала, посигналила. Он выбежал к ней навстречу. Светлана сидела в нарядном, стального цвета «Москвиче» модели «люкс», о чем уведомили сверкающие буквы. Его «мерседес» был такого же серого, в сталь цвета. Вспомнился и забылся, не верилось, что есть у него эта машина. Куда-то уж очень далеко укатила она от него. За этот Копетдаг и дальше, дальше — в какую-то невозвратность, в ненужность, в непонятность.

А этот маленький «Москвич», такой ухоженный, трогательно бахвалящийся своим «люксовым» исполнением, не убавил в его глазах Светлану, он что-то даже прибавил к ней, заносчивый штришок к ее характеру приложил. Ей надо было быть заносчивой. Нате! Смотрите!

Она привезла свои вещи, несколько чемоданов, которые он принимал таскать в дом, еще хорошенько не разглядев ее. Чемоданы были из дорогих. Нате! Смотрите! Совсем счастливая женщина, ведь совсем счастливая женщина: такая машина, такие чемоданы...

И вот она вошла в дом, эта счастливая женщина, переступила порог его комнаты. Да, она была прекрасна. Еще как-то иначе причесалась, чем днем, еще как-то иначе светились ее глаза, теперь уж совсем непонятно. Совсем просто была она одета, но это была та простота, что метит женщину высокого вкуса. Она тотчас углядела его смокинг, бабочку, выстроившиеся в ряд туфли.

— А тут сразу два Знаменских, — сказала она. — Но люб мне этот. — Она притронулась рукой к его плечу, у нее была холодная ладонь. — Сразу поедем или чуть побудем вдвоем? — спросила она.

— Чуть побудем.

— А что будем делать? — Обе ее руки теперь лежали у него на плечах, холода их. Она закинула голову, чтобы заглянуть ему в глаза. — Милый... Светлый мой... Возьми меня... — Сказала и отошла от него, и стала, вскинув, закинув руки, снимать с себя свое совсем прозрачное платье, которое, оказывается, было непрозрачным, скрывало ее, такую ее. Она раздевалась перед ним, не стыдясь, потому что видела, что он спит.

Она шепнула, обернувшись к нему, к ней вдруг чуть-чутьное вернулось ее заикание: — Люб-имый...

Темно было в этой жалкой комнатке, но с вывездившимися окнами, где мужчина и женщина, слив неистовый стук своих сердец, спасали друг друга от отчаяния. Темно было, а потому не было этих жалких стен, а были звезды, и угадывались горы.

Когда они поднялись и стали одеваться, собираясь в парк, она не уговаривала его, чтобы не надевал свои пижонские одежды. Напротив, она сама помогла ему нацепить эту вызывающую бабочку, сняв ее с макового поля.

— Пусть теперь разглядывают нас, — сказала. — Теперь, когда мы сами себе поверили, все нам поверят.

— Почему? — спросил он.

— Что почему?... Свет уже был зажжен, и он увидел, как потемнели ее глаза. — Хочешь понять, почему я?... Хорошо, я тебе отвечаю... Потому... Потому... Потому...

29

Покинув дом Дим Димыча, Ашир побрел по улице, чувствуя, что совсем добит зноем и тем, что был все-таки пьян, а пьяным быть ему нельзя, и он все время себя поверял, одергивал, измучивая этим.

К вечеру сгустились сумерки, и Ашир вдруг заметил на асфальте свою тень. И ужаснулся. Достиг желаемого! Действительно, более жалкого человека, чем обладатель этой тени, придумать было невозможно. Спившийся бродяга только и мог породить такую тень. Даже асфальт его брезговал, не позволял к себе по-настоящему прикинуться, как бы отсняя плечом к арыку. Тень ползла по зыбкой, замусоренной воде, горбилась и дробилась, распавшись среди окурков. Как нарочно, арык в этом месте нес особенно грязную воду, собирал тут городской сор, натекал на асфальт. Да, тень бродяги была тут к месту. Замер Ашир, попытался распрямиться, ужаснувшись за себя. Он-то распрямился, но тень уже ему не покори-лась, ушла под пену из мусора, закружило ее. Решив подождать, когда сползет пена, так и стоял, ждал испуганно, что тень не распрямится. Распрямилась все-таки, когда сошла пена. Но все равно от жалкого человека пролегла по воде тень. И покачивалась она, клонило ее из стороны в сторону. Добился своего! Сам себе ужаснулся, собственной тени. Рад? Ведь как здорово прикинулся! Очень рад, до спазм в горле обрадовался.

— Добился своего! — хрипло произнес и поймал себя на том, что вслух произнес эти слова. А что, такие, как он, с такой вот тенью, часто сами с собой вслух беседуют, так вот жестикулируя, как зажестикулировала тень. — Добился, добился своего. Но... не слишком ли далеко ты отплыл от берега, Ашир? А, Ашир?..

Скрипнули тормоза близко и зло. Ашир поднял глаза. Белая «Волга», сверкая новизной, обдала его жаром радиатора, наехав новеньким колесом на его тень. И брызнула тень замусоренной водой своему хозяину в лицо, забрызгала его рубашу. Ашир ладонью утер лицо, глянул из-под пальцев на водителя. Узнал. И свел пальцы, загородил глаза. Так и стоял, закрыв ладонью глаза, ждал, когда машина отъедет. Но водитель заглушил мотор и тоже чего-то ждал. Смотрел, разглядывал этого в жалкой одежде человека, до лба обрызганного мутной водой.

— Не обижайся, Ашир, случайно вышло.

Ашир отвел руку от глаз, стал водить ладонью по рубаше, стирая с нее грязь.

— Все пьешь, Ашир? — Чуть дрогнули полные, жизнелюбивые губы водителя, тронувшись в сочувственной улыбке, но перехотели так улыбаться, двинулись уголками вниз, опускаясь в пренебрежение, в брезгливость, и остановились, явно осторожничая. Замкнулось лицо этого осанистого человека, плотно сидевшего за рулем, едва видным под могучими, с разведенными пальцами руками.

А Ашир все разглаживал рубашу, не поднимая глаз, в которых закипала ярость. Он боялся, что эта ярость выплеснется, он гасил ее, сжимая веки.

— Ну, пей, пей, раз так вышло. Совет хочу тебе дать...

— Какой?

— Если нужна помощь, если нет денег, к старым друзьям надо идти за поддержкой, а не к новым. Не глупая у русских есть поговорка про то, что старая друг лучше новых двух. Я даже перевел ее на туркменский. Вслушайся... Вдумайся... — Жизнелюбивые губы отвердели, обретая свой язык, голос у говорившего стал иным, обретая свой звук. И как-то сразу заважничал этот человек, палец, поучая, поднял, погрозила пальцем Аширу. И стронул машину, снял с тормоза, и она начала двигаться еще до включенного мотора. А палец все продолжал грозить Аширу. И этот палец, мотавшийся перед глазами, раздвинул ему веки, за которыми затаивалась ярость. Не

смог, не сдержался Ашир, выкрикнул свою ярость. Он ее выкрикнул по-туркменски, из горла добыв звук, будто нож выхватил, будто слил удар со вскриком. Но осанистый тоже выхватил свой нож-вскрик. Они разминулись, обменявшись этими ударами ярости. Укатилась машина. Ашир отдышался, побрел дальше. Шел и все встряхивал головой, осуждая себя, осуждая, осуждая себя: «А, зачем сказал?!» Он эту фразу то по-русски произносил, то по-туркменски, с одного языка перебрасывая на другой, как перебрасывает кузнец с ладони на ладонь еще не остывшую подкову. «Зачем про ключ напомнил?! А, зачем сказал?!»

Люди, шедшие навстречу, шарахались от Ашира.

30

Тщательно замкнув двери, Знаменский и Светлана пустились в путь, и Светлана настояла, чтобы он вел машину. Что там какой-то «мерседес», когда рядом, в «Москвиче», такая женщина! Не было прекраснее машины, чем этот «Москвич», не было счастливее человека, чем он.

Они выехали на проспект Свободы, и путь их был прям и прост. Этот парк он знал, туда привела его Нина Чижова. Парк был на проспекте Свободы и выходил одной из своих сторон к «Домику Неру», где в какой-то там папочке, в каком-то там ящике канцелярского стола лежит заявление-донос, сделавшее его счастливым. Вот как бывает.

Он не сразу повел машину в парк, он чуть-чуть поколесил: проехал мимо скверика с крохотной головой Пушкина, трогательного этого памятника, воздвигнутого на гривенники гимназисток, проехал мимо сквера, где стоял Ленин, не призывающий, а спрашивающий, как вам тут живется-может. Он прощался. Светлана не мешала ему колесить, понимая, догадываясь, зачем это ему нужно. Сбоку поглядывала на него, восхищаясь им, радовалась ему, гордилась, но и мрачнела, тоже прощаясь.

А вот и парк. Вот и аллея старых деревьев, сходящихся в вышине кронами. Да, тут былолюдно. Тут прогуливались. Парами, по трое, по четверо, целыми компаниями. Все молодые чаще лица, но вдруг и старички встречались, смешноватые парочки, допотопные совсем, а если говорить про этот город, то доземлетрясенческие.

— Знаешь, а я им завидую, этим старичкам, — сказала Светлана. Они шли, руки соединив, как многие тут шли, пальцы в пальцы. Но тут так шли молодые, совсем молодые, ничего не таившие. Но и они сейчас ничего не таили. — Вот прожили вместе жизнь... Я их всех знаю. Что ни пара, целый роман. Просто, чтобы легко было, никто из них не прожил.

— Ба, знакомые все лица! — сказал Знаменский.

Навстречу им шли Алексей, Лара и Лана. Широко шли, громко, весело беседуя. Алексей вел своих дам под руки, но они повыше его были, и они не с ним были, ни та, ни другая: он, этот коренастый, всего лишь сопровождал их, охранял, веселил какими-то байками, но они оставались свободными в своем выборе. Вот так они шли, свободные, раскрепощенные, знающие себе цену. И вдруг увидели Светлану и Знаменского. Миг всего им нужен был, этим рослым, победоносным, ярко и модно одетым молодым женщинам, чтобы все понять про Светлану и Знаменского. Кинулись было к ним, но остановились, но потом, потеснившись, прошли мимо, уступая дорогу. Они поняли: у этих все серьезно. Лана все же сказала, но без вызова, не подшучивая, даже печально прозвучали слова:

— Ростислав Юрьевич, а ведь и я тоже Светлана.

Алексей ничего не сказал, развел и свел только руки, разведа и сведя своих дам.

Разминулись. Где-то рядом очень громко и беспомощно усердствовал оркестр, больше уповав не на инструменты, а на дружные вскрики музыкантов, которые глоток не щадили. Где-то рядом были танцы.

Здесь, на аллее, прохаживались, а где-то рядом металась и кружилась, так взбив пыль с воздухом, что фонари над танцевальной площадкой меркли, раскачиваясь.

Светлана шла, прямо, высоко держа голову, глазами, губами откликаясь тем, кто с ней здоровался. С ней здоровались многие. Ее тут

знали все. И чего только они о ней не знали?! Все?! А вот и не все. Она сейчас для них тут была новостью, она была счастлива. И окружающие, глядя на нее, на ее спутника, мимо-летно, невзначай будто глянув, понимали, что у них, у этой пары, все серьезно, что судьбой тут повеивает. Мимолетный взгляд многое видит, особенно когда от него ничего и не утаивают. А они не утаивали. Шли, сплетя пальцы, шли, как самые молодые тут, и только потому, что были они слишком уж нарядными, заморскими какими-то, их возраст угадывался, их вызов был очевиден.

— Потанцуем? — спросила Светлана.

— Потанцуем.

Они свернули с аллеи, идя на крик и грохот, вступая в мир иной.

Да, на затертом до черного блеска асфальтовом пятачке был иной мир — остров неистовых. Что тут творилось! Тут все крутилось, металось, клубилось, тела взмокли от пота и казались одним громадным телом, сверкающим глазами, зубами, откровенно себя показывающим. Парни тут были все одинаково одетые — вшившиеся джинсы, до пупа распахнутые рубашки с закатанными рукавами. Они и вообще казались одинаковыми, уснувшими какими-то. Но тела их металась, но губы прыгали. И женщины тут были одинаково одеты, как бы по-разному они ни нарядились, собираясь на танцы. Их юбочки были взметены, их кофточки, блузки сбились. Они одеты были тут в самих себя. Они металась, топтались, смешивая твист, рок, шейк и что-то еще, во что были горазды.

— Не страшно? — спросила Светлана.

Они начали танцевать, вступив в толпу неистовствующих, как входят в волну.

Ну как они танцевали? Нет, не под эту музыку. У них своя началась музыка. Пожалуй, они танцевали вальс. Медленно ступали, медленно кружились. Никто им не мешал, толпа волна раздвигалась на их пути. И здесь эти двое были новостью. Такие сюда не заглядывали. Многие тут узнали докторшу. Танцующие стали замедлять свои метания, стали вторить вальсирующим, но, не умея так, и совсем останавливались. Смотрели. И музыка стала выравниваться, оркестранты, эти ашхабадские битлы, уняли глотки, будто устали, задумались. Перестали качаться тени от фонарей.

Но все это недолго длилось — просветление это. Какое-то вдруг началось движение в самом темном углу площадки. В середину круга внезапно выскочили несколько расхристанных парней, явно не из танцующих, страшноватых каких-то, с пьяно-сонными расширенными глазами, с красными, как от прорези ножа, губами. Они выскочили, чтобы потеснить Знаменского и Светлану, они и начали их теснить.

— Тирьеккеши! — шепнула Знаменскому Светлана. Она испугалась. — Только не связывайся с ними! Уступи им! Уйдем! — Она потянула его к ограде, в толпу.

Но расхристанные парни, среди которых коноводил маленький, черно заросший и узко-лобый совсем немолодой человек, не отступились, надвигались на них, замыкая в кольцо.

Вдруг из-за спины у Знаменского вынырнул Ашир. Подоспел! Друг! Он шепнул, утягивая, заслоняя Светлану:

— Это они! Выползли! Тебя засветили: в поезде! Уводи Светлану!

Узколобый увидел Ашира и оскалил шакальи зубы, радуясь удаче:

— И этот тут! Поучим!

Круг замкнулся. Танцующие были отмечены. Все дальнейшее произошло мгновенно, но запомнилось, как при замедленной киносъемке, когда все делается таким разъятым на движение. Узколобый слишком близко оказался возле Светланы. Зловоние пахло от его оскалившихся клыков. Знаменский ударил в этот оскалившийся рот. Попал, свалил. Но тут же подскочил еще кто-то, сверкнув в зажатой ладони крошечным кончиком ножа. Страшно вскрикнула Светлана. Кончик ножа мелькнул, невзначай как бы коснувшись Знаменского. Большого он не успел, этот нож, руку с ним железно перехватил Ашир.

А дальше было вот что. Дальше он начал кидать расхристанных. Он показывал тут всем, как это надо делать. Один на дюжину. Он давал урок самбо. Его тело металось и ликовало. А Знаменский стал оседать, ноги перестали держать.

Фото С. Шахиджаняна

Что такое не везет и как с этим бороться? Всем приходится встречаться с невезучими. И все-то у них валится из рук, не получается, срывается: разлад на работе, сложности в семье, ссоры с друзьями, вечные бытовые неурядицы. И бывает, человек привыкает к этому, сам о себе обреченно заявляя: я невезучий.

Вспомните эту фотографию. На них 26-летний Николай Челноков, выпускник циркового училища 1986 года. Он везучий человек. Фотографу, как мне кажется, удалось уловить главное в его характере: эмоциональность, оптимизм, ощущение радости жизни.

Николаю Челнокову везет. Сразу же после экзамена (он проходил на зрителях, присутствовали народные и заслуженные артисты, руководство Союзгосцирка) ему

определили высшую ставку. Директора цирков тут же начали борьбу, чтобы как можно скорее заполучить его номер в программу. Учась, он получал (единственный!) именную стипендию, выпустился с красным дипломом.

У него редкостный по красоте и сложности номер. «Корд де парель», что в переводе означает «опасный, рискованный канат». Высота в пятиэтажный дом. Артист выходит на манеж чуть-чуть грустный. Его не любит очаровательная девушка. Он мечтает ее покорить. А она над ним подшучивает, подтрунивает. Докажи, что любишь, докажи...

И он доказывает. Забирается под самый купол. Забирается элегантно, наворачивая на себя канат, как бы отрезая себе все пути к отступлению. И зал... замирает.

А Николай Челноков, отрывается от каната, делает переднее сальто, вроде бы чудом успевая зацепиться за канат (жизнь спасена!), а затем делает заднее сальто и вновь, опять-таки чудом, успевает схватиться за канат.

Заднее сальто выглядит эффектнее переднего, но переднее делать сложнее. «Понимаете, — объясняет Николай, — нужно не только полностью перевернуться, но, самое главное, нужно выработать чувство автоматизма, чтобы ногами зацепиться за канат, который не виден. А главное, не забывать о лице, чтобы никто не догадался, как это трудно».

В цирке работать больно. Физически. Пока Николай репетировал, все тело было в синяках. Иногда канат до крови обдирал кожу. Уметь не замечать боль, не показывать ощущение боли — этому пришлось тоже учиться.

Финал номера. Изящное падение с высоты пятиэтажного дома. Тело горизонтально манежу, руки держат канат. Молниеносный спуск. Гулкое «а-ах!» зрительниц. А он, чертовски обаятельный, стоит, улыбаясь, как бы спрашивая: «Что, испугались, подумали, не разбился ли? Нет, я живой и невредимый, и мне хорошо». И он скромно (есть такой актерский ход) опускает глаза и слушает шквал аплодисментов.

Прокрутим в обратном порядке киноленту под условным названием «Как добиваются успеха», сделаем несколько стоп-кадров.

1986 год. Июнь. Первые автографы. Счастливые лица Терезы Дуровой, режиссера номера. Крупный план Виктора Фомина, педагога-репетитора. Учителя у «звезд» всегда остаются в тени.

1984 год. Октябрь. На пустом манеже учебного цирка иступленно репетирует Николай Челноков. Он в ссадинах. До номера еще далеко. Можно уходить, отдыхать, а он просит продлить репетиционное время.

1980 год. Сентябрь. Призыв в армию. Проводы. Волнение матери. Шестерых детей ей пришлось воспитывать одной. Дети — погодки. Николай предпоследний.

1978 год. Николай счищает снег у здания Горьковского цирка. По-

сле окончания профессионально-технического училища ему удалось устроиться на работу в цирк дворником. А затем опять везение, его перевели в униформу. Стоп-кадр — он спит на барьере манежа. Так устал, что прилег на секунду и заснул. Дом за сто километров, ездить тяжело.

А теперь остановим киноленту. Попробуем заглянуть на год-два вперед.

Знаю, посмотрит иной зритель работу молодого артиста цирка Николая Челнокова, увидит его на афише и подумает: вот счастливый человек. Красивый, сильный, талантливый, имеет бешеный успех. Отличные гастроли, телевидение, кино.

Верно, счастливый. Ему всегда везло. Но давно известно: счастливый случай приходит только к тем, кто этого достоин и все делает для того, чтобы этот случай пришел. Так Николай и жил, много работал, стремился, искал, и поэтому ему приходили на помощь многие люди. Все закономерно.

— Я хочу, — сказал, давая первое интервью в жизни, Николай Челноков, — сделать счастливой маму. Ей было в жизни тяжело. Теперь я это понимаю, только теперь. Она работала асфальтоукладчицей. Тянула нас шестерых. Хочу выступить в Горьком. И чтобы был успех. Мне подарят цветы. Я подойду к первому ряду и передам цветы маме. Наивно это, да? Но я так хочу. А рядом с мамой будут мои братья и сестры со своими детьми, моими многочисленными племянниками. Мой успех — успех моей семьи. И чтобы был обязательно Саша, младший брат. Он сейчас служит в армии, но это он увлек меня цирком, он помог устроиться на работу в Горьковский цирк, он помогал мне. Он хороший акробат, выступал на многих манежах. Кто знает, может быть, мы создадим номер — братья Александр и Николай Челноковы, звучит, да? Сознаюсь, я человек самолюбивый, хочу быть первым, хотя и больно работать в цирке. Больно, но радостно, понимаете меня?!

Вл. ЛИНОВ

— Не дам! Не дам! Не дам! — кричала Светлана, подхватывая его.

А Ашир кидал и кидал их. Он был страшен и беспощаден. Он был прекрасен. Падавшие вокруг него отползали, кто мог, скуля, вжимаясь в асфальт. Вдруг узколобый, тоже отползший, приподнялся на локте, выдернул что-то из заднего кармана брюк и прицелился в Ашира. В замедленном кино все замерло. Раздался выстрел. Ашир вздрогнул, задумался и стал падать. И снова началось кино, теперь уже незамедленное. Замелькали кадры, заверещали милицмейские свистки, люди, которые в этом парке блюли порядок, вбежали на танцплощадку.

Знаменский высвободился из рук Светланы. Она обрадовалась, отпуская его, оглядывая его, веря, что нож не задел его, страшась разувериться в этом. Боли не было, только кружилась голова и не своими были ноги, когда Знаменский направился к Аширу. Дошел, наклонился, кольнуло в боку, он упал на колени. Ашир был жив, но смерть белесой полосой растекалась по его лицу. Он узнал Знаменского, успел сказать ему:

— Они выползли... Факт... убийственный... Вздрогнули его глаза-дудьца, закрыли их веки. Ашир Атаев умер.

Знаменский еще не понял этого, он хотел приподнять голову друга и обессилел, упал на бок.

Светлана кинулась к нему. Ни слезинки не

было в ее отчаявшихся глазах. Она вспомнила профессию. И она начала сражаться за него. Руки нашли его рану, пальцы ощупали. А губы шептали, запекшиеся, вытончившиеся:

— Не дам! Не дам! Не дам!

Откуда-то выскочил Дим Димыч — и он тут был, — кинулся к Знаменскому и Светлане, упал на колени возле Знаменского, к небу поднял глаза.

Выскочил на площадку Алексей. Подбежал, гримасничая, чтобы не заплакать. Втроем они понесли бегом Знаменского, пробежали по аллее через расступающуюся, замершую толпу к машине. Светлана кинулась за руль, помчались.

А потом был больничный коридор, по которому, сцепив пальцы, ходила Светлана, все время не отводя глаз от двери в палату. Набегали на глаза слезы, она их не смагивала. На скамье сидели, замерев, Дим Димыч, Алексей в испятнанной кровью рубашке, были тут и Лана с Ларой, заплаканные, постаревшие.

Отворилась дверь из палаты, и молодой, очень порывистый хирург вышел в коридор.

— Будет жить! — сказал он, подходя к Светлане, у которой повисли руки. — Кто-то отдал удар. Везучий он у тебя, Светланушка!..

ЭПИЛОГ (О ЗНАМЕНСКОМ)

Осень. Благословенная пора, когда не жарко в этом знойном городе, когда переводят люди

дух и начинают гордиться и восхищаться своим городом, столь обильным плодами, столь щедрым на долгое и ласковое, зиму прихватывающее тепло.

Осень, благословенная осень... И в один из ее благословенных дней у здания школы, где мальчишки прыгали через железную ограду двора, остановился исхудавший, высокий мужчина, по-местному одетый — выцветшие брюки, просторная рубашка, запятанные сандаlette. Это был Знаменский. Он постоял, посмотрел, как прыгают мальчишки, улыбаясь их смелости. Чуть грустно улыбаясь почему-то. Вспомнил себя тут недавнего. Поэтому. Постоял, посмотрел, повспоминал и пошел дальше. Но вскоре остановился. У столба остановился, на котором уцелела, хоть и сильно выцвела, бумажка, сообщающая, что картограф Д. Д. Коноплин «дает уроки любознательным».

Знаменский прочитал это объявление, потом достал из нагрудного кармана свой замечательный золотой «паркер» и приписал на бумажке пониже: «Даю уроки английского и французского. Могу подготовить для поступления в институт иностранных языков и институт международных отношений (МГИМО). Адрес тот же. Р. Ю. Знаменский».

Потом он перешел к другому столбу, где ветер трепал выцветший листок, и то же самое написал и на этом листке. Потом пошел дальше, приближаясь к своему дому.

Ашхабад — Москва, 1984—1985 гг.

Представлять высокого эlegantного, у каждого из нас вызывающего улыбку человека по имени Александр Иванов нет никакого смысла. Все знают его в лицо, ибо давным-давно он выступает в качестве ведущего популярной телевизионной передачи «Вокруг смеха». Кажется, что и личная-то жизнь писателя-сатирика известна нам до мелочей: мы знаем многих его друзей-коллег, знаем тех, кого он пародирует, видим, как он одевается, в каком настроении пребывает у телевизионных камер. А. Иванов суперпопулярен, его останавливают на улице, заводят знакомства, просят автограф. Заглядевшись на него, продавщицы забывают о весах и отпускают ему лишний кусочек мяса, лишь бы он больше не худел. А выглядит он, в отличие от иных своих пародий, совсем не злым.

Если же серьезно, то можно сказать так: личная заслуга Александра Александровича Иванова состоит в том, что он привлек внимание читателей к современной поэзии вообще и к жанру пародии в частности. Литературная пародия, по выражению Даля, «забавная переделка важного сочинения». Пародист — это карикатурист, литературовед и критик одновременно. Он как бы подводит к зеркалу смеха свою жертву.

Первое произведение А. Иванова появилось в печати в 1963 году. Но еще в безоглядном отрочестве, сочиняя вирши, а затем перепечатывая их на машинке, он дарил свои «нетленки» друзьям и знакомым. Однако хватило у человека ума понять, что не в поэзии счастье, когда стихи не имеют самостоятельного значения. И он перестал рифмовать, поступил учиться на факультет рисования и черчения Московского педагогического института, а позже преподавал геометрию и другие науки, не имеющие отношения к разряду изящной словесности. А потом осенило написать в честь друга-искусствоведа эдакий, в духе Северянина, «Ананас в шампанском». Получилось. Напечатали. Началось триумфальное шествие новоявленного стихотворца-«пересмешиника» по страницам наших газет и журналов. Приветили его и в издательствах, да так, что дело до «Избранного» дошло. И вот нелегкая работа «ассенизатора» текущей поэтической продукции довела его до 50 годков. И до редакции журнала «Огонек», куда уважаемый Сан Саныч заглянул впервые совсем недавно.

Мы его не испугались, а лишь скромно спросили: «А пишут ли пародии на вас?» Александр Александрович также скромно ответил: «Нет, боюсь. А зря! Пришлось самому на себя сочинить автоэпиграмму:

Свое спокойствие храня,
Я сам себе не враг.
Нет эпиграммы на меня...
Знать, автор не дурак!»

И мы сразу поняли, что наш гость не лишен чувства юмора. С чем и поздравили его по случаю юбилея.

Феликс Медведев

Александр ИВАНОВ

ПАРОДИИ

ОСКОЛКИ ДИАЛЕКТИКИ

(Юнна Мориц)

Когда материя первична,
Тогда сознание вторично.
Когда поэзия вторична,
Тогда все пишут на «отлично».

Когда поэзия в упадке,
То греют руки стрикулисты.
Когда поэзия в порядке,
То процветают пародисты.

Когда поэзия богата,
Она читаема в народе.
И все поют стихи Булата,
И все поют стихи Володи.

Когда поэзия вторична,
То благосклонна к ней фортуна.
Когда поэзия первична,
То благодушествует Юнна.

ГОРДАЯ ДУША НА ВОЛЕ

(Юрий Кузнецов)

Каждому таланту — свой удел.
Символами Пушкин не владел.
Был он славный малый, но педант:
Не туда направил свой талант.

Это всей поэзии беда —
Вечно шла куда-то не туда.
Все, что ею создано в веках,—
Мертвечина, морок, гниль и прах.

В прошлом что ни гений —
Графоман,

Бред и вздор, подделка и обман.

Сгинуло бы все в конце концов,
Но пришло спасенье — Кузнецов!

Он как воздух был необходим,
Понял это Кожин Вадим.

Я да он — божественный дуэт,
А до остальных нам дела нет.

КОГДА-ТО В МОСКВЕ

(Евгений Рейн)

В квартире коммунальной, теперь
таких уж нет,
Из туалета выйдя, не все гасили

свет.
Там жили продавщица, профессор
и дантист,
Худой, как черт, Данилов,
возможно, и альтист.
И одинокий Котов, философ,

эрудит,
Как выяснилось позже, убийца и
бандит.

И молодая дама, что, кутаясь в
манто,
Работала ночами у станции метро.
Никто и никого там на «вы» не
называл,
Но и вопросов лишних никто не
задавал.

Ко мне по коридору
прокрадывались в ночь
То юная портниха, то генерала
дочь.

И как же проклинал я, голодный
донжуан,
Предательски скрипящий,
продавленный диван!..
Объятая, сплетни, ссоры, дешевое
вино!

Нам встретиться на свете уже не
суждено

НЕТ ЭПИГРАММЫ НА МЕНЯ

Ни в давних тех квартирах
в исчезнувших домах,
Ни даже на Багамских волшебных
островах...
Кто пил из этой чаши, тот знает,
что почем,
А кто не понимает, то я тут ни
при чем...
Прекрасную квартиру я вспомню,
и не раз.
А смена декораций зависит не от
нас.

ЭПИГРАММЫ

Эдварду РАДЗИНСКОМУ

Во времена Нерона и Сенеки
Ведь тоже жили люди-человеки.
И, чтобы быт познать их
исполинский,
Туда командирован был
Радзинский.

Михаилу УЛЬЯНОВУ

Ко всему, говорят, привыкается
В жизни, в творчестве, так или
иначе...
Он уже, говорят, откликается
На «Геоργия Константиныча».

Раймонду ПАУЛСУ

Он с детства с музыкой дружил,
А их так мало — нот...
И если что-то одолжит,
То, видимо, вернет.

Алле ПУГАЧЕВОЙ

Никого не обижаю
И в пророки не гожусь.

Пугачеву обожаю,
«Пугачевщины» — боюсь.

Ирине КОЛПАКОВОЙ

Поймет и вовсе бестолковый,
Счастливый выпал ей билет,
Поскольку Кировский балет
«Под колпаком» у Колпаковой.

Валерию ЛЕОНТЬЕВУ

Туалеты у него —
Рюши, блески, вытачки...
А движенья?! Кто его
Дергает за ниточки?

Зиновию ГЕРДТУ

Давным-давно знакомый профиль,
Гляжу, а страха никакого.
Да, он — князь Тьмы, он —
Мефистофель
По воле Миши Козакова.

Олегу БАСИЛАШВИЛИ

Один момент мне непонятен,
Да как же так в конце концов:
Интеллигентен, мил, приятен,
А все играет подлецов?..

Дружеский шарж В. Мочалова.

В кинозале одного из будапештских домов пионеров шел новый мультфильм о малышке по имени Саффи, снятый на венгерской студии мультипликационных фильмов «Паннония». Забавные рисованные герои фильма плакали и смеялись, побеждали или терпели поражение, а вместе с ними плакал и смеялся, радовался и грустил зал. Юные зрители, назалось, неотрывно следили за ходом событий на экране. Но один из взрослых, пришедших на сеанс, внимательно всматривался в лица ребят и время от времени при свете мини-фонарика делал короткие пометки в крошечном блокноте: взрыв смеха — плюс, продолжительный смех — два плюса, два мальчика отвлечлись от экрана и шушукуются — минус, девочка ищет в своей сумочке шоколадку — два минуса...

— Это и есть тот, кто вам нужен, — говорит мне контролер, указывая своим фонариком на взрослого, — только сейчас все равно не удастся с ним поговорить. Он считает смех...

Что ж, пока идет сеанс, познакомлю вас с этим человеком. Как бы заочно. Ну, а почему он сидит здесь и «считает смех», спросим у него чуть позже, после сеанса...

Известным режиссер мультипликационных фильмов Атилла Даргаи (а речь пойдет именно о нем) стал десять лет назад, когда на экраны вышла его первая большая работа — мультфильм «Лудаши Мати» по мотивам сказки о находчивом деревенском парне и жадном, злом помещике. И до этого Даргаи успешно создавал мультфильмы — для взрослых, рекламные. Любимый герой венгерских народных сказок Лудаши Мати давно привлекал его внимание, поэтому работал он с увлечением, много раз переделывал сценарий. И вот наконец фильм был готов. Первыми зрителями по настойчивой просьбе режиссера стали исключительно дети — воспитанники одного из будапештских детских домов. В день премьеры, сразу после сеанса на Даргаи с восторгом и благодарностью смотрели десятки глаз, и вопросы, казалось, не будет конца...

Но вернемся в зрительный зал, где уже окончился сеанс и юные зрители, шумно обсуждая фильм, гурьбой направляются к выходу. С трудом пробираться к окруженному детворой Атилле Даргаи...

— Венгерская мультипликация началась, можно сказать, недавно. Первые венгерские рисованные фильмы появились в конце 50-х годов, — рассказывает режиссер. — Мы старались учиться у всех, но основными и, на мой взгляд, самыми главными нашими учителями стали коллеги из «Союзмультфильма». В 1962 году мне посчастливилось впервые побывать в Москве. Несколько месяцев работы бок о бок с известными советскими художниками-мульт-

типикаторами дали очень много и в профессиональном, и в человеческом смысле. Дома, на киностудии «Паннония», мы взялись за один десятиминутный мультик и работали более полутора лет. Пессимисты считали, что у венгерской мультипликации нет будущего, а этим несерьезным делом могут заниматься лишь не вполне нормальные люди. Многие уходили, но те, кто оставался, стали настоящими мастерами. Серия короткометражных фильмов-шутки о похождениях Густава — первый этап, за ним пошел фильм по мотивам народных сказок, в том числе «Лудаши Мати». Так мы приблизились к мультифильмам «последнего поколения» — «Вун», «Саффи» и другим. Очень часто задают один и тот же вопрос: в чем секреты успеха мультфильмов нашей съемочной группы? Да, вы знаете, есть кое-что... Как у каждого мультипликатора. Например, когда готов сценарий, встает вопрос о том, как будут выглядеть герои будущего мультфильма. Моих героев выбирают будущие зрители. Все просто — я готовлю эскизы, а потом иду в школу или детский сад, показываю там несколько вариантов. Какой рисунок ребятам больше понравился, тот и принимается за основу. Хотите — верьте, хотите — нет, но дети еще ни разу меня не подвели!

Еще один «секрет». Принято считать, что, как только фильм попадает в прокат, — все. Дело сделано! А по-моему, любой фильм нуждается в небольшой «дотяжке» для того, чтобы избежать ошибок и неточностей в последующем. Поэтому я хожу на просмотры в детские дома, дворцы пионеров, школы. Многие шутят по этому поводу: «Даргаи считает смех!» Если быть совсем точным, я считаю не только смех, но и слезы, и негодование, словом, фиксирую эмоции детей...

С помощью этих двух «секретов» мы сняли многосерийный мультфильм о жизни и приключениях маленького лисенка Вуна из сказки Иштвана Феке-те. Уже несколько лет фильм на экранах, но до сих пор все мы, его создатели, вспоминаем месяцы увлеченной работы.

— У меня, как у каждого человека, есть мечта, — продолжает Атилла Даргаи. — Я хочу снять полнометражный мультфильм-сказку на основе чудесного балета Чайковского «Щелкунчик». Не беда, что мои коллеги из СССР несколько лет назад сняли такую ленту. Мой фильм будет не полностью мультипликационным, мульти-герои появятся лишь тогда, когда главная героиня после веселого праздничного вечера уснет в своей кроватке. И тогда... Но как раз этот секрет я пока раскрывать не буду!

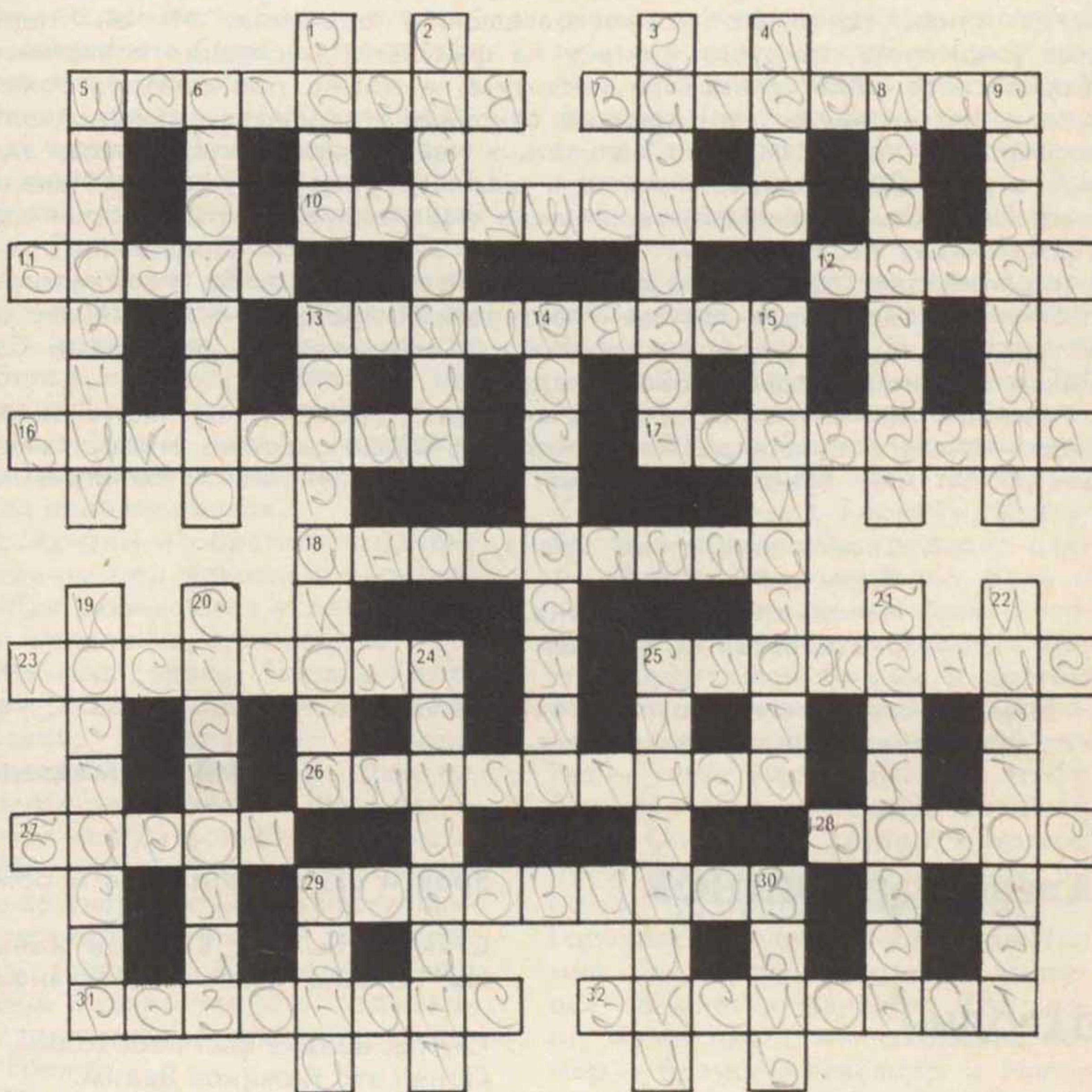
Сергей ИВАНОВ,
корр. ТАСС,
специально для «Огонька»

Будапешт.

кроссворд

По горизонтали: 5. Зубчатое колесо. 7. Прибор для проверки горизонтальности в строительстве. 10. Советский поэт. 11. Фигура высшего пилотажа. 12. Головной убор. 13. Русский естествоиспытатель-дарвинист. 16. Озеро в Восточной Африке. 17. Государство в Северной Европе. 18. Слово, образованное перестановкой букв в другом слове. 23. Областной центр в РСФСР. 25. Арифметическое действие. 26. Размах колебания маятника. 27. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 28. Спутник Марса. 29. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 31. Усиление звуковых колебаний. 32. Предмет, выставленный в музее, на выставке.

По вертикали: 1. Автоматическое устройство в системах управления, контроля, сигнализации. 2. Наука о строении организма. 3. Воинские части, расположенные в определенном районе. 4. Картина А. А. Пластова. 5. Дикая роза. 6. Прием извлечения музыкальных звуков. 8. Герой Куликовской битвы. 9. Улучшение сорта растений, породы животных. 13. Неглазурованные керамические изделия. 14. Русский архитектор XVIII века. 15. Город в Венгрии. 19. Аргентинский писатель. 20. Птица, обитающая в горах. 21. Выдающийся немецкий композитор. 22. Огнестрельное оружие. 24. Лицо, готовящееся к защите диссертации. 25. Повесть В. Ф. Пановой. 29. Приток реки Лены. 30. Ночная болотная птица.

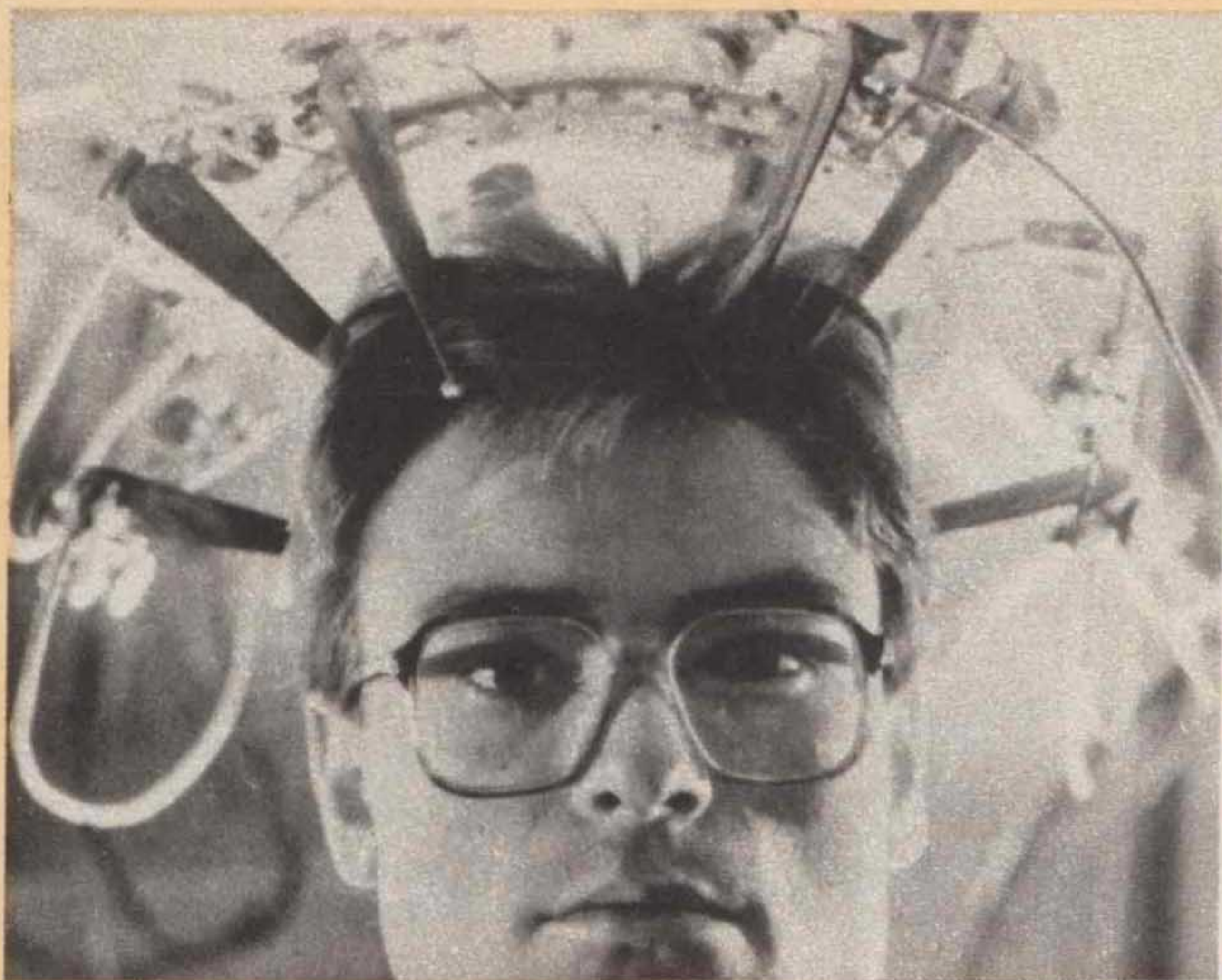
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 5. Доводка. 7. Аксенов. 9. Лейтмотив. 10. Кабельтов. 12. Красноуральск. 14. Самош. 15. Тонга. 16. Штопор. 18. Борец. 20. Тепляк. 21. Кубань. 23. Канал. 24. «Правде». 28. Пироп. 30. Гидра. 31. Реконструкция. 32. Студентка. 33. Валериана. 34. Альмади. 35. «Подлиза».

По вертикали: 1. Комендант. 2. Настасья. 3. Карболит. 4. Топология. 6. Демарш. 8. Солист. 11. Суверенность. 12. Компаратор. 13. Кооперация. 17. «Рожь». 18. Блок. 19. Цикл. 20. Темп. 22. Усилитель. 25. Дарвинизм. 26. Диоптрия. 27. Эвкалипт. 29. Песета. 30. Гибрид.

На первой странице обложки:

Фотоэтиюд Дм. Бальтерманца

Не все знают, что вокруг каждого человека, как и вокруг нашей планеты, есть свои «атмосфера» и «магнитосфера», где бушуют потоки излучений, не ощущаемых нашими органами чувств. А чуткие «глаза» и «уши» созданных учеными приборов могут теперь зафиксировать эту невидимую, но вполне материальную субстанцию...

Об этом загадочном явлении — физических полях биологических объектов — вы узнаете из беседы нашего корреспондента ВАНДЫ БЕЛЕЦКОЙ с академиком Ю. В. ГУЛЯЕВЫМ и доктором физико-математических наук Э. Э. ГОДИКОМ.

«НЮРНБЕРГСКИЕ ПРИЗРАКИ»

«Действие книги происходит как бы в двух временных пластах. События первой части разворачиваются в Берлине и Нюрнберге сразу же после победы над фашистской Германией, второй — в наше время. Два периода, а сущность явлений одна. Эсэсовский генерал с помощью подпольных фашистских организаций, а также американской разведки, перебирается в Южную Америку. Спустя годы его сын, воспитанный в фашистском духе, приезжает в Европу и становится агентом западных спецслужб... Роман этот о неонацизме и его корнях».

Так рассказывает Александр Чаковский о своей новой книге «Нюрнбергские призраки», отдельные главы которой будут опубликованы в ближайших номерах «Огонька».

«МОЛОДЕЦ» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В феврале 1923 года Марина Цветаева писала Борису Пастернаку: «Только что кончила большую поэму... не поэму, а наваждение, и не я ее кончила, а она меня,— расстались как разорвались!» Это была поэма «Молодец».

Цветаева создала ее по мотивам сказки Афанасьева «Упырь».

«Это — история юноши, который предпочел умереть, потерять своих близких, самого себя и свою душу, но не свою любовь... История девушки, которая, невзирая на смерть, забвение, собственное материнство,— любила. Вопреки всему и его проклятой любви — любила», — писала Цветаева.

В ближайшем номере «Огонька» читайте главы из поэмы «Молодец».

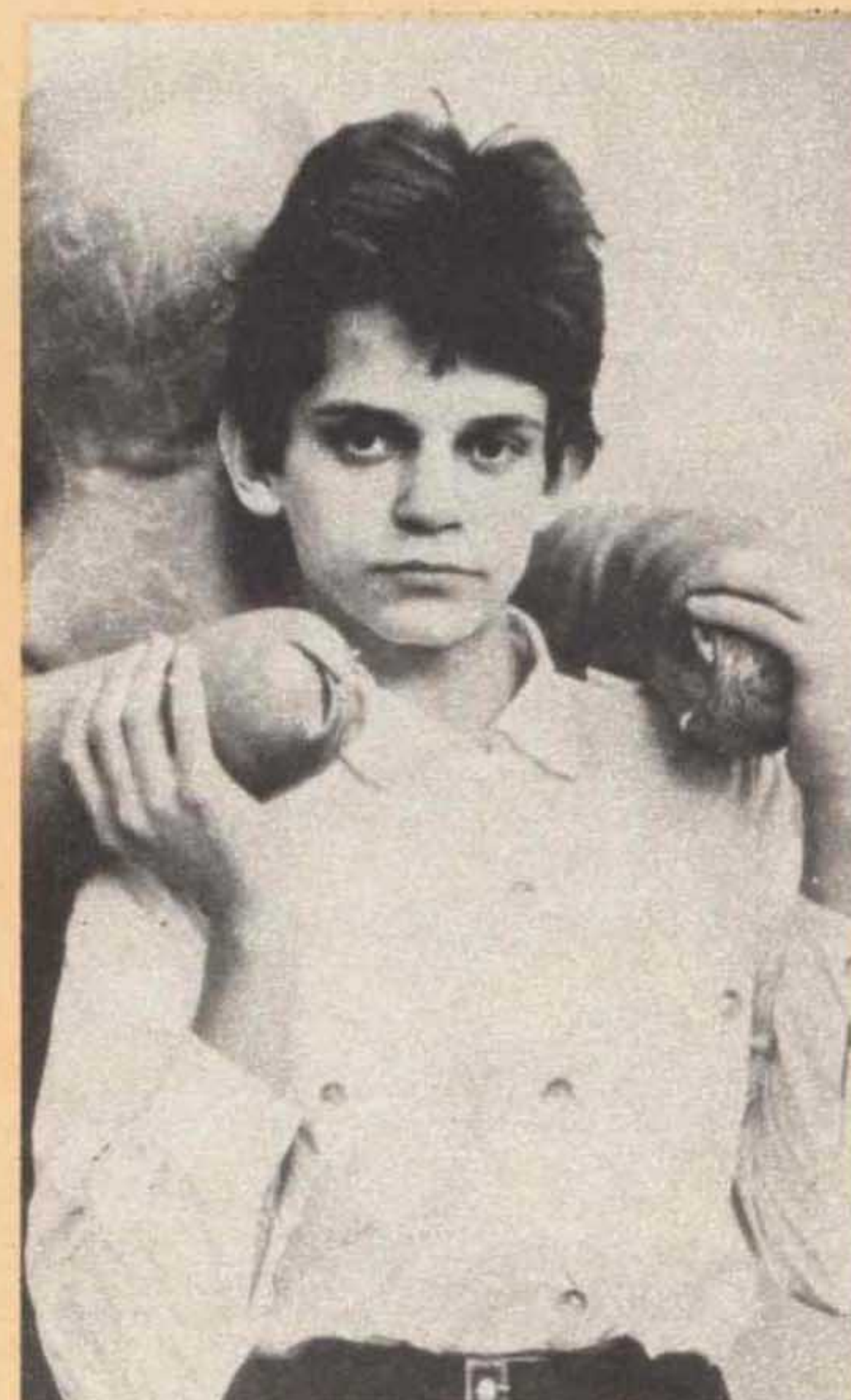
ОТ СЦЕНАРИЯ — К ФИЛЬМУ

Вопрос Александру МИНДАДЗЕ:

— Восприятие ваших фильмов требует от зрителя определенного труда. Получается, что вы в своей работе ориентируетесь скорее на искушенных знатоков...

— Знаете, знатоки знатокам рознь. Среди так называемых знатоков встречаются люди чрезвычайно плоские, недалекие, а среди «неподготовленных» — люди внутренне богатые, умеющие чувствовать очень глубоко. Кстати, думаю, дело вовсе не в подготовленности, а в определенном уровне душевного развития.

Беседу с известным кинодраматургом, автором сценариев кинофильмов «Охота на лис», «Остановился поезд», «Парад планет», а также новой картины «Плюмбум, или Опасная игра», кадр из которой вы видите на снимке, читайте в ближайшем номере.

МУЖЕСТВО НЕ ИЗМЕНИЛО

В двадцать два года шофер Мати Кууси из эстонского колхоза имени Кирова стал инвалидом: после болезни у него отказали ноги. Но воля и сильный характер вернули его к полноценной жизни, и он, по его словам, не испытывает душевного дискомфорта. Мати участвовал во многих авторалли, два из них выиграл, в нескольких был призером. О том, как ему удалось этого добиться, вы узнаете в одном из ближайших номеров журнала.

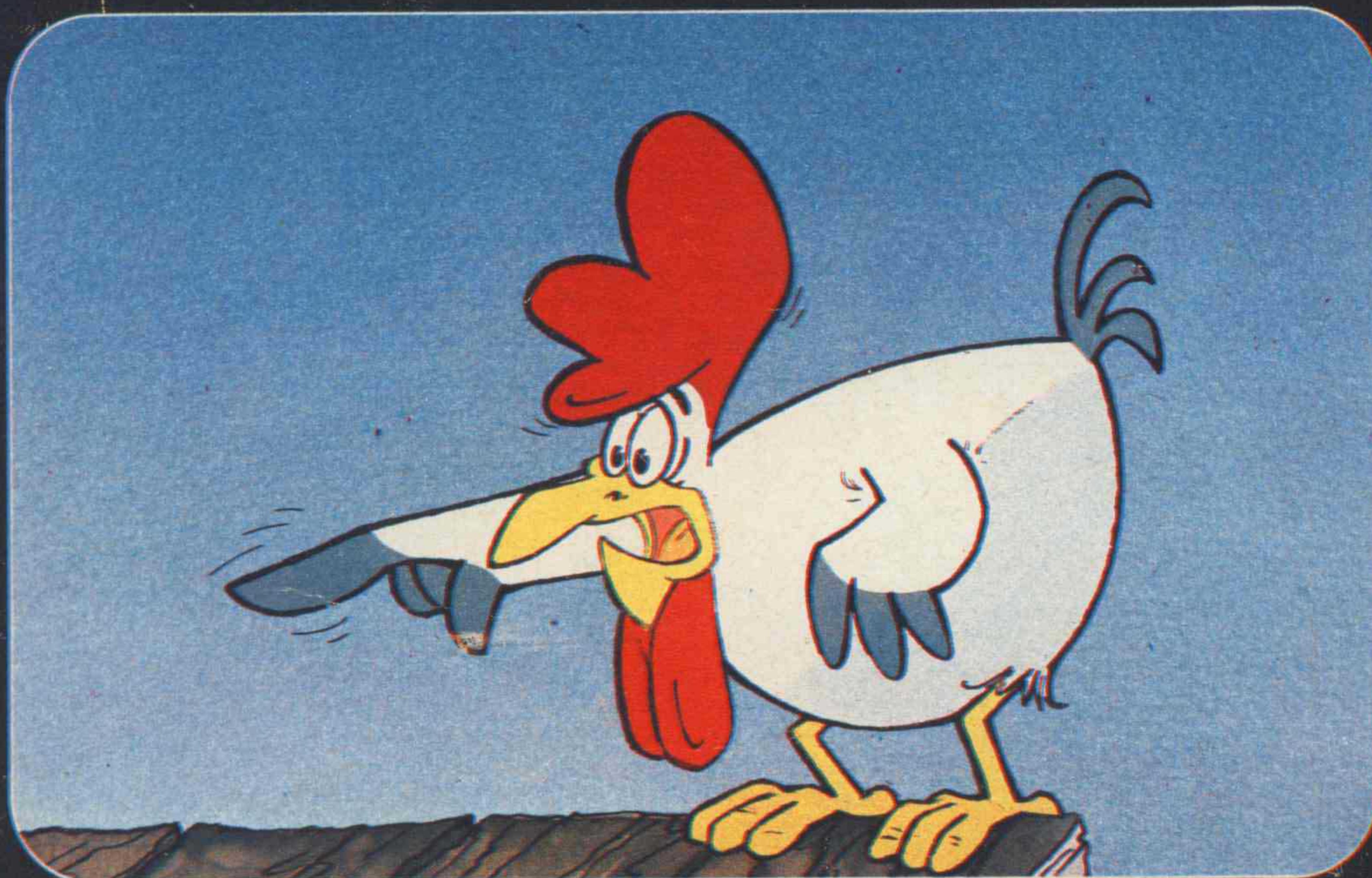

ОГОНЁК

— У меня, как у каждого человека, есть мечта, — говорит известный венгерский режиссер-мультипликатор Атилла Даргаи. — Я хочу снять полнометражный мультфильм-сказку на основе чудесного балета Чайковского «Щелкунчик».

Читайте в номере рассказ о венгерской мультипликации «Атилла Даргаи считает... смех».

Желаю и
много успехов дорогим
читателям «Огонька»!

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663